

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК
Краснодарского
университета
МВД России

2 0 2 3

№ 3
(61)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Симоненко А.В., доктор юридических наук, профессор, начальник Краснодарского университета МВД России

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Осипенко А.Л., доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Булгаков О.М., доктор технических наук, профессор, первый заместитель начальника Краснодарского университета МВД России;

Арутюнов А.С., кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры судебно-экспертной деятельности Краснодарского университета МВД России

Вишневецкий К.В., доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Генрих Н.В., доктор юридических наук, доцент, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия;

Гусев А.В., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России;

Данильян А.С., кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России

Денисенко В.В., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России;

Жеребцов А.Н., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел Краснодарского университета МВД России;

Иванцов С.В., доктор юридических наук, профессор, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя;

Игнатов А.Н., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя;

Карнаушенко Л.В., доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России;

Курдюк П.М., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Лебедев С.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина;

CHIEF EDITOR

Simonenko A.V., Doctor of Law, Professor, Head of the Krasnodar University of the Russian MIA

DEPUTY CHIEF EDITOR

Osipenko A.L., Doctor of Law, Professor, Deputy Head on Scientific Work of the Krasnodar University of the Russian MIA

EDITORIAL BOARD:

Bulgakov O.M., Doctor of Technics, Professor, First Deputy Head of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Arutyunov A.S., Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Judicial and Forensic Medicine of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Vishnevetsky K.V., Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Genrih N.V., Doctor of Law, Associate Professor, North-Caucasus branch of the Russian State University of Justice;

Gusev A.V., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminalistics, Krasnodar University of the Russian MIA;

Danilyan A.S., Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Denisenko V.V., Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Zherebtsov A.N., Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Ivantsov S.V., Doctor of Law, Professor, Kikot Moscow University of the Russian MIA;

Ignatov A.N., Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminology, Kikot Moscow University of the Russian MIA;

Karnaushenko L.V., Doctor of History, Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Kurdyuk P.M., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Lebedev S.Ya., Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Kosygin State University of Russia;

Лозовский Д.Н., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России;

Меретуков Г.М., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Мещеряков В.А., доктор юридических наук, Воронежский государственный университет;

Нижник Н.С., доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России;

Ображиев К.В., доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Рассказов Л.П., доктор юридических, исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Руденко А.В., доктор юридических наук, доцент, Кубанский государственный университет;

Рыдченко К.Д., кандидат юридических наук, начальник кафедры административной деятельности органов внутренних дел Краснодарского университета МВД России;

Самойлов С.Ф., доктор философских наук, профессор, начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин Краснодарского университета МВД России;

Таганова А.А., кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Краснодарского университета МВД России;

Труфанов М.Е., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел Краснодарского университета МВД России;

Шалин В.В., доктор философских наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Яблонский И.В., кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России.

Lozovsky D.N., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Meretukov G.M., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Mesheryakov V.A., Doctor of Law, the Voronezh State University;

Nizhnik N.S., Doctor of Law, Professor, the Saint Petersburg University of the Russian MIA;

Obrazhiev K.V., Doctor of Law, Professor, Kutafin Moscow State Law University;

Rasskazov L.P., Doctor of Law, History, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Rudenko A.V., Doctor of Law, Associate Professor, the Kuban State University;

Rydchenko K.D., Candidate of Law, Head of the Chair of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Samoilov S.F., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Chair of Social and Humanitarian Disciplines of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Taganova A.A., Candidate of Psychologies, Associate Professor, Professor of the Chair of Social and Humanitarian Disciplines of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Truphanov M.E., Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Shalin V.V., Doctor of Philosophy, Professor, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Yablonsky I.V., Candidate of History, Associate Professor, Head of the Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Russian MIA.

**ПОЗДРАВЛЯЕМ
С ЮБИЛЕЕМ!**

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Симоненко А.В. Применение инновационных образовательных технологий в подготовке специалистов по противодействию экстремизму (на примере Краснодарского университета МВД России)

Бикмашев В.А., Савенко И.А. Правовые основы применения физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия военнослужащими (сотрудниками) войск национальной гвардии Российской Федерации

Александров С.А. Социально-юридическая обусловленность уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере банкротства физических лиц

Бабанина Д.В. Факторы эскалации субкультуры криминального мира в среду несовершеннолетних

Дзюба А.А. Компромиссно-поощрительные нормы уголовного законодательства России в борьбе с угонами воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, сопряженными с преступлениями террористического характера

Лапсарь М.В. Об актуальности превенции деструктивного поведения несовершеннолетних в интернет-пространстве

Лысенко Р.В. Проблемы искусственного интеллекта в российской доктрине уголовного права

Пушкова Н.В. Общая характеристика состояния вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность

Хагур Ю.А. Виктимологическая характеристика жертвы самоуправства

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Данильян А.С. Принятие процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела: проблемы процедурного характера и пути их решения

Афанасьева А.А. Особенности реализации прав стороны защиты в собирании доказательств по уголовным делам

Крымов В.А. Об уголовном преследовании с точки зрения закона, теории и практики

**7 CONGRATULATIONS
WITH ANNIVERSARY!**

8 CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

8 Simonenko A.V. The use of innovative educational technologies in the training of anti-extremism specialists (on the example of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia)

16 Bikmashev V.A., Savenko I.A. The legal basis for the use of physical force, special firearms by military personnel (employees) of the National Guard troops of the Russian Federation

24 Alexandrov S.A. Social and legal conditionality of criminal legal counteraction to crimes in the field of bankruptcy of individuals

28 Babanina D.V. Escalation factors of the subculture of the criminal world among minors

32 Dzuba A.A. Compromise and incentive norms of the criminal legislation of Russia in the fight against hijacking of air or water transport or railway rolling stock, related to crimes of a terrorist nature

37 Lapsar M.V. On relevance of preventing the destructive behavior of minors in the Internet space

42 Lysenko R.V. Artificial intelligence problems in Russian criminal law doctrine

46 Pushkova N.V. General characteristics of the state of involvement of minors in extremist activities

52 Hagur Y.A. Victimological characteristics of the victim of arbitrariness

56 CRIMINAL PROCEDURE

56 Danilyan A.S. Making a procedural decision on refusal institution of a criminal case: problems of a procedural nature and ways to solution them

60 Afanasyeva A.A. Peculiarities of realization of the rights of the defense in the collection of evidence in criminal cases

66 Krymov V.A. On criminal prosecution from the point of view of the law, theory and practice

КРИМИНАЛИСТИКА, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Еремченко В.И., Гилязов Р.Р. Особенности допроса потерпевшего при расследовании преступлений, связанных с хищением безналичных денежных средств

Батоев В.Б., Юмозжапов Р.С. Использование технологий искусственного интеллекта в выявлении видеодипфейков

Очаковский В.А., Усенко А.С. Криминалистическая характеристика злоупотребления в сфере государственных закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд

Бондарева А.А. Криминалистические особенности субъектов преступлений, направленных на побуждение несовершеннолетнего к совершению самоубийства

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Железняк Н.С., Рыдченко К.Д. Об особенностях административно-правового регулирования запрета на оборот недостоверной общественно значимой информации

Луговик В.Ф., Волков К.С. О требованиях, предъявляемых к внутренним управленческим решениям органов внутренних дел

Динисламова А.З. О систематизации правового регулирования административной деятельности полиции по защите несовершеннолетних от вредоносной информации

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Курочкин А.В. Соотношение норм партийного и парламентского законодательства на примере партийных фракций

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Савченко М.С., Опарин В.Н. Правовая культура в условиях социокультурных и социокоммуникативных трансформаций общества

Самойлов С.Ф., Дудко А.С. Политическая предыстория возникновения запрещенной террористической организации полк «Азов»

Горбачев В.П. Взаимоотношения прокуратуры и судебных следователей в Российской империи

71 CRIMINALISTICS, OPERATIVE- INVESTIGATIVE ACTIVITY

71 Eremchenko V.I., Gilyazov R.R. Features of the interrogation of the victim in the investigation of crimes related to the theft of non-cash funds

76 Batoev V.B., Yumozhapov R.S. The use of artificial intelligence technologies in the detection of video fake

82 Ochakovskii V.A., Usenko A.S. Criminalistic characteristics of abuse in the field of public procurement of goods, works, services for state or municipal needs

90 Bondareva A.A. Criminalistic features of subjects committing crimes aimed at forcing a minor to commit suicide

94 ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

94 Zheleznyak N.S., Rydchenko K.D. On peculiarities the administrative and legal regulation of the ban on the circulation of unreliable socially significant information

100 Lugovik V.F., Volkov K.S. On the requirements for internal management decisions of internal affairs bodies

105 Dinislamova A.Z. On systematization of legal regulation of administrative activities of the police to protect minors from malicious information

112 CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

112 Kurochkin A.V. Correlation between the norms of party and parliamentary legislation on the example of party factions

118 THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

118 Savchenko M.S., Oparin V.N. Legal culture in the context of socio-cultural and sociocommunicative transformations of society

123 Samoilov S.F., Dudko A.S. The political background of the emergence of the banned terrorist organization Azov Regiment

131 Gorbachev V.P. Relationships of the Prosecutor's Office and judicial investigators in the Russian Empire

<i>Тамазова А.Д., Голубихина Н.В.</i> Правовая коммуникация в информационном обществе XXI в.	137	<i>Tamazova A.D., Golubikhina N.V.</i> Legal communication in the information society of the XXI century
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС	142	CIVIL LAW AND CIVIL PROCESS
<i>Кудрявцева Л.В., Петров И.В.</i> Правовые аспекты регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию в России	142	<i>Kudryavtseva L.V., Petrov I.V.</i> Legal aspects of agricultural product price regulation in Russia
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	146	CURRENT ISSUES OF HIGHER EDUCATION
<i>Вормсбекер И.А., Сидорова И.В.</i> Выбор темы диссертационного исследования в образовательных и научных организациях системы МВД России	146	<i>Vormsbekher I.A., Sidorova I.V.</i> Topic selection dissertation research in educational and scientific organizations of the Ministry of the Interior of Russia
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	154	TO CONSIDERATION OF AUTHORS

Поздравляем Корецкого Данила Аркадьевича с юбилеем!

4 августа исполнилось 75 лет Данилу Аркадьевичу Корецкому, советскому и российскому ученому-криминологу, доктору юридических наук, профессору, заслуженному юристу Российской Федерации, почетному сотруднику МВД России.

Данил Аркадьевич родился в Ростове-на-Дону. В 1967 г. окончил Ростовский радиотехнический техникум, в 1972 г. – юридический факультет Ростовского государственного университета.

После окончания университета Данил Аркадьевич работал следователем прокуратуры Кировского района Ростова-на-Дону. В дальнейшем был назначен старшим научным сотрудником первого в стране отдела криминологических исследований Центральной Северо-Кавказской лаборатории судебных экспертиз при Министерстве юстиции РСФСР. С 1981 г. проходил службу в Ростовском факультете Академии МВД СССР, а впоследствии в Ростовском юридическом институте МВД России, возглавлял кафедру криминологии и уголовно-исполнительного права.

С 2011 г. Данил Аркадьевич работает профессором кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Южного Федерального университета.

Д.А. Корецкий – автор более 280 научных работ и 35 художественных произведений, многие из которых переведены на иностранные языки. Круг научных интересов Данила Аркадьевича связан с актуальными проблемами криминологии, уголовного и уголовно-исполнительного права.

Данил Аркадьевич продолжает активную научную деятельность. В последние годы он исследует криминологические аспекты гомицидальной преступности, разрабатывает концепцию причин и условий преступности в условиях «новой нормальности».

Под научным руководством Д.А. Корецкого более 40 адъюнктов и соискателей успешно защитили диссертационные исследования на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Редакционная коллегия журнала поздравляет Данила Аркадьевича с юбилеем, желает доброго здоровья, успехов, удачи и благополучия!

**Редакционная коллегия журнала
«Вестник Краснодарского университета МВД России»**

Симоненко Александр Викторович

Применение инновационных образовательных технологий в подготовке специалистов по противодействию экстремизму (на примере Краснодарского университета МВД России)

В статье рассматривается актуальная для правоохранительных структур проблема профессиональной подготовки сотрудников, специализирующихся в области противодействия преступлениям и правонарушениям экстремистской направленности. Проанализированы достижения, основные направления и перспективные задачи разработки и реализации инновационных образовательных технологий в соответствующей области профессионального образования.

Ключевые слова: экстремистская деятельность, экстремистские группы и сообщества, система подготовки сотрудников подразделений по противодействию экстремизму, международное взаимодействие правоохранительных систем.

The use of innovative educational technologies in the training of anti-extremism specialists (on the example of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia)

The article is devoted to the problem of professional training of employees specializing in countering crimes and offenses of extremist orientation, which is relevant for law enforcement systems of various countries. The achievements, main directions and long-term tasks of the development and implementation of innovative educational technologies in the relevant field of vocational education are analyzed.

Keywords: extremist activity, extremist groups and communities, the system of training employees of departments to counter extremism, international interaction of law enforcement systems.

Приказом МВД России от 29 августа 2012 г. № 820 «О профилизации образовательных учреждений МВД России» за Краснодарским университетом МВД России закреплен приоритетный профиль «Деятельность подразделений по противодействию экстремизму, терроризму и борьбе с организованной преступностью» (далее – приоритетный профиль). Университет наделен функциями учебно-научного центра по данному профилю.

В соответствии с данным приказом университетом разработан комплекс организационных мер, объединенных целостной концепцией реализации приоритетного профиля подготовки. Для данной концепции характерны:

универсальность – реализация приоритетного профиля подготовки во всех видах и формах образовательной деятельности университета и ее обеспечение;

инновационность – применение при подготовке специалистов инновационных образовательных технологий и их элементов;

научность – разработка учебно-методического обеспечения образовательных программ и их компонентов, позволяющих реализовать приоритетный профиль на основе прикладных научно-исследовательских работ, выполняемых в университете по заявкам ГУПЭ МВД России, ЦПЭ ГУ МВД России по Краснодарскому краю, других территориальных органов МВД России;

практическая направленность – широкое участие практических специалистов ЦПЭ ГУ МВД России по Краснодарскому краю в разработке и апробации содержания дополнительных образовательных программ и компонентов основных образовательных программ, руководстве научно-исследовательскими работами курсантов и слушателей по тематике приоритетного профиля.

Наличие перечисленных качеств позволяет охарактеризовать концепцию реализации приоритетного профиля университета как системно-инновационную, ее основной принцип – согласованное использование инноваци-

онных образовательных проектов, созданных во взаимодействии практических органов и научно-педагогического сообщества университета.

Характер концепции реализации приоритетного профиля подготовки обусловил необходимость принятия ряда организационных мер, необходимых для консолидации усилий коллектива университета в рассматриваемой сфере. С этой целью в университете создан координационный совет по реализации приоритетного профиля, главными задачами которого являются:

обеспечение взаимодействия университета с подразделениями Центрального аппарата и территориальных органов МВД России в сфере научно-исследовательской деятельности;

координация выполнения научными коллективами университета научно-исследовательских работ по заявкам центрального аппарата и территориальных органов МВД России;

внедрение результатов научно-исследовательских работ в области противодействия экстремизму, терроризму и организованной преступности в образовательный процесс;

обсуждение инновационных образовательных и научных практико-ориентированных проектов, итогов их реализации и внедрения результатов в практическую деятельность органов внутренних дел;

обсуждение подготовки и результатов проведения научных представительских мероприятий по тематике приоритетного профиля;

проведение межведомственных семинаров по актуальным проблемам противодействия экстремизму.

С 2019 г. в университете осуществляется обучение по профильной образовательной программе высшего образования «Деятельность сотрудника подразделения по противодействию экстремизму» (специальность 40.05.02 Правоохранительная деятельность, специализация – оперативно-розыскная деятельность). В 2021 г. в рамках указанной специализации осуществлен набор на обучение по профилю образовательной программы «Деятельность сотрудника подразделения по противодействию экстремизму, осуществляющего выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий». Обучающиеся осваивают данные образовательные программы в составе пяти взводов факультета подготовки специалистов по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий.

Помимо подготовки будущих сотрудников центров по противодействию экстремизму,

университет формирует навыки профилактики и пресечения экстремистских проявлений, раскрытия и расследования преступлений и правонарушений экстремистского характера у курсантов и слушателей университета, обучающихся по другим специальностям, специализациям и профилям подготовки [1]. Задача формирования соответствующих компетенций решается посредством введения в учебные планы каждой специальности дисциплин, связанных с различными аспектами противодействия экстремизму [2]. К числу таких профильных дисциплин можно отнести «Религиоведение и основы противодействия религиозному экстремизму», «Расследование преступлений террористического характера и экстремистской направленности», «Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями террористического характера и экстремистской направленности», «Информационное противодействие экстремистской и террористической деятельности», «Экономические основы противодействия финансированию терроризма и экстремизма».

Особенностью реализации приоритетного профиля на факультете заочного обучения является акцент на применении информационно-телекоммуникационных технологий. В электронной информационной образовательной среде университета размещаются комплексы учебных материалов, разработанных с использованием дистанционных образовательных технологий, таких как «Религиоведение и основы противодействия религиозному экстремизму», «Мировоззренческая подготовка и социальная коммуникация сотрудников органов внутренних дел».

Каждый комплекс не только является собранием информационных и дидактических материалов по учебной дисциплине, но и ориентирован на интерактивный диалог между слушателями и преподавателями, осуществляемый посредством информационно-коммуникационных технологий. В частности, слушатели имеют возможность задавать вопросы и получать ответы по различным аспектам профессиональной подготовки в области противодействия экстремизму в режиме чатов и видеоконференции.

Важным направлением образовательной деятельности университета в контексте приоритетного профиля является повышение квалификации сотрудников органов внутренних дел по программам дополнительного профессионального образования, таких как: «Профилактика экстремизма в молодежной среде»,

«Предупреждение распространения криминальной идеологии в сети Интернет», «Идеология экстремизма и способы вовлечения и вербовки в радикальные движения и экстремистские группировки», «Психологическое сопровождение контртеррористических операций», «Тактика действий при возникновении массовых нарушений общественного порядка и угроз совершения террористических актов».

Дополнительные образовательные программы позволяют формировать у действующих сотрудников органов внутренних дел новые для них компетенции в области противодействия угрозам экстремистского характера, актуализировать их знания, умения и навыки на основе новейших достижений науки и практики.

Антитеррористическая проблематика включена и в программы повышения квалификации по противодействию современным видам преступлений, в числе которых: «Повышение квалификации сотрудников органов внутренних дел, привлекаемых к охране общественного порядка в период проведения публичных мероприятий»; «Повышение квалификации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, привлекаемых к несению службы в особых условиях»; «Применение технических средств досмотра. Обеспечение радиационной безопасности» и др.

Еще одним направлением реализации приоритетного профиля в дополнительном профессиональном образовании является обучение сотрудников правоохранительных органов иностранных государств по программам повышения квалификации, связанным с противодействием различным проявлениям экстремистской угрозы: «Современные формы и методы противодействия терроризму и экстремизму»; «Ведение переговоров с террористами»; «Экономические основы противодействия финансированию терроризма»; «Правовые и организационные основы деятельности органов внутренних дел в противодействии терроризму и экстремизму»; «Современные формы и методы противодействия терроризму и иным насильственным проявлениям экстремизма».

По данным программ прошли повышение квалификации представители правоохранительных органов более 20 государств Латинской Америки, бассейна Карибского моря, Африки и Азии.

Приобретение курсантами и слушателями компетенций, обеспечивающих эффективное применение ими в будущей профессиональной деятельности знаний, умений и навыков противодействия преступлениям и правонарушени-

ям экстремистской направленности, во многом зависит от методик обучения, информационно-методического и материально-технического обеспечения, форм организации внеаудиторной самостоятельной работы, используемых в процессе преподавания учебных дисциплин. Рассмотрим интерактивные методики обучения, применяемые в образовательном процессе университета по реализации приоритетного профиля.

1. Методика интерактивной карты потенциальных экстремистских угроз нацелена на формирование у обучающихся навыков как получения, так и анализа информации о потенциальных экстремистских угрозах. Обучающимся предлагается выявить места обслуживаемого района, которые представляют оперативный интерес, в частности:

места общественного отдыха, популярные среди лиц определенных радикальных взглядов;

места, содержащие граффити, плакаты, листовки экстремистской направленности (что свидетельствует об активности в данном районе определенных радикальных групп);

места сбора представителей фанатских сообществ, разделяющих радикальные взгляды;

объекты, в отношении которых совершались акты вандализма или иные противоправные действия и посягательства со стороны радикально настроенных лиц и группировок;

тематические магазины, пользующиеся популярностью в радикальной среде.

При реализации данной методики особый интерес представляет прием «наслоения нескольких карт». Его суть состоит в том, что группам обучающихся предлагается составить карты потенциальных экстремистских угроз различной направленности. Например, карты праворадикальной, леворадикальной, протестной, исламистской или других угроз наслаиваются друг на друга, что позволяет выявить как общие для представителей различных радикальных и экстремистских субкультур места, так и места их локализации.

2. Методика выявления радикально и экстремистски настроенных лиц при проведении массовых мероприятий связана с обучением курсантов и слушателей способам выявления потенциальных угроз во время проведения массовых мероприятий, в особенности спортивно-массовых. Данная методика базируется на том, что в ряде случаев лица, планирующие совершение массовых беспорядков во время проведения различных спортивно-массовых и иных мероприятий, одеваются соответствующим образом. Помимо этого, существуют алго-

ритмы поведения зачинщиков и координаторов различных незаконных массовых мероприятий. Определенный стиль одежды также предпочитают представители праворадикальных, леворадикальных и исламистских субкультур. Содержательно предлагаемая методика предполагает подготовку курсантами и слушателями докладов о внешнем виде и поведенческих моделях представителей различных радикальных экстремистских субкультур.

Такого рода знания необходимы сотрудникам полиции для обеспечения общественного порядка и личной безопасности при проведении массовых мероприятий, пресечении незаконных протестных акций, проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на противодействие экстремистским и террористическим угрозам. Практическое применение знаний, полученных курсантами и слушателями университета при реализации данной методики, осуществляется, в частности, во время их участия в охране общественного порядка.

3. Методика установления идеологической принадлежности новых радикальных и экстремистских сообществ по используемой ими атрибутике и символике основана на знании правил символических традиций, характерных для основных направлений экстремизма. Необходимость реализации данной методики в образовательном процессе будущих сотрудников подразделений по противодействию экстремизму обусловлена тем, что в ряде случаев именно символическое изображение служит единственным средством раскрытия подлинной идеологии того или иного сообщества.

Если выявление сторонников экстремистской организации по используемой символике представляется достаточно простым (для этого нужно знать нацистскую символику и символику запрещенных в Российской Федерации экстремистских организаций), то установление радикального или экстремистского характера вновь обнаруженных сообществ по символическим изображениям в значительной мере затруднительно. Решение данной задачи становится возможным только благодаря знанию общих принципов формирования символики праворадикализма, леворадикализма, исламизма и других направлений идеологии экстремистской направленности. Во многом создание рассматриваемой методики обусловлено требованиями российского законодательства, запрещающего использование нацистской и экстремистской, а также сходной с ними до степени смешения и узнаваемости символики.

Овладение данной методикой облегчит будущим сотрудникам центра по противодействию экстремизму территориального органа МВД России взаимодействие с экспертами и специалистами в области психолингвистической экспертизы, проведение которой необходимо при выявлении различных экстремистских материалов, в том числе содержащих символические изображения.

4. Методика исследования интернет-публикаций на предмет обнаружения в них высказываний предположительно экстремистского характера предполагает изучение обучаемыми подобранных преподавателем постов, размещаемых в сети Интернет, с целью определения их экстремистской направленности. После предварительных оценок, данных обучающимися изученным материалам, преподаватель в зависимости от наличия или отсутствия запрета на ресурс, на котором была размещена данная публикация, подтверждает или опровергает предположение. Указанная методика является одной из составляющих обучения курсантов и слушателей элементам психолингвистической экспертизы, определенное представление о которой необходимо будущим выпускникам университета для выявления различных проявлений разжигания ненависти и вражды по национальному, расовому, религиозному и иным социальным признакам.

5. Методика определения идеологического контекста совершенного террористического акта состоит в решении курсантами и слушателями проблемных ситуаций, связанных с необходимостью установления идеологических мотивов преступников, совершивших конкретный террористический акт. Разработка и реализация данной обучающей методики обусловлены тем, что идеологические установки террористов влияют как на выбор объекта преступных посягательств, так и на способ их совершения. Например, при совершении террористических актов неонацистские группы в силу своей идеологии часто нацелены на представителей других рас, наций, лиц с физическими и психическими ограничениями возможностей здоровья, маргиналов. В противоположность им представители исламистских организаций и группировок склонны совершать неизбирательные акты массового террора. Наконец, представители леворадикальных групп и сообществ часто совершают символические террористические акты. Знание «почерков» совершения террористических актов, характерных для представителей различных направлений экстремизма, является необходимым компонентом подготов-

ки сотрудников, занимающихся раскрытием и расследованием преступлений террористического характера.

6. Методика профайлинга заключается в изучении курсантами и слушателями под руководством преподавателя видеороликов, фиксирующих внешний вид, характерное поведение, способы и приемы невербального общения, жесты и мимику правонарушителей, совершающих преступления экстремистской направленности, террористические акты. Данная методика имеет особую значимость для подготовки курсантов и слушателей университета к участию в обеспечении общественной безопасности при проведении общественно-политических, культурных, и спортивно-массовых мероприятий.

7. Методика составления информационных баз по противодействию различным угрозам экстремистского характера направлена на обучение курсантов и слушателей способам накопления и классификации материала, представляющего оперативный интерес в процессе противодействия различным экстремистским угрозам, т.е. сбору и обработке информации о составе, структуре, идеологии, символике, характере противоправной деятельности того или иного радикального или экстремистского сообщества.

Данные информационные базы не касаются конкретных лиц, поскольку такого рода деятельность может вступать в противоречие с действующим законодательством. Подобного рода знания позволяют сформировать представление о различных радикальных и экстремистских средах, что имеет несомненную ценность для будущей профессиональной деятельности.

8. Методика статистической обработки и анализа информации, выявленной в процессе мониторинга интернет-пространства, на предмет выявления различных проявлений экстремизма заключается в обучении применению специализированных программных продуктов, в частности SPSS Statistics и «Медialogия».

Компьютерная программа SPSS Statistics позволяет осуществлять статистическую обработку информации, представляющей интерес в рамках противодействия экстремизму. Обучение курсантов и слушателей навыкам работы с системой мониторинга СМИ и социальных сетей «Медialogия» способствует повышению уровня их научно-исследовательских и выпускных квалификационных работ, посвященных новым способам противодействия правоохранительных органов правонарушениям и преступлениям экстремистского характера.

9. Методика опосредованного и непосредственного обучения нормам социальной коммуникации заключается в формировании у курсантов и слушателей навыков общения с носителями различных мировоззрений, а также представителями различных общественных и религиозных организаций. Данная методика включает два основных этапа. На первом этапе курсантами и слушателями изучаются этикетные нормы общения с представителями различных национальностей, религиозных конфессий, социальных слоев и т.д. На втором этапе, часто проводимом в режиме видеоконференции, подразумевается общение обучающихся с представителем какой-либо религиозной конфессии или носителем идеологии, системы взглядов. Данная методика позволяет сформировать и отработать наиболее эффективные алгоритмы взаимодействия сотрудников органов внутренних дел с гражданами в рамках проведения мероприятий по противодействию проявлениям экстремистской угрозы.

В процесс реализации приоритетного профиля вовлечена значительная часть профессорско-преподавательского состава и подразделений, обеспечивающих образовательный процесс. Большую роль в разработке и совершенствовании инновационных методик обучения играют конкурсы профессионального мастерства профессорско-преподавательского состава, проводимые в образовательной организации и охватывающие как головной вуз, так и все его филиалы. Такие конкурсы представляют собой настоящую лабораторию педагогических инноваций, апробируемых в процессе проведения показательных и открытых занятий.

Необходимым условием подготовки будущего специалиста по противодействию экстремизму является практическая направленность его обучения [3]. Организационной основой практико-ориентированного подхода к формированию у курсантов и слушателей университета профессиональных специализированных компетенций в области профилактики, выявления и раскрытия правонарушений и преступлений экстремистской направленности является системный характер взаимодействия профессорско-преподавательского состава и обучающихся с ведущими специалистами ЦПЭ ГУ МВД России по Краснодарскому краю, других территориальных органов, дислоцированных в Южном и Северо-Кавказском Федеральных округах. Для этого, в частности, используется пребывание в университете сотрудников ЦПЭ территориальных органов, повышающих свою квалификацию по программам дополнитель-

ного профессионального образования. Данное взаимодействие осуществляется не только посредством приглашения сотрудников центров по противодействию экстремизму для проведения учебных занятий и бесед профориентационной направленности с обучающимися, но и путем регулярных посещений курсантами и слушателями университета Центра по противодействию экстремизму ГУ МВД России по Краснодарскому краю, в ходе которых будущие выпускники знакомятся с предстоящей профессиональной деятельностью.

Важной особенностью реализации практико-ориентированного подхода в процессе обучения будущих специалистов в области противодействия экстремизму является возможность прямого взаимодействия университета с ГУПЭ МВД России и ЦПЭ ГУ МВД России по Краснодарскому краю. Так, в университете успешно работает группа практического взаимодействия с данными структурными подразделениями МВД России, состоящая из курсантов и слушателей университета и возглавляемая преподавателями, проводящими научно-практические исследования феномена экстремизма, его проявлений и способов противодействия последним.

Организационные формы и содержание работы группы постоянно совершенствуются. Ее участники из числа профессорско-преподавательского состава повысили квалификацию по программе «Основы профилактики деструктивного социального воздействия на молодежь в сети Интернет и в социальных сетях», что нашло отражение в адаптации приобретенных ими компетенций к задачам группы в целом, формулировании индивидуальных заданий курсантам и слушателям, обсуждении результатов работы на специализированных семинарах [4].

Основной задачей группы практического взаимодействия является выявление предположительно экстремистских материалов, распространяемых в сети Интернет, а также установление лиц, принимавших непосредственное участие в незаконных массовых мероприятиях. Данные, выявленные участниками группы, и аналитические отчеты предоставляются в ГУПЭ МВД России, ЦПЭ ГУ МВД России по Краснодарскому краю. Работа группы неоднократно получала положительную оценку со стороны руководства указанных структурных подразделений МВД России.

Одной из важнейших особенностей научного обеспечения общих образовательных программ является его тесная связь с потребностями центрального аппарата МВД России и

практических подразделений территориальных органов внутренних дел, непосредственно осуществляющих противодействие экстремизму.

В основе учебно-методического обеспечения реализуемых в рассматриваемом направлении дисциплин лежат заказные научно-исследовательские работы, выполненные по заявкам ГУПЭ МВД России и ЦПЭ ГУ МВД России по Краснодарскому краю, а также включенные в План научного обеспечения МВД России.

Необходимым условием научно-исследовательской работы по тематике приоритетного профиля служит внедрение ее результатов в образовательный процесс посредством публикации статей в научной периодике, издания монографий, учебников, учебных и учебно-методических пособий для формирования у обучающихся компетенций по противодействию экстремизму. Научная и учебная литература доступна курсантам и слушателям не только в печатном, но и в электронном виде благодаря ее размещению в электронной информационной образовательной среде университета.

Необходимость координации научно-исследовательской работы в области противодействия экстремизму и внедрения в образовательный процесс инновационных технологий привела к созданию в университете научно-исследовательской лаборатории по реализации приоритетного профиля подготовки «Деятельность подразделений по противодействию экстремизму, терроризму и борьбе с организованной преступностью». Ее основные задачи:

- проведение научных исследований с широким участием курсантов и слушателей;
- разработка научного и научно-методического обеспечения реализации приоритетного профиля;
- подготовка квалифицированных специалистов для органов внутренних дел по приоритетному профилю, обеспечение формирования у обучающихся углубленных знаний и навыков для выполнения профессиональных задач в сфере противодействия экстремизму.

Указанные цели определили структуру научно-исследовательской лаборатории, в состав которой вошли:

- экспертный совет, включающий представителей руководства университета, ведущих ученых университета, сотрудников практических органов и осуществляющий координацию, проведение и оценку результатов теоретических, эмпирических и прикладных исследований, а также практико-ориентированных образовательных проектов, выполняемых в рамках реализации приоритетного профиля;

научно-исследовательские группы, состоящие из представителей профессорско-преподавательского состава университета, адъюнктов, слушателей и курсантов университета, осуществляющих проведение теоретических, эмпирических и прикладных исследований, а также практико-ориентированных образовательных проектов по приоритетному профилю;

группы взаимодействия с практическими органами, состоящие из представителей профессорско-преподавательского и переменного состава университета и реализующие практико-ориентированные проекты и апробацию инновационных образовательных методик подготовки специалистов в области противодействия экстремизму по заявкам и в тесном взаимодействии с ГУПЭ МВД России и ЦПЭ территориальных органов внутренних дел.

Приоритетным направлением работы лаборатории является внедрение результатов научно-исследовательских работ, проводимых по заявкам центрального аппарата и территориальных органов внутренних дел в образовательный процесс университета. Работа научно-исследовательской лаборатории в данном направлении обеспечивает прямую связь между практическими органами, ведомственной наукой и учебным процессом.

Одним из непосредственных результатов деятельности научно-исследовательской лаборатории является сборник научных трудов ее участников. В его содержание входят не только рубрики, посвященные теоретическим, эмпирическим и прикладным исследованиям в области противодействия экстремизму, но и разделы, раскрывающие перспективные пути развития профессионального образования в соответствующей области и в сфере инновационных образовательных технологий.

Таким образом, научное обеспечение реализации университетом приоритетного профиля, в частности деятельность научно-исследовательской лаборатории, нацелено не только на решение задач, стоящих перед ведомственной наукой в области исследования и разработки различных аспектов противодействия экстремизму, но и на внедрение дидактических инноваций в образовательный процесс.

По своему замыслу инновационная концепция развития приоритетного профиля подготовки предполагает совершенствование внешних и внутренних систем социального взаимодействия университета.

К числу такого рода социальных коммуникаций следует отнести взаимодействие между:

университетом и ГУПЭ МВД России, ЦПЭ ГУ МВД России по Краснодарскому краю и другими территориальными органами внутренних дел;

научно-исследовательским и учебным направлениями деятельности университета;

гуманитарной и информационно-технической составляющей образовательного процесса;

профессорско-преподавательским составом и обучающимися в процессе освоения образовательных программ;

университетом и различными общественными и религиозными организациями, взаимодействие с которыми является элементом содержания профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, противодействующих экстремизму.

Среди многочисленных видов социального взаимодействия, необходимых университету для успешной реализации приоритетного профиля подготовки, значимое место занимает международное сотрудничество. Несмотря на то что в настоящее время международное сотрудничество университета в области подготовки специалистов по противодействию экстремизму, терроризму и организованной преступности имеет достаточно масштабный характер, существуют объективные причины для его расширения. К их числу следует отнести:

ухудшение международной обстановки, использование странами коллективного Запада технологий «цветных революций» и разжигание внутренних вооруженных конфликтов в странах, отстаивающих идею построения многополярного мира;

деятельность международных экстремистских сообществ, осуществляющих вербовку и вовлечение с помощью социальных сетей граждан различных государств;

необходимость обмена опытом между представителями правоохранительных систем разных стран в области противодействия экстремизму в связи с неоднозначностью характера экстремистской угрозы в различных регионах мира;

стремление экстремистски настроенных сил в различных регионах мира к координации своих усилий, широкие возможности обмена между ними опытом совершения противоправных действий.

Данные факторы обуславливают необходимость принятия следующих мер по активизации международного сотрудничества в области противодействия экстремизму:

1) проведение международных научно-практических конференций, круглых столов и семи-

наров, посвященных актуальным проблемам противодействия экстремистским угрозам, в частности:

- осуществлению «цветных революций»;
- использованию деструктивных молодежных субкультур для дестабилизации социально-политической обстановки в стране;
- деятельности транснациональных преступных сообществ;
- разжиганию ненависти и вражды на почве расовой, национальной, религиозной, политической и иной вражды;
- деятельности экстремистских и террористических сообществ религиозно-политической направленности;

2) реализация программ повышения квалификации по актуальным проблемам противодействия различным проявлениям экстремизма;

3) осуществление совместными усилиями перевода и издания научно-исследовательской и научно-методической литературы, посвященной актуальным проблемам противодействия экстремизму.

Осложнение международной обстановки и активизация проявлений экстремизма вызывают необходимость модернизации профессионального образования в рассматриваемой области на постоянной основе. В связи с этим разработка и реализация инновационных образовательных технологий противодействия деструктивно настроенным политическим силам становятся одной из приоритетных задач профессионального образования, международного сотрудничества правоохранительных систем, разделяющих идеи многополярного мира.

1. Булгаков О.М., Самойлов С.Ф. Идеологическая составляющая подготовки сотрудников полиции, задействованных в мероприятиях по противодействию экстремистской угрозе исламистского характера // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 5 дек. 2019 г. Краснодар, 2019. С. 38–49.

2. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: утв. Президентом РФ 28 нояб. 2014 г. № Пр-2753. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

3. Самойлов С.Ф. Мировоззренческая подготовка сотрудников органов внутренних дел: учеб. пособие. Краснодар, 2022.

4. Самойлов С.Ф., Сафронов А.А., Плотников В.В. Теоретико-методологические основы деятельности сотрудников органов внутренних дел по профилактике религиозно-политического экстремизма: учеб.-метод. пособие. Краснодар, 2022.

1. Bulgakov O.M., Samoilov S.F. The ideological component of the training of police officers involved in measures to counter the extremist threat of an Islamist nature // *Ethnos and society in the context of interethnic relations: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Dec. 5, 2019. Krasnodar, 2019. P. 38–49.*

2. Strategy of countering extremism in the Russian Federation until 2025: approved by the President of the Russian Federation on Nov. 28, 2014, No. Pr-2753. Access from the legal reference system "Garant".

3. Samoilov S.F. Ideological training of employees of internal affairs bodies: studies. stipend. Krasnodar, 2022.

4. Samoilov S.F., Safronov A.A., Plotnikov V.V. Theoretical and methodological foundations of the activities of employees of internal affairs bodies for the prevention of religious and political extremism: course material aid. Krasnodar, 2022.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Симоненко Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор, начальник Краснодарского университета МВД России; e-mail: a18071959@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.V. Simonenko, Doctor of Law, Professor, Chief of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: a18071959@yandex.ru

Бикмашев Виталий Абдулхаевич
Савенко Ирина Алексеевна

Правовые основы применения физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия военнослужащими (сотрудниками) войск национальной гвардии Российской Федерации

В статье рассматривается правовой аспект необходимой обороны, причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайней необходимости как обстоятельств, исключающих преступность деяния, и правовые основания действий военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии при исполнении служебных обязанностей. Сформулированы предложения по совершенствованию ст. 18 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации».

Ключевые слова: национальная гвардия, необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайняя необходимость, применение оружия.

The legal basis for the use of physical force, special firearms by military personnel (employees) of the National Guard troops of the Russian Federation

The article considers the legal aspect of necessary defense, causing harm during the detention of a person, a crime of extreme necessity, as an institution excluding criminality of the act and the legal grounds for the actions of servicemen (employees) of the National Guard troops in the performance of official duties. Proposals were made to improve Article 18 of Federal Law No. 226-FZ d.d. July 3, 2016 "On the Troops of the National Guard of the Russian Federation"

Keywords: national Guard, necessary defense, causing harm during the detention of a person who committed a crime, extreme necessity, the use of weapons

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (далее – ФЗ «О войсках национальной гвардии») войска национальной гвардии являются государственной военной организацией, предназначенной для обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина [1].

Под государственной безопасностью понимается уровень защищенности от внутренних и внешних угроз, обеспечение которой предполагает реализацию мероприятий в сфере политических, экономических, социальных, военных и правовых процессов, связанных с предупреждением и устранением антигосударственной и подрывной деятельности разведывательных и иных спецслужб агрессивно настроенных недружественных государств [2].

Под общественной безопасностью понимается состояние защищенности личности, мате-

риальных и духовных ценностей общества от преступных, противоправных посягательств, межнациональных, межконфессиональных и социальных конфликтов, чрезвычайных ситуаций, создающих угрозу эпидемий, эпизоотий либо наступления иных тяжких последствий [2].

Защита прав и свобод человека и гражданина гарантирована гл. 2 Конституции РФ [3].

Согласно ФЗ «О войсках национальной гвардии» войска осуществляют свою деятельность на основе принципов законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, единоначалия, централизации управления.

Для выполнения возложенных на войска задач национальная гвардия реализует общие и специальные полномочия.

Среди общих полномочий, которые, на наш взгляд, наиболее значимы, можно выделить следующие:

требовать от граждан соблюдения общественного порядка;

требовать прекращения административных правонарушений либо преступлений;

проверять документы граждан, если имеются основания подозревать их в совершении преступления или предполагать, что они находятся в розыске;

принимать меры по охране места происшествия до прибытия представителей органов дознания или следствия;

доставлять граждан в органы внутренних дел для установления личности, если имеются основания полагать, что лицо находится в розыске как скрывающееся от органов дознания, следствия или суда;

производить досмотр транспортных средств, плавучих судов, нарушивших правила, установленные на охраняемых объектах.

К специальным полномочиям закон относит:

задержание лиц, подозреваемых в совершении преступления; лиц, совершивших побег из-под стражи; лиц, уклоняющихся от отбывания как уголовного, так и административного наказания; лиц, допускающих нарушение правил комендантского часа;

вскрытие транспортных средств в целях спасения жизни и здоровья граждан; обеспечения общественной безопасности при массовых беспорядках или чрезвычайных ситуациях; задержания лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления; пресечения преступления;

вхождение (проникновение) в жилые и иные помещения, на участки и территории (акватории), принадлежащие гражданам либо занимаемые организациями (допускается при несении боевой службы в случаях защиты жизни граждан или их имущества; общественной безопасности при массовых беспорядках и чрезвычайных ситуациях; противодействия террористам и экстремистам; пресечения преступлений и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений).

Частью 13 ст. 18 ФЗ «О войсках национальной гвардии» предусмотрено, что военнослужащие (сотрудники) войск при осуществлении своих полномочий действуют в состоянии необходимой обороны, причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайней необходимости.

Таким образом, правовыми основаниями применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия военнослужащими (сотрудниками) войск национальной гвардии выступают: Конституция РФ; ст. 37–39 УК РФ и ст. 18–21 ФЗ «О войсках национальной гвардии».

В соответствии с ч. 2 ст. 45 Конституции РФ каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Фактическими обстоятельствами, при наличии которых войска национальной гвардии могут применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие, являются «обстоятельства, исключающие преступность деяния», с которыми увязываются определенные правовые основания.

В ст. 37 УК РФ необходимая оборона определяется как обстоятельство, исключающее преступность деяния:

1. Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, т.е. при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

2. Защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, т.е. умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства.

2.1. Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения.

3. Право на необходимую оборону имеют в равной мере все лица независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения. Это право принадлежит лицу независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти [4].

Для реализации в практической деятельности данного института необходимо соблюдать следующие условия, которые принято подразделять на относящиеся к посягательству и к защите.

Признание посягательства правомерным требует наличия следующих критериев:

1. Посягательство должно быть общественно опасным (характер общественной опасности зависит от содержания и значимости объекта преступного посягательства, причи-

ненного ему вреда, особенностей способа посягательства, вида вины, содержания мотивов и целей преступления; помимо характера, следует учитывать степень общественной опасности, которая определяется величиной ущерба, местом, временем и обстановкой совершения преступления).

2. Посягательство должно быть наличным (наличным следует считать посягательство, в результате совершения которого охраняемым объектам причиняется вред или существует реальная угроза причинения такого вреда).

3. Посягательство должно быть действительным (существующим в реальности, а не в воображении обороняющегося лица).

Несоблюдение последнего критерия приводит к так называемой мнимой обороне. Вместе с тем в случаях, когда обстановка происшествия давала основания полагать, что совершается реальное посягательство и лицо, применившее средство защиты, не сознавало и не могло сознавать ошибочность своего предположения, его действия следует рассматривать как совершенные в состоянии необходимой обороны.

Условия правомерности, относящиеся к защите:

1. Защита всегда является активным действием, направленным на оборону от общественно опасного посягательства (граждане имеют право применять при защите активные меры независимо от наличия у них возможности спастись бегством или использовать иные способы избежать нападения).

Из содержания ч. 3 ст. 37 УК РФ следует, что право на необходимую оборону имеют в равной мере все лица независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения.

2. Вред причиняется только посягающему (по смыслу ч. 1 ст. 37 УК РФ необходимая оборона является действием, в результате которого может причиняться как физический, так и имущественный вред).

Физический вред может выразиться в лишении жизни, причинении вреда здоровью различной степени тяжести. При этом необходимо подчеркнуть, что лишение жизни преступника правомерно лишь в случае, если его нападение было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой причинения такого насилия.

Имущественный вред может состоять в уничтожении или повреждении имущества и подлежит возмещению только в случае, если

был нанесен при превышении пределов необходимой обороны.

3. Защита должна быть своевременной, (т.е. осуществляться в пределах времени, которое занимает посягательство).

В случае продолжения оборонительного действия после фактического окончания посягательства действия обороняющегося не подпадают под признаки правомерности необходимой обороны.

4. Целью ответных действий выступает именно стремление лица защитить охраняемые законом общественные отношения от преступного посягательства.

Если посягательство используется как предлог для сведения счетов или мести, то причинение вреда посягающему не охватывается признаками необходимой обороны и должно рассматриваться как умышленное преступление.

5. Меры защиты должны быть соизмеримы с характером и степенью посягательства (согласно ч. 2 ст. 37 УК РФ соразмерной признается защита, которая явно не превосходит опасность посягательства).

Важно помнить, что в состоянии душевного волнения, вызванного посягательством, обороняющийся не всегда может точно оценить характер опасности и избрать соразмерные средства защиты, поэтому его действия нельзя рассматривать как совершенные с превышением пределов необходимой обороны.

Таким образом, исходя из содержания ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона» можно сделать вывод о том, что условиями правомерности причинения вреда посягающему лицу со стороны обороняющегося могут быть признаны следующие обстоятельства:

1. Причиняемый вред должен быть соразмерным предотвращаемому (ч. 1 и 2 ст. 37 УК РФ).

2. Предотвращаемый вред может быть и большим, но при условии, что он был допущен по неосторожности (ст. 26 УК РФ) либо невиновно (ст. 28 УК РФ). Как следует из содержания ч. 2 ст. 37 УК РФ, превышение пределов необходимой обороны образует только умышленная форма вины.

3. Невозможность вследствие неожиданности посягательства объективно оценить характер и степень общественной опасности посягательства (ч. 2.1 ст. 37 УК РФ), что повлекло причинение большего вреда, чем это требовалось обстановкой происходящего, что однозначно исключает превышение пределов необходимой обороны.

Согласно ч. 1 ст. 38 УК РФ не является преступлением причинение вреда при задержании лица для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным, если при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер. Часть 2 анализируемой нормы устанавливает: «Превышением мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, признается их явное несоответствие характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам задержания, когда лицу без необходимости причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда» [4].

Уголовная ответственность за превышение мер, необходимых для задержания лица, наступает только в случаях умышленного причинения смерти, тяжкого или средней тяжести вреда здоровью [5].

Для деяния, предусмотренного ст. 38 УК РФ «Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление», в законодательстве установлен ряд условий его правомерности:

1. Задержанию подвергается лицо, которое совершило общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом. Если лицо совершило проступок, то оно не может быть подвергнуто насильственному доставлению.

2. Причинение физического или имущественного вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании должно быть вынужденной мерой, так как конечной целью задержания является доставление лица в правоохранительный орган и пресечение возможности совершения им новых преступлений.

3. Лишение жизни лица при его задержании возможно в качестве исключительной меры и только в отношении лиц, оказывающих злостное неповиновение, опасное для жизни лица, осуществляющего задержание. В данном случае задерживающее лицо вправе действовать в рамках условий правомерности необходимой обороны.

4. Причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании должно быть соизмеримым с характером и степенью общественной опасности противоправного деяния и обстоятельствами задержания. Если исходить из того, что преступление – это действие, связанное с причинением какого-либо

вреда объекту, а задержание – это действие, выражающееся в причинении вреда лицу, совершившему преступление, то задержание будет соразмерным в случае, если причиненный виновному лицу вред явно не превосходит вред, который он сам причинил.

Если задержание не преследует цель пресечения преступления или доставления лица в правоохранительный орган, то такие действия не являются правомерными и влекут назначение уголовной ответственности на общих основаниях.

В соответствии с п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 лицо должно быть уверено, что причиняет вред именно тому лицу, которое совершило преступление (например, когда задерживающий является пострадавшим либо очевидцем преступления, на задерживаемого прямо указали очевидцы преступления как на лицо, его совершившее, когда на задерживаемом или на его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления) [5].

Если имела место ошибка лица, осуществляющего задержание относительно характера совершенного задержанным лицом противоправного деяния, когда фактически лицо совершило административное нарушение, а не преступление, оценки задерживаемого лица (не достигшего возраста уголовной ответственности либо находящегося в состоянии невменяемости) при условии, когда обстановка давала основания полагать, что совершалось преступление и лицо не осознавало и не могло осознавать действительный характер совершаемого деяния, то его действия следует оценивать по правилам ст. 38 УК РФ, в том числе о допустимых пределах причинения вреда.

Таким образом, на основании анализа положений ст. 38 УК РФ можно сделать вывод об условиях правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление:

1. Причиняемый задерживаемому лицу вред всегда должен быть минимальным, достаточным для того, чтобы задержать данное лицо с целью его доставления в правоохранительные органы.

2. Причиняемый задерживаемому лицу вред может быть и большим, если он был допущен по неосторожности (ст. 26 УК РФ) либо невиновно (ст. 28 УК РФ), поскольку УК РФ не предусматривает уголовной ответственности за причинение вреда по неосторожности.

3. В случае, если задерживаемое лицо оказывает задерживающему лицу злостное неповиновение, сопряженное с насилием, опасным для жизни или здоровья данного лица, либо сопряженное с угрозой применения такого насилия, действия задерживающего лица охватываются условиями правомерности ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона».

Статья 39 УК РФ определяет крайнюю необходимость следующим образом: «Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости».

Превышением пределов крайней необходимости признается причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда указанным интересам был причинен вред равный или более значительный, чем предотвращенный. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда» [4].

Изложенное позволяет утверждать, что крайняя необходимость – это правомерная защита одного права за счет другого.

Как при необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, для признания крайней необходимости правомерной опасность, грозящая субъекту правоприменения и иным лицам, должна характеризоваться следующим:

а) угрожать их личности или правам, охраняемым законом интересам общества или государства;

б) быть наличной – непосредственно угрожающей причинением существенного вреда индивидуальным или общественным интересам (наличие опасности означает, что она возникла, существует и еще не миновала);

в) быть действительной, а не мнимой, существующей лишь в воображении человека;

г) быть при данных обстоятельствах неустранимой и связанной с причинением вреда интересам третьих лиц – это одно из важнейших условий правомерности акта крайней необходимости.

Основанием крайней необходимости является грозящая опасность правоохраняемым интересам. Эта опасность может быть вызвана: преступным посягательством человека, физиологическими и патологическими процессами, происходящими в организме человека (болезнь, голод стресс), стихийными силами природы (пожар, наводнение, ураган, землетрясение, лавинная опасность), источником повышенной опасности (неисправностью различных механизмов, нападением животных).

Как отмечалось, существуют также условия правомерности акта крайней необходимости, относящиеся к защите от грозящей опасности:

1) защита направлена на охрану интересов личности, общества и государства;

2) вред при крайней необходимости причиняется не лицам, создавшим опасность, а третьим (посторонним) лицам;

3) защита должна быть своевременной;

4) вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, должен быть менее значительным, чем предотвращаемый.

Крайняя необходимость предполагает действия в целях защиты любого правоохраняемого интереса (своего, чужого, а также общественного или государственного).

Вред при крайней необходимости причиняется третьим лицам, под которыми следует понимать физических и юридических лиц, а также государство и общественные организации, деятельность которых не связана с возникновением опасности, породившей состояние крайней необходимости. Причинение вреда, равного тому, который мог наступить, или большего вреда не может быть оправдано состоянием крайней необходимости.

Защита должна быть своевременной, а также соответствовать по времени грозящей опасности.

Состояние крайней необходимости не влечет уголовной ответственности, но вред, причиненный лицу, не причастному к возникновению опасности, возмещается в порядке гражданского судопроизводства. По общему правилу обязанность возмещения ущерба возлагается на причинившее его лицо. Если опасность была создана виновным поведением другого лица, обязанность возмещения возлагается на него.

В ч. 2 ст. 39 УК РФ закреплены пределы крайней необходимости. Следует обратить внимание на то, что превышение пределов крайней необходимости влечет за собой ответствен-

ность только в случаях умышленного причинения вреда правоохраняемым интересам. Неосторожное причинение вреда в таких случаях исключает уголовную ответственность.

С учетом условий правомерности крайней необходимости можно выделить критерии правомерного причинения вреда:

причиняемый вред всегда должен быть менее значительным, чем предотвращаемый (ч. 1 ст. 39 УК РФ);

причиненный вред может быть равным или более значительным, если будет установлено, что он допущен по неосторожности (ст. 26 УК РФ) либо невиновно (ст. 28 УК РФ);

под превышением пределов крайней необходимости законодатель признает только умышленное причинение вреда (ст. 25 УК РФ).

Поскольку право на применение оружия в профессиональной деятельности военнослужащих и сотрудников национальной гвардии вызывает множество вопросов, проанализируем содержание ст. 21 ФЗ «О войсках национальной гвардии» в соотношении с обстоятельствами, исключающими преступность деяния.

Согласно ч. 1 ст. 21 военнослужащий (сотрудник) войск национальной гвардии имеет право лично или в составе подразделения (группы) применять оружие в следующих случаях:

1. Для защиты граждан, военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии, должностных лиц государственных органов и органов местного самоуправления (ситуация соответствует условиям правомерности ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона»).

2. Для пресечения попытки завладеть оружием, боевой, специальной и иной техникой, собственными объектами войск национальной гвардии (ситуация соответствует условиям правомерности ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона»).

3. Для освобождения заложников, пресечения террористических и иных преступных посягательств (в части освобождения заложников военнослужащие (сотрудники) должны руководствоваться ст. 41 УК РФ «Обоснованный риск», но данный институт не предусмотрен ч. 13 ст. 18 гл. 3 ФЗ «О войсках национальной гвардии»; пресечение террористических и иных преступных посягательств регламентирует ст. 38 «Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление»).

4. Для задержания лиц, застигнутых при совершении деяния, содержащего признаки тяжкого или особо тяжкого преступления против жизни, здоровья или собственности, оказываю-

щих вооруженное сопротивление и пытающихся скрыться (ситуация части данного пункта соответствует условиям правомерности ст. 38 УК РФ «Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление», а в случае оказания вооруженного сопротивления – дает право применять оружие в состоянии необходимой обороны; для определения тяжкого и особо тяжкого преступления необходимо обратиться к содержанию ст. 15 УК РФ «Категории преступлений»).

Согласно ч. 4 ст. 15 УК РФ «тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание... не превышает десяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание... не превышает пятнадцати лет лишения свободы».

Особо тяжкими преступлениями, согласно ч. 5 ст. 15 УК РФ, признаются умышленные деяния, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет либо более строгое наказание [4]. Более строгим видом наказания является пожизненное лишение свободы либо смертная казнь.

К тяжким и особо тяжким преступлениям против жизни относятся: ст. 105 «Убийство», ст. 110 «Доведение до самоубийства», ч. 4–6 ст. 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства», ст. 110.2 «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства».

К тяжким и особо тяжким преступлениям против здоровья относятся: ст. 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» и ч. 2 ст. 117 УК РФ «Истязание».

К тяжким и особо тяжким преступлениям против собственности относятся: ч. 3 и 4 ст. 158 УК РФ «Кража», ч. 3–7 ст. 159 УК РФ «Мошенничество», ч. 3 и 4 ст. 159.1 УК РФ «Мошенничество в сфере кредитования», ч. 3 и 4 ст. 159.2 УК РФ «Мошенничество при получении выплат», ч. 3 и 4 ст. 159.3 «Мошенничество с использованием электронных средств платежа», ч. 3 и 4 ст. 159.5 УК РФ «Мошенничество в сфере страхования», ч. 3 и 4 ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации», ч. 3 и 4 ст. 160 УК РФ «Присвоение или растрата»; ч. 2 и 3 ст. 161 УК РФ «Грабеж», ст. 162 УК РФ «Разбой», ч. 2 и 3 ст. 163 УК РФ «Вымогательство»; ч. 2 ст. 164 УК РФ «Хищение предметов, имеющих особую ценность», ч. 2–4 ст. 166 УК РФ «Неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения».

5. Для производства предупредительного выстрела, а также для подачи сигнала тревоги или вызова помощи путем производства выстрела вверх или в ином безопасном направлении; военнослужащие и сотрудники действуют в условиях правомерности крайней необходимости.

6. Для пресечения попыток лиц незаконно проникнуть на территории (акватории) (покинуть территории (акватории)) охраняемых войсками национальной гвардии объектов, а также постов и других мест несения войсками национальной гвардии боевой службы, если невозможно пресечь эти попытки иным способом (ситуация соответствует условиям правомерности крайней необходимости).

7. Для остановки транспортного средства, плавучего средства (судна) путем его повреждения, если водитель (капитан) отказывается остановиться, несмотря на законные требования сотрудников полиции или военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии (обстановка соответствует условиям правомерности крайней необходимости).

8. Для обезвреживания животного, угрожающего жизни или здоровью граждан или военнослужащего (сотрудника) войск национальной гвардии (ситуация соответствует условиям правомерности крайней необходимости).

9. Для разрушения запирающих устройств, элементов и конструкций, препятствующих проникновению в жилые и иные принадлежащие физическим лицам помещения и на принадлежащие им земельные участки, на территории и в помещения организаций независимо от форм собственности по основаниям, предусмотренным ст. 12 ФЗ «О войсках национальной гвардии» (ситуация соответствует условиям правомерности крайней необходимости).

10. Для пресечения нахождения беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве в целях, предусмотренных п. 33 ч. 1 ст. 9 ФЗ «О войсках национальной гвардии», если иными средствами прекратить их нахождение в воздушном пространстве не представляется возможным (ситуация соответствует условиям правомерности крайней необходимости).

Согласно ч. 3 ст. 21 ФЗ «О войсках национальной гвардии» военнослужащий (сотрудник) войск национальной гвардии имеет право применять оружие без предупреждения при отражении нападения с использованием оружия, боевой и специальной техники, транспортных

средств, летательных аппаратов, морских или речных судов (ситуация соответствует условиям правомерности необходимой обороны).

Часть 4 указанной статьи запрещает применять оружие в отношении женщин с видимыми признаками беременности, лиц с явными признаками инвалидности и малолетних лиц, за исключением случаев оказания указанными лицами вооруженного сопротивления, совершения группового или иного нападения, угрожающего жизни или здоровью граждан или военнослужащего (сотрудника) войск национальной гвардии; в случае оказания указанными лицами вооруженного или группового сопротивления военнослужащий или сотрудник действует в состоянии необходимой обороны (понятие вооруженного сопротивления или нападения представлено в ч. 6 ст. 21 ФЗ «О войсках национальной гвардии»).

Согласно ч. 5 анализируемой нормы военнослужащий (сотрудник) войск национальной гвардии не имеет права применять оружие при значительном скоплении людей, если в результате его применения могут пострадать случайные лица, за исключением случаев применения оружия в целях предотвращения (пресечения) террористического акта, освобождения заложников, отражения группового или вооруженного нападения на важные государственные объекты, специальные грузы, сооружения на коммуникациях, охраняемые войсками национальной гвардии, и на собственные объекты войск национальной гвардии. Это основание дает военнослужащим (сотрудникам) право действовать в состоянии крайней необходимости.

На основании изложенного доказана целесообразность внесения изменения в ч. 13 ст. 18 ФЗ «О войсках национальной гвардии», в частности, закрепления в качестве правового основания для выполнения военнослужащими (сотрудниками) войск национальной гвардии служебных обязанностей при пресечении террористических и иных преступных посягательств института обоснованного риска как обстоятельства, исключающего преступность деяния.

Помимо этого, аргументирована необходимость дополнения ч. 13 ст. 18 ФЗ «О войсках национальной гвардии» нормами ст. 42 УК РФ «Исполнение приказа или распоряжения» с учетом того, что войска национальной гвардии являются военной организацией.

1. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Рос. газ. 1993. 25 дек.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

5. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сент. 2012 г. № 19 (ред. от 31.05.2022). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

1. On the Troops of the National Guard of the Russian Federation: fed. law d.d. July 3, 2016 No. 226-FZ. Access from the legal reference system "ConsultantPlus".

2. On the National Security Strategy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation d.d. July 2, 2021 No. 400. Access from the legal reference system "ConsultantPlus".

3. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on Dec. 12, 1993 (with changes approved during the national vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya gazeta. 1993. Dec. 25.

4. Criminal Code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 No. 63-FZ. Access from the legal reference system "Garant".

5. On the application by courts of legislation on necessary defense and causing harm when detaining a person who has committed a crime: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Sept. 27, 2012 No. 19 (as amended on 31.05.2022) Access from the legal reference system "ConsultantPlus".

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бикмашев Виталий Абдулхаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России; e-mail: bikmashev@gmail.com;

Савенко Ирина Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России; e-mail: irinaasavenko@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

V.A. Bikmashev, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: bikmashev@gmail.com;

I.A. Savenko, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: irinaasavenko@mail.ru

Александров Святослав Артурович

Социально-юридическая обусловленность уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере банкротства физических лиц

В статье рассмотрены вопросы целесообразности криминализации преступлений в сфере банкротства физических лиц. Определены основные факторы, обуславливающие повышенную общественную опасность данных преступлений. Выявлено юридическое значение обстоятельств, влияющих на уровень общественной опасности преступлений в сфере банкротства физических лиц.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступление, общественная опасность, банкротство, фиктивное банкротство, преднамеренное банкротство.

Social and legal conditionality of criminal legal counteraction to crimes in the field of bankruptcy of individuals

The article discusses the expediency of criminalization of crimes in the field of bankruptcy of individuals. The main factors causing the increased public danger of these crimes are identified. The legal significance of the circumstances affecting the level of public danger of crimes in the field of bankruptcy of individuals has been revealed.

Keywords: criminal liability, crime, public danger, bankruptcy, fictitious bankruptcy, intentional bankruptcy.

Специфика динамично развивающегося института банкротства физических лиц непременно отражается на вопросах установления уголовной ответственности за общественно опасные нарушения в данной сфере. С учетом положений законодательства о банкротстве реформируются и соответствующие уголовно-правовые предписания. Сегодня, в отличие от нормативно-правовой базы, например, двадцатилетней давности, положения уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с банкротством физических лиц, имеют довольно сложную и разветвленную структуру.

В то же время стремительное развитие законодательства о банкротстве физических лиц диктует необходимость регулярного проведения теоретико-правовой ревизии обоснованности и адекватности имеющихся уголовно-правовых средств противодействия преступлениям в сфере банкротства физических лиц.

Ведущим фактором криминализации деяний традиционно признается уровень их общественной опасности, который зависит от множества обстоятельств, имеющих индивидуальное преломление в зависимости от конкретного преступления. Для преступлений в

сфере банкротства физических лиц это прежде всего ущерб, причиняемый в результате совершения данных преступлений. В отсутствие такового возможна лишь административная ответственность.

Особенностью общественной опасности преступлений в сфере банкротства физических лиц выступает комплексный характер причиняемого вреда. Анализируемые противоправные деяния наносят как сугубо имущественный ущерб собственности, так и вред в сфере экономической деятельности.

Преступления рассматриваемой группы нередко сопряжены с относительно внезапным разрывом цепочек экономических взаимосвязей, когда лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность и активно в нее вовлеченное, имея объемные обязательства, «выбывает» из данных коммерческих процессов. Очевидно, что, помимо прямого материального ущерба, участники соответствующих экономических цепочек терпят серьезный урон, обусловленный сложностями выстраивания хозяйственного взаимодействия [1, с. 9].

Как свидетельствуют материалы судебной практики, значительная доля потерпевших от преступлений в сфере банкротства физических

лиц – это банковские учреждения. Последствием совершения подобных общественно опасных деяний является вывод из коммерческого оборота существенных объемов финансовых ресурсов, нередко безвозвратный.

Стоит отметить, что «банкротные» изъятия финансовых ресурсов у кредитных учреждений отражаются на стоимости заимствований у них. Фактически банки закладывают свои потери в процентные ставки по кредитам. Такие процессы заслуживают отрицательной общественной оценки, поскольку бремя несостоятельности одних возлагается на плечи платежеспособных граждан. В свете же современных реалий банкротства физических лиц скорее речь ведется о перекладывании финансовой ответственности не столько с несостоятельных, сколько со злонамеренных банкротов на плечи ответственных и законопослушных пользователей кредитных услуг.

Одной из базовых характеристик правоотношений в сфере банкротства физических лиц является баланс интересов сторон экономической деятельности. Следствием процедуры банкротства может выступать освобождение физического лица от финансовых обязательств. Именно поэтому исключительно правомерное и добросовестное поведение банкрота способно привести к снятию с него непосильной долговой нагрузки.

Как отмечается в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 3 за 2021 г., «завершение расчетов с кредиторами в процедурах судебного банкротства или завершение процедуры внесудебного банкротства гражданина влекут освобождение гражданина-банкрота от дальнейшего исполнения требований кредиторов («списание долгов») и, как следствие, от их последующих правопритязаний (п. 3 ст. 213.28, п. 1 ст. 223.6 Закона о банкротстве)».

В то же время институт банкротства – это экстраординарный способ освобождения от долгов, поскольку в результате его применения могут в значительной степени ущемляться права кредиторов, рассчитывавших на получение причитающегося им. Процедура банкротства не предназначена для необоснованного ухода от ответственности и прекращения долговых обязательств, а судебный контроль над этой процедурой, помимо прочего, не позволяет использовать ее с противоправными целями и защищает кредиторов от фиктивных банкротств.

Законодательство о банкротстве устанавливает стандарт добросовестности, позволяя освободиться от долгов только «честному гражданину-должнику, неумышленно попавшему в

затруднительное финансово-экономическое положение, открытому для сотрудничества с финансовым управляющим, судом и кредиторами и оказывавшему им активное содействие в проверке его имущественной состоятельности и соразмерном удовлетворении требований кредиторов» [2].

Обеспечение правомерных интересов хозяйствующих субъектов осуществляется посредством действующих уголовно-правовых запретов в анализируемой сфере.

Помимо комплекса чисто экономических, а также социально-экономических факторов, обуславливающих повышенную общественную опасность преступлений, связанных с банкротством физических лиц, отдельно следует указать на то, что анализируемые преступления сопряжены с обманом. Обман сам по себе, по общему правилу, является деянием, порицаемым в обществе. В случаях же, когда он выступает в качестве способа достижения криминальных целей, обман отражается на уровне общественной опасности конкретного преступления [3, с. 35].

Прямо об обмане упоминается лишь в норме об ответственности за совершение фиктивного банкротства – таковое подразумевает заведомо ложное объявление лица о своей несостоятельности. Несмотря на то что в других рассмотренных уголовно-правовых нормах обман не указывается, существо деяний свидетельствует о наличии такового. Например, состав неправомерных действий при банкротстве включает такие альтернативные деяния, как сокрытие имущества, фальсификация документов. Отчасти признаки обмана могут усматриваться и в ситуациях преднамеренного банкротства, когда целенаправленно создается состояние неплатежеспособности, влекущее невозможность удовлетворения требований одного или нескольких кредиторов.

Изучение материалов судебной практики показывает, что преступления в сфере банкротства зачастую сопряжены с фактом совершения других общественно опасных деяний. Нередко криминальное банкротство сопровождается фактами хищений, легализацией имущества, добытого преступным путем, и другими запрещенными уголовным законом деяниями.

Как представляется, данное обстоятельство также влияет на уровень общественной опасности преступлений, связанных с банкротством физических лиц. Дело в том, что указанная сопряженность преступлений является не просто их механическим сочетанием. Они взаимообусловлены и взаимосвязаны, поскольку

порождают друг друга. Например, вследствие совершения неправомерных действий при банкротстве в виде сокрытия имущества возникает необходимость в его последующей легализации. Для этого также могут использоваться различные мошеннические схемы.

Важными факторами, предопределяющими целесообразность уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере банкротства физических лиц, выступают современные векторы развития института банкротства граждан. К ним, во-первых, относится интенсификация данных отношений, сопровождающаяся, в том числе, ростом числа людей, проходящих процедуру банкротства. Не сложно спрогнозировать, что данным процессам будет сопутствовать увеличивающееся число правонарушающего поведения, включая преступления. Вполне очевидно, что задачей государства является как минимум сдерживание роста количества таких преступлений, а в идеале – снижение. И в этом плане, помимо повышения качества соответствующей правоприменительной деятельности, важным аспектом является совершенствование уголовного законодательства, которое бы в полной мере отвечало динамично и прогрессивно развивающемуся законодательству о банкротстве.

Во-вторых, следует обратить внимание на то, что законодательные новшества, состоящие в учреждении внесудебного банкротства, которое не прекращает развиваться даже на текущий момент, явно не обеспечены надлежащим уголовно-правовым инструментарием в данной сфере. Как известно, криминальный порог анализируемых преступлений значительно превышает максимальный размер задолженности для упрощенной процедуры банкротства. При этом внесудебное банкротство производится, по сути, вне должного контроля кредиторов, арбитражного управляющего и суда. Отчасти рассматриваемая процедура напоминает уведомительный порядок списания задолженностей. Однако бесспорный социальный смысл освобождения от непосильных долгов для незащищенных слоев населения зачастую граничит с правонарушающим поведением.

В данных условиях не остается сомнений в том, что противодействие анализируемым общественно опасным деяниям без обращения к уголовно-правовым средствам является неэффективным. Необходимо также отметить, что правонарушения в сфере банкротства физических лиц, не обладающие необходимым для криминализации уровнем общественной опас-

ности, в настоящее время признаются административно наказуемыми деяниями.

Так, под административно-правовой запрет поставлены фиктивное и преднамеренное банкротство (ст. 14.12 КоАП РФ) и неправомерные действия при банкротстве (ст. 14.13 КоАП РФ). Обязательным условием наступления административной ответственности по этим нормам является отсутствие признаков соответствующего состава преступления. Вследствие схожести описаний анализируемых преступлений и административных правонарушений их основным разграничительным признаком выступает размер причиненного ущерба.

Примечательным в этом ракурсе является сравнение законодательной оценки уровня общественной опасности преступлений в сфере банкротства и соответствующих административных правонарушений. Например, административно наказуемое преднамеренное банкротство влечет максимальное наказание гражданина в виде штрафа в размере трех тысяч рублей. В свою очередь, аналогичное преступление может влечь уже до шести лет лишения свободы со штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев либо без такового.

Совершенно очевидно, что такой перепад в строгости юридической оценки является неоправданным. Не хватает ступенчатости в правовой оценке соответствующих деяний, поскольку в существующем виде разница в один рубль может определять, подвергнется лицо мизерному штрафу в размере до трех тысяч рублей или будет привлечено к уголовной ответственности за совершение тяжкого преступления с возможностью назначения весьма строгого наказания в виде лишения свободы сроком на шесть лет, помимо этого, с большим штрафом.

Обобщая изложенное, представляется возможным сделать вывод о том, что криминализация преступлений в сфере банкротства физических лиц является социально и юридически обоснованной. Данные противоправные деяния отличаются значительным и достаточным для криминализации уровнем общественной опасности, который предопределяется главным образом следующими обстоятельствами:

1. Взятые в отдельности от последствий нарушение процедуры банкротства физического лица не представляет существенной общественной опасности, необходимой для противодействия уголовно-правовыми средствами.

2. Причиняемый в результате совершения преступления в сфере банкротства физического лица материальный ущерб выступает основополагающим фактором криминализации данных преступлений. Соответствующее деяние признается общественно опасным исключительно при условии наступления обозначенных последствий.

3. Вред, наносимый вследствие совершения «банкротных» преступлений, имеет специфическую юридическую природу, поскольку он одновременно характеризуется как экономический (предпринимательский) и как находящийся в плоскости отношений собственности. Совершение преступлений, предусмотренных ст. 195–197 УК РФ, создает условия для неправомерного вывода из коммерческого оборота значительных финансовых ресурсов. Одновременным последствием такого деяния является причинение ущерба собственности.

4. Преступления рассматриваемой группы нередко сопряжены с относительно внезапным разрывом цепочек экономических взаимосвязей, когда лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность и активно в нее вовлеченное, имея объемные обязательства, «выбывает» из данных коммерческих процессов. Очевидно, что, помимо прямого материального ущерба, участники соответствующих экономических цепочек терпят серьезный

урон, обусловленный сложностями выстраивания хозяйственного взаимодействия.

5. Ввиду того что потерпевшей стороной при уголовно наказуемых деяниях в сфере банкротства физических лиц выступают преимущественно юридические лица, ведущие банковскую или иную кредитную деятельность, в результате совершения исследуемых преступлений из коммерческого оборота на значительное время выводятся существенные финансовые ресурсы. Такие «банкротные» изъятия финансовых ресурсов у кредитных учреждений отражаются на стоимости заимствований у них. Фактически банки закладывают свои потери в процентные ставки по кредитам.

6. Фактором, влияющим на уровень общественной опасности преступлений в сфере банкротства физических лиц, является то, что они зачастую сопряжены с совершением других общественно опасных деяний. Нередко криминальное банкротство сопровождается фактами хищений, легализацией имущества, добытого преступным путем, и другими запрещенными уголовным законом деяниями.

7. Целесообразность уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере банкротства физических лиц подтверждается современными векторами развития института банкротства граждан.

1. Улезько Г.С. Уголовно наказуемое преднамеренное и фиктивное банкротство: законодательная регламентация и практика применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Грозный, 2020.

2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 за 2021 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 1, № 2.

3. Сабитов Р.А., Сабитова Е.Ю. Уголовно-правовая оценка обманов и действий, совершенных с документами. М., 2012.

1. Ulezko G.S. *Criminally punishable intentional and fictitious bankruptcy: legislative regulation and practice of application: auth. abstr. ... Candidate of Sciences in Jurisprudence. Grozny, 2020.*

2. *Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 for 2021 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 10.11.2021) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2022. No. 1, No. 2.*

3. *Sabitov R.A., Sabitova E.Y. Criminal legal assessment of deceptions and actions committed with documents. Moscow, 2012.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Александров Святослав Артурович, помощник судьи Четвертого кассационного суда общей юрисдикции; e-mail: mko1996@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

S.A. Alexandrov, Assistant Judge of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction; e-mail: mko1996@mail.ru

Бабанина Дарья Васильевна

Факторы эскалации субкультуры криминального мира в среду несовершеннолетних

В статье анализируется такой традиционный инструмент распространения влияния криминалитета и вовлечения несовершеннолетних в сферу преступной деятельности и криминальный образ жизни, как криминальная субкультура, благодаря которой обеспечиваются самовоспроизводство и самодетерминация преступности. При рассмотрении закономерностей и механизма эскалации субкультуры криминального мира в среду несовершеннолетних акцентируется внимание на внешних по отношению к данной среде факторах. Доказывается, что эскалации субкультуры преступного мира в среду несовершеннолетних и масштабному вовлечению их в орбиту криминалитета способствует комплекс социальных, экономических, морально-психологических и политических факторов.

Ключевые слова: криминальная субкультура, среда несовершеннолетних, фактор, детерминация.

Escalation factors of the subculture of the criminal world among minors

The traditional tool for spreading the influence of criminals, involving minors in the sphere of criminal activity and a criminal lifestyle, which ensures the self-reproduction and self-determination of crime, is the criminal subculture. When considering the patterns and mechanism of the escalation of the subculture of the criminal world in the environment of minors, it is necessary to focus, first of all, on external factors in relation to this environment. The escalation of the subculture of the underworld in the environment of minors and their large-scale involvement in the orbit of criminality is facilitated by a complex of social, economic, moral, psychological and political factors.

Keywords: criminal subculture, environment of minors, factor, determination.

Объективно обусловленным природой противоправного поведения, выступающего на массовом уровне причиной феномена преступности, является стремление криминалитета как общеуголовной направленности [1, с. 6–10], так и экстремистского и террористического толка [2, с. 32–35] вовлечь несовершеннолетних лиц в сферу преступной деятельности и криминальный образ жизни в целом. Традиционным инструментом достижения данной цели является криминальная субкультура.

Не нуждается в объяснении факт, что нахождение несовершеннолетних в местах принудительного содержания является непосредственным детерминантом вовлечения их в криминальную субкультуру. Криминальная субкультура в местах принудительного содержания позволяет лицам, оказавшимся там, адаптироваться к новым социальным условиям несвободы. Как известно, криминальный мир не ограничивается местами принудительного содержания, а представлен в нашем социуме в двух формах: пенитенциарной средой и преступным миром в гражданском обществе. Именно криминальная субкультура являет-

ся наиболее значимым социальным каналом распространения и инструментом сохранения идеалов, ценностей и традиций преступного мира, а также атрибутов и иной социально значимой для криминалитета информации.

Выполняя в среде несовершеннолетних ценностно-нормативную и воспитательно-образовательную функции, криминальная субкультура представляет им криминальный мир как таковой, формирует ценностное отношение ребенка к нему и соответствующие данному отношению поведенческие нормы, отражающиеся в поведенческих практиках опривычивания «культурного наследия» криминального мира (языка, знаний, обычаев, традиций и т.д.), в том числе в форме преступного поведения [3, с. 190–196]. Таким образом обеспечиваются самовоспроизводство и самодетерминация преступности, являющиеся ее основными системными свойствами [4, с. 73–77].

Одной из ключевых характеристик преступности несовершеннолетних выступает высокий уровень их группового преступного поведения. В свою очередь, более высокий, по сравнению с групповыми формами преступного поведения несовершеннолетних, уровень преступле-

ний, совершаемых ими в соучастии с взрослыми лицами, указывает на роль последних в криминализации несовершеннолетних и их вовлечении в преступную деятельность, в том числе посредством приобщения к криминальной субкультуре. Выполняя интегративную функцию в среде несовершеннолетних, криминальная субкультура выступает инструментом как организации их в различные субкультурные объединения криминальной направленности, так и интеграции непосредственно в криминальную среду [3, с. 190–196]. Таким образом, вовлечение несовершеннолетних в криминальную субкультуру обеспечивает самовоспроизводство преступности посредством совершения ими новых преступлений, а также через взаимосвязь преступности несовершеннолетних с рецидивной и профессиональной преступностью.

Следует учитывать, что экспансия криминальной субкультуры в среду несовершеннолетних обусловлена не только механизмами самодетерминации преступности и ее самовоспроизводства в преступности несовершеннолетних. Данный процесс также сопряжен с криминализацией общества за счет реализации преступной деятельности, направленной на развитие и распространение криминальной субкультуры и вовлечение несовершеннолетних в преступную и антиобщественную деятельность.

Таким образом, эскалация криминальной субкультуры в среду несовершеннолетних непосредственно связана с функциями самовоспроизводства и самодетерминации преступности. При этом, наряду со стремлением обеспечить преемственность поколений представителей криминального мира, на первое место выходит не потребность обеспечения кадрового резерва профессионального и организованного ядра криминалитета, а стремление его финансового обеспечения. Указанное, на наш взгляд, свидетельствует о существенных трансформациях так называемого традиционного криминалитета (его «воровского» ядра), являющегося смыслозадающим ядром криминальной субкультуры, что, возможно, связано с трансформацией под влиянием глобализации и цифровизации многих устоявшихся видов преступной деятельности и структуры преступности как таковой.

Криминальная субкультура представляет собой динамичное явление, которое развивается по законам общественной системы, в том числе преступности [5, с. 263]. На наш взгляд, проблему криминальной субкультуры как системного элемента существования преступного мира, с одной стороны, и фактора детерминации преступности, с другой стороны, необходимо рассматривать в контексте концепции антропологического кризиса.

В качестве характерных признаков антропологического кризиса философская антропология выделяет: трансформацию ценностного сознания всех (политической, социальной, научной, культурной) сфер жизни социума; маргинализацию человека, трансформацию его идентичности и утрату субъективной индивидуальности вследствие виртуализации самосознания под влиянием технологического прогресса; развитие технологий манипуляции человеческим сознанием; нивелирование локальных культур под влиянием глобализации; экологический кризис планетарного масштаба и т.д. [6, с. 328].

Усиление влияния криминальных субкультур в обществе ученые связывают с происходящими на протяжении последних трех десятилетий социально-экономическими и политическими процессами, сопровождающимися значительными качественными изменениями преступности (в частности, распространением в обществе элементов тюремной (пенитенциарной) субкультуры как одной из составляющих преступности) [7, с. 181].

Проникновению криминальной субкультуры в среду несовершеннолетних способствует кризис института семьи. Семья всегда была и остается главной социальной группой в системе социализации личности, поскольку несовершеннолетний постоянно в силу неумения и неспособности преодолевать жизненные трудности нуждается в поддержке ближайшего окружения.

Неразвитость института планирования семьи и отсутствие государственного контроля в данной сфере обуславливают увеличение доли неблагополучных семей. Исследователи подчеркивают, что недаром к основным причинам существования преступности ООН относят такие факторы, как неправильное родительское воспитание, а также семейное насилие [6, с. 327–335]. Эмоциональная отчужденность родителей от ребенка вынуждает его искать понимание и возможность реализоваться любым путем и самоутвердиться в неформальных группах ровесников [5, с. 263–264].

Именно недостатками семейного воспитания, дефицитом заботы и общения со стороны семейного окружения, а также фактором социальной незрелости, отсутствием надлежащего опыта и адаптированности к жизни при наличии актуальной потребности подростка выразиться и выделиться в неформальной группе умышленно пользуются взрослые лица, имеющие в ней определенный авторитет. Таким образом, криминальная субкультура выполняет в среде несовершеннолетних компенсаторную функцию, в результате чего заботу семьи (или же напротив – моральный террор, насилие и

жестокость) для несовершеннолетнего заменяет внимание неформальной группы носителей криминальной субкультуры.

Определенную роль в эскалации субкультуры криминального мира в среду несовершеннолетних играют социально-экономические факторы. Полное отсутствие или низкий уровень доходов несовершеннолетних, имущественная стратификация, необеспеченность занятости и досуга и другие социально-экономические факторы используются представителями криминального мира в целях как формирования мотивации принятия криминальной субкультуры несовершеннолетними, так и непосредственного вовлечения в нее [8, с. 98–103].

Существование преступности, ее негативные трансформации и изменения состояния закономерно влияют на криминализацию среды несовершеннолетних. Интенсивность влияния данного фактора во многом зависит от отношения к преступности и криминалитету со стороны всего общества. Масштабы криминализации российского общества и сопровождающий ее процесс массового безразличного или позитивного отношения населения к такому феномену, как криминальная субкультура, указывают на высокий уровень угрозы интенсивной криминализации среды несовершеннолетних [9, с. 428–433].

Существенную роль в эскалации субкультуры криминального мира в среду несовершеннолетних играют средства массовой информации и средства массовой коммуникации [10, с. 38–40]. Постоянная демонстрация атрибутивных и регулятивных элементов криминальной субкультуры предопределяет не только привычку к данной информации и усталость населения от нее, но и непосредственное привлечение к ней потребителей, прежде всего несовершеннолетних.

Отдельно следует отметить роль средств массовой информации и средств массовой коммуникации в популяризации новых деструктивных молодежных движений, что стимулирует их развитие на фоне широкого общественного внимания. Ярким примером влияния

данного фактора является погоня СМИ за ситуативной «сенсацией» в виде движения «ЧВК Редан». Резонансная драка в московском ТЦ «Авиапарк» и ее массовое освещение в официальных средствах массовой информации и средствах массовой коммуникации популяризировали указанное субкультурное молодежное движение и активизировали его представителей, оказали влияние на распространение субкультуры «ЧВК Редан» в других странах [11].

С учетом коммерческой основы большинства отечественных средств массовой информации и средств массовой коммуникации и несоблюдения этических норм профессиональной деятельности непосредственную роль в эскалации субкультуры криминального мира в среду несовершеннолетних играет не столько сама их деятельность, сколько отсутствие эффективного контроля за ней со стороны государства и общественных институтов.

Проникновению и распространению криминальной субкультуры в среде несовершеннолетних способствует такой политико-правовой фактор, как недостаточно эффективное противодействие организованной преступности, в частности лицам, занимающим высшее положение в преступном мире. Государство принимает значительные усилия и реализует систему мер по противодействию профессиональной и организованной преступности. Об эффективности данной деятельности свидетельствует постепенное, но стабильное снижение уровня указанных видов преступности.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Эскалация криминальной субкультуры в среду несовершеннолетних детерминирована такими системными свойствами преступности, как самодетерминация и самовоспроизводство, инструментарием реализации которых она выступает. Агрессивной эскалации субкультуры преступного мира в среду несовершеннолетних и масштабному вовлечению их в орбиту криминалитета способствует приведенный комплекс социальных, экономических, морально-психологических и политических факторов.

1. Игнатов А.Н. Понятие общеуголовной преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 1(39).

2. Козаев Н.Ш., Старостина С.А. Экстремизм как угроза национальной безопасности: вопросы теории и практики // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4(58).

3. Бабанина Д.В. Функции криминальной субкультуры в среде несовершеннолетних // Актуальные вопросы права и правоохрани-

1. Ignatov A.N. The concept of general criminality // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia. 2018. No. 1(39).

2. Kozhev N.Sh., Starostina S.A. Extremism as a threat to national security: issues of theory and practice // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia. 2019. No. 4(58).

3. Babanina D.V. Functions of criminal subculture among minors // Actual issues of law

нения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: Н.Ш. Козаев, О.М. Шуваева, С.Н. Маслюкова и др. Краснодар, 2022.

4. Игнатов А.Н. О понятии преступности // Основные направления государственной политики России в сфере обеспечения национальной безопасности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е.М. Якимова. Иркутск, 2018.

5. Щеголева А.Н. Механизм использования криминальной субкультурой психофизиологических особенностей несовершеннолетнего возраста // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 2.

6. Игнатов А.Н., Хун А.З. Социальные факторы детерминации насильственной преступности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5(71). № 1.

7. Антонян Е.А., Борисов Е.А. К вопросу о популяризации криминальной субкультуры среди молодежи // Lex russica (Русский закон). 2017. № 12(133).

8. Бабанина Д.В. Социально-экономические факторы детерминации криминальной субкультуры несовершеннолетних // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: А.Л. Осипенко, К.В. Вишневецкий, В.С. Соловьев и др. Краснодар, 2021.

9. Бабанина Д.В. Социально-политические факторы детерминации криминальной субкультуры несовершеннолетних // Правовая культура в современном обществе: сб. науч. ст. / редкол.: И.А. Демидова (отв. ред.) и др. Могилев, 2021.

10. Грибанов Е.В. Криминогенный потенциал средств массовой коммуникации // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2015. № 1.

11. Молодежная субкультура ЧВК «Редан» захлестнула Россию: что это такое и зачем подростки снимают на видео драки в ТЦ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/27470/4726359> (дата обращения: 21.08.2023).

and law enforcement: materials of the Intern. sci. and pract. conf. / ed. board: N.Sh. Kozayev, O.M. Shuvaeva, S.N. Maslyukova, etc. Krasnodar, 2022.

4. Ignatov A.N. On the concept of crime // The main directions of the state policy of Russia in the field of ensuring national security: materials of the Intern. sci. and pract. conf. / resp. ed. E.M. Yakimova. Irkutsk, 2018.

5. Shchegoleva A.N. The mechanism of using the psychophysiological characteristics of a minor by the criminal subculture // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2019. No. 2.

6. Ignatov A.N., Khun A.Z. Social factors in the determination of violent crime // Uchenye zapiski Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences. 2019. Vol. 5(71). No. 1.

7. Antonyan E.A., Borisov E.A. On the issue of popularizing the criminal subculture among young people // Lex russica (Russian law). 2017. No. 12(133).

8. Babanina D.V. Socio-economic factors in the determination of the criminal subculture of minors // Criminal policy and culture of combating crime: materials of the Intern. sci. and pract. conf. / ed. board: A.L. Osipenko, K.V. Vishnevetsky, V.S. Solovyov, etc. Krasnodar, 2021.

9. Babanina D.V. Socio-political factors determining the criminal subculture of minors // Legal culture in modern society: coll. of sci. articles / ed. board: I.A. Demidov (resp. ed.), etc. Mogilev, 2021.

10. Gribanov E.V. Criminogenic potential of mass media // Crime in the sphere of information and telecommunication technologies: problems of prevention, detection and investigation of crimes. 2015. No. 1.

11. The youth subculture of the Redan PMC has swept over Russia: what is it and why do teenagers film fights in a shopping center [Web resource]. URL: <https://www.kp.ru/daily/27470/4726359> (date of access: 21.08.2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бабанина Дарья Васильевна, адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России; e-mail: darbabanina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

D.V. Babanina, Adjunct of the Department of Criminal Law and Criminology; Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: darbabanina@yandex.ru

Дзюба Анна Александровна

Компромиссно-поощрительные нормы уголовного законодательства России в борьбе с угонами воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, сопряженными с преступлениями террористического характера

В статье рассматривается вопрос системности применения компромиссно-поощрительных норм в борьбе с преступлениями террористического характера, в частности с угонами воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава. Аргументируется вывод о необходимости внесения изменений в уголовное законодательство с целью расширения правового инструментария деятельности по предупреждению и пресечению преступлений террористического характера.

Ключевые слова: терроризм, преступления террористического характера, угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, сопряженный с совершением террористического акта либо иным осуществлением террористической деятельности.

Compromise and incentive norms of the criminal legislation of Russia in the fight against hijacking of air or water transport or railway rolling stock, related to crimes of a terrorist nature

The article deals with the issue of the systematic application of compromise and incentive norms in the fight against crimes of a terrorist nature and, directly, with the hijacking of an air or water transport vessel or railway rolling stock. The conclusion is argued that it is necessary to amend the criminal legislation in order to expand the legal tools for the prevention and suppression of terrorist crimes.

Keywords: terrorism, crimes of a terrorist nature, hijacking of an air or water transport vessel or railway rolling stock associated with the commission of a terrorist act or other implementation of terrorist activities.

Одним их эффективных методов достижения целей уголовного закона является применение компромиссно-поощрительных мер в борьбе с преступностью, заключающихся, помимо прочего, в освобождении от уголовной ответственности виновного в случае прекращения им преступной деятельности и предотвращения наступления ее тяжких последствий. Компромиссно-поощрительные нормы достаточно широко используются в борьбе с преступлениями террористического характера и регламентируются положениями, отраженными в примечаниях к статьям УК РФ об ответственности за указанные преступления. При этом чем более реальна угроза гибели людей при совершении преступления террористического характера,

тем шире компромисс, регламентированный законом. Вместе с тем бессистемное редактирование антитеррористических норм УК РФ, влекущее внутриотраслевую рассогласованность уголовно-правовых мер борьбы с терроризмом, негативно сказывается на эффективности их правоприменения.

Несмотря на то что, по данным судебной статистики, в Российской Федерации за 2021–2022 гг. по ч. 4 ст. 211 УК РФ не было ни одного привлечения к уголовной ответственности, допустимость, необходимость и значимость компромисса в достижении целей уголовного закона обоснованны, он должен применяться в борьбе с угонами воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, сопряженными с совершением тер-

рористического акта либо иным осуществлением террористической деятельности, равно как и с преступлениями, регламентированными ст. 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208 УК РФ.

Следует отметить, что до 2014 г. ст. 211 УК РФ состояла из трех частей, не включала обозначенного особо квалифицирующего признака и не предусматривала пожизненного лишения свободы в качестве наиболее строгого наказания, которое ограничивалось в максимальных пределах пятнадцатью годами лишения свободы при причинении по неосторожности смерти человеку или наступлении иных тяжких последствий. Как и в настоящее время, основной и квалифицированный составы предусматривали для угона наиболее строгие наказания – лишение свободы сроком до восьми и двенадцати лет соответственно.

Осознавая степень опасности анализируемого преступления, физические и моральные страдания, испытываемые потерпевшими, тем не менее, зададимся вопросом о том, насколько обосновано ужесточение уголовной ответственности вплоть до пожизненного лишения свободы и к чему в итоге может привести (или привело) бессистемное, вплоть до максимальных пределов, ужесточение санкций за указанное преступление.

По нашему мнению, ч. 4 ст. 211 УК РФ, введенная Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 130-ФЗ) [1], – один из логичных и ожидаемых результатов реализации государственной политики по непримиримой борьбе с терроризмом и его проявлениями. Как указано в паспорте проекта Федерального закона № 428889-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] (в части совершенствования противодействия терроризму), этот проект разработан в целях усиления защиты гражданина и общества от терроризма.

В то же время преступление (например, угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, тем более сопряженный с совершением террористического акта либо иным осуществлением террористической деятельности), – это не одномоментный акт поведения, не просто выстрел из пистолета; это достаточно длительный процесс, сопровождаемый выдвижением виновным требований, ожиданием реакции органов власти на данные требования, оценкой вино-

вым перспектив продолжения преступной деятельности и т.д. При этом осознание виновным действительной опасности совершенного им преступления (которое нередко приходит после начала реализации преступного умысла), оценка виновным перспектив продолжения преступной деятельности и их сопоставление с возможными последствиями дальнейшего противоправного поведения (преступного – в форме продолжения преступления или правомерного – в форме прекращения преступной деятельности и сдачи) является весьма значимым фактором, определяющим дальнейшую судьбу не только потерпевших (например, заложников), но и самого террориста.

В подобных ситуациях (естественно, когда речь не ведется о террористе-смертнике) весьма значимую роль в процессе пресечения преступлений террористического характера играют так называемые компромиссно-поощрительные нормы, закрепленные в примечаниях к соответствующим статьям УК РФ и устанавливающие освобождение от уголовной ответственности при условии прекращения преступной деятельности.

Необходимость и значимость подобных соглашений для достижения целей уголовного закона обоснованы в работах многих современных ученых, что заставляет усомниться в оправданности законодательного подхода, не допускающего компромисса в борьбе с угонами воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, сопряженными с совершением террористического акта либо иным осуществлением террористической деятельности.

Следует признать, что мотивация позитивного посткриминального поведения виновного существенно возрастает, когда альтернативой грозящему пожизненному лишению свободы (при продолжении преступной деятельности) выступает реальная возможность освобождения от уголовной ответственности (с учетом прекращения дальнейшей террористической деятельности).

В связи с этим, возвращаясь к оценке обоснованности положений Федерального закона № 130-ФЗ, дополнивших содержание ч. 4 ст. 211 УК РФ [3], которая регламентирует ответственность за угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захват такого судна или состава в целях угона, сопряженные с совершением террористического акта либо

иным осуществлением террористической деятельности, обозначим, что, установив за данное преступление наказание в виде лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет или пожизненного лишения свободы, законодатель не считал необходимым дополнить анализируемый состав примечанием, содержащим меры компромиссно-поощрительного характера в случае прекращения дальнейшей террористической деятельности и освобождения захваченного судна или железнодорожного состава.

Такой подход к регламентации положений ст. 211 УК РФ, с нашей точки зрения, не только противоречит сложившейся системе уголовно-правовых компромиссно-поощрительных норм в сфере антитеррористического законодательства России, создавая, по сути, правовой запрет на их применение в рассматриваемых случаях, но и, что еще хуже, сводит на нет значение и роль давно существовавших компромиссно-поощрительных норм, целью которых является освобождение от уголовной ответственности при прекращении террористической деятельности как один из способов достижения целей УК РФ.

Так, угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захват такого судна или состава, в целях угона, сопряженные с совершением террористического акта либо иным осуществлением террористической деятельности (например, с захватом заложников), должен быть квалифицирован не только по ч. 4 ст. 211 УК РФ, но и по совокупности преступлений по соответствующим пункту и части ст. 206 УК РФ. Такой вывод можно сделать исходя из рекомендаций верховного правоприменителя, изложенных в соответствующих постановлениях Пленума Верховного Суда РФ по вопросам квалификации совокупности преступлений, если в диспозиции статьи Особенной части УК РФ описывается совершение предусмотренного ею преступления, сопряженного с преступлением, предусмотренным другой статьей Особенной части УК РФ (например, убийство, сопряженное с похищением человека (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ), убийство, сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ), убийство, сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и др. [4].

Нетрудно предположить, что при квалификации угона и захвата заложников по совокупности ч. 4 ст. 211 и ст. 206 УК РФ значение компромиссно-поощрительного примечания к ст. 206 УК РФ существенно уменьшается, так как с учетом возможности освобождения от уголовной ответственности виновному лицу все равно грозит пожизненное лишение свободы или лишение свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет за угон воздушного или водного судна или железнодорожного состава, поскольку он был сопряжен с захватом заложника, т.е. с осуществлением террористической деятельности. Эффективность таких репрессивных мер, безусловно, высока, но, по нашему мнению, лишь на этапах подготовки и начала осуществления преступной деятельности, предусматривающих возможность добровольного отказа от доведения преступления до конца.

Необходимо отметить, что до принятия Федерального закона № 130-ФЗ, дополнившего частью 4 ст. 211 УК РФ, действия виновного в угоне воздушного, водного судна или железнодорожного состава, сопряженные с захватом заложников, квалифицировались по ч. 1, 2 или 3 ст. 211 УК РФ и соответствующей части ст. 206 УК РФ. При этом в случае добровольного или по требованию органов власти освобождения заложников виновный освобождался от уголовной ответственности по ст. 206 УК РФ. Несмотря на то что в подобных ситуациях виновный привлекался к ответственности по ст. 211 УК РФ, наказание, ранее предусмотренное ст. 211 УК РФ, было несоизмеримо ниже наказания, регламентируемого действующей редакцией рассматриваемой нормы.

Следует также обратить внимание на то, что уголовное законодательство однозначно относит угон, предусмотренный ч. 4 ст. 211 УК РФ, к преступлениям террористического характера, распространяя на него все самые неблагоприятные последствия участия в террористической деятельности, регламентированные положениями Общей части УК РФ (по сравнению с другими противоправными деяниями преувеличенные максимальные сроки лишения свободы при назначении наказания по совокупности преступлений и приговоров (ст. 56 УК РФ), недопущение назначения наказания ниже низшего предела (ч. 3 ст. 64 УК РФ), неиспользование сроков давности уголовной ответственности (ч. 5 ст. 78 УК РФ) и сроков давности исполнения обвинительного

приговора суда (ч. 4 ст. 83 УК РФ), недопустимость отсрочки исполнения наказания (ч. 1 ст. 82 УК РФ). Перечисленное одновременно с отсутствием правовых оснований освобождения виновного от уголовной ответственности при возникновении условий для прекращения им дальнейшей террористической деятельности также отрицательно сказывается на мотивации его позитивного посткриминального поведения.

Изложенное позволяет сделать вывод, что действующая редакция ч. 4 ст. 211 УК РФ, устанавливающая за совершение данного преступления наказание в виде пожизненно-го лишения свободы, наряду с отсутствием в ст. 211 УК РФ компромиссно-поощрительного примечания об освобождении от уголовной ответственности при условии прекращения дальнейшей террористической деятельности, сокращает правовой инструментарий достижения целей уголовного закона по предупреждению и пресечению преступлений террористического характера.

Решение обозначенной проблемы видится нам в двух одинаково допустимых вариантах: либо в исключении из положений уголовного закона ч. 4 ст. 211 УК РФ и, следовательно, всех ее упоминаний в соответствующих нормах Общей части УК РФ, либо в дополнении положений ст. 211 УК РФ примечанием об освобождении от уголовной ответственности за «террористический» угон, если имеются основания освобождения виновного от уголовной ответственности за сопряженное с таким угодом преступление террористического характера.

При исключении из УК РФ ч. 4 ст. 211 действия виновного в угоне воздушного или водного судна либо железнодорожного состава, сопряженные с преступлением террористического характера, будут квалифицироваться по совокупности соответствующих преступлений, а при отказе виновного от продолжения террористической деятельности, предусматривающем освобождение от уголовной ответственности, только по соответствующим пунктам и частям ст. 211 УК РФ.

При дополнении ст. 211 УК РФ примечанием об освобождении от уголовной ответственности при совершении угона в «террористических целях» в случае существования оснований для освобождения от уголовной ответственности за сопряженное с анализируемым противоправным деянием преступление

террористического характера виновный будет освобожден от уголовной ответственности за террористический угон, а также связанное с ним преступление террористического характера, но, как и в первом случае, будет подлежать ответственности за угон воздушного или водного судна либо железнодорожного состава по ч. 1, 2 или 3 ст. 211 УК РФ.

Предложенные способы изменения рассматриваемых положений УК РФ повлекут практически одинаковые последствия в процессе квалификации действий виновного и будут в равной степени способствовать повышению мотивации его позитивного посткриминального поведения.

Реализация любого из представленных предложений никак не отразится на возможности применения и содержании мер уголовной репрессии по отношению к виновным, не отказавшимся от продолжения осуществления террористической деятельности, в случае осознания возможности такого отказа.

В целях разрешения обозначенной проблемы предлагаем следующие альтернативные варианты редактирования соответствующих положений УК РФ.

1. Дополнить ст. 211 УК РФ компромиссно-поощрительным примечанием в следующей редакции:

«Примечание. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное частью четвертой настоящей статьи, подлежащее освобождению от уголовной ответственности за преступления террористического характера на основании примечаний к статьям 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности за данное преступление».

2. Признать утратившей силу ч. 4 ст. 211 УК РФ и исключить все ссылки на эту часть из содержания статей Общей и Особенной частей УК РФ.

Представляется, что любой из обозначенных вариантов редактирования положений УК РФ, содержательно связанных с ч. 4 ст. 211 УК РФ, будет способствовать повышению качества уголовно-правового регулирования ответственности за террористическую деятельность и систематизации антитеррористического уголовного законодательства в сфере регламентации компромиссно-поощрительных мер, направленных на предупреждение и пресечение преступлений террористического характера.

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ (ред. от 03.07.2016). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Паспорт проекта Федерального закона № 428889-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части совершенствования противодействия терроризму): внесен депутатами Государственной Думы ФС РФ И.А. Яровой, О.И. Денисенко, И.В. Лебедевым, Л.Л. Левиным, А.К. Луговым, Ш.Ю. Саралиевым, Н.А. Шайденко, М.С. Селимхановым, А.Г. Судьякиным, М.Х. Вахаевым, А.С. Делимхановым, С.В. Марининым; подписан Президентом РФ // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/428889-6>

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

4. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 янв. 1999 г. (ред. от 03.03.2015). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

1. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: fed. law No. 130-FZ d.d. May 5, 2014 (as amended on 03.07.2016). Access from the legal reference system "ConsultantPlus".

2. Passport of the draft Federal Law No. 428889-6 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (in terms of improving counter-terrorism: introduced by deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation I.A. Yarova, O.I. Denisenko, I.V. Lebedev, L.L. Levin, A.K. Lugovoi, Sh.Yu. Saraliev, N.A. Shaidenko, M.S. Selimkhanov, A.G. Sidyakin, M.H. Vakhaev, A.S. Delimkhanov, S.V. Marinin; signed by the President of the Russian Federation) // Automated system for ensuring legislative activity [Web resource]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/428889-6>

3. Criminal Code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 No. 63-FZ. Access from the legal reference system "Garant".

4. On judicial practice in cases of murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation): resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Jan 27, 1999 No. 1 (as amended on 03.03.2015). Access from the legal reference system "ConsultantPlus".

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дзюба Анна Александровна, преподаватель кафедры безопасности дорожного движения Краснодарского университета МВД России; тел.: 89284876205

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.A. Dzuba, Lecturer of the Department of Road Safety, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: 89284876205

Об актуальности превенции деструктивного поведения несовершеннолетних в интернет-пространстве

В статье анализируется проблема деструктивного поведения несовершеннолетних в интернет-пространстве, аргументируется ее значимость для профессиональной деятельности сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Представлены результаты проведенного исследования экспертного мнения сотрудников данных подразделений различных регионов России.

Ключевые слова: деструктивное поведение, форма деструктивного поведения, информационно-коммуникационные технологии, превенция деструктивного поведения, несовершеннолетние лица.

On relevance of preventing the destructive behavior of minors in the internet-space

The article analyzes the relevance of the problem of destructive behavior of minors in the Internet space, its representation in the professional activities of employees of juvenile affairs units of internal affairs bodies. The proposed article presents the results of a study conducted among these employees of various regions of Russia.

Keywords: destructive behavior, form of destructive behavior, information and communication technologies, prevention of destructive behavior, minors.

Информатизация представляет собой один из характерных для развития современного общества глобальных процессов, который, наряду с несомненными положительными аспектами, привносит в жизнь человека негативные явления: постоянный информационный шум, агрессивное поведение в виртуальном пространстве, киберхулиганство, диффамацию в киберпространстве, кибертерроризм, интернет-аддикции, зависимость от компьютерных игр, хакерство и т.д. Их последствия требуют пристального внимания со стороны не только социума, но и сотрудников правоохранительной системы, так как указанные негативные явления зачастую становятся причиной возникновения новых видов преступлений (например, неправомерного доступа к компьютерной информации) и распространения криминальной идеологии через сеть Интернет [1]. Развитие информационной сферы и сопутствующие этому деструктивные явления требуют от правоохранительной системы обеспечения информационной безопасности личности.

Среди факторов, представляющих угрозу для личности в Интернете, следует выделить развитие девиаций: потребление деструктивного контента, проявление агрессии, совершение правонарушений посредством использования информационно-коммуникационных техноло-

гий. Такая ситуация в интернет-среде особо опасна для несовершеннолетних лиц, которые могут достаточно легко и беспрепятственно получить доступ к обширному объему информации, не предназначенной для их психики (например, к контенту «для взрослых», информации о насилии, убийствах, схемам изготовления взрывных устройств и рецептам взрывчатых веществ и т.д.).

Необходимость обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних обусловлена также преступной деятельностью лиц, занимающихся вербовкой и вовлечением несовершеннолетних в различные деструктивные сообщества, субкультуры и организации, оказывающие манипулятивное воздействие с целью их склонения к совершению преступлений, самоубийств и т.д.

Опасность пребывания в виртуальном пространстве лиц несовершеннолетнего возраста неоднократно подчеркивалась в СМИ, подтверждается различными исследованиями и данными статистики. Согласно результатам социологических исследований, с 2006 по 2010 г. количество подростков, проводящих за компьютером не менее трех часов каждый день, увеличилось в четыре раза (с 5,7% до 21,7%). К 2021 г. уже 56% детей постоянно использовали сеть Интернет: во время учебных занятий в школе, дома, на улице и т.д. [2] Кроме того,

более 80% несовершеннолетних имеют неконтролируемый со стороны старших лиц доступ к Интернету. Отсутствие контроля использования несовершеннолетними интернет-ресурсов только повышает уровень опасности потребления контента, не предназначенного для их психики, влечет возникновение серьезных последствий: развитие деструктивных форм поведения, негативных аддикций, вовлечение в совершение правонарушений и т.д. Секретарь Совета безопасности Российской Федерации Н.П. Патрушев описывает сложившуюся ситуацию следующим образом: «Растет количество подростков – участников молодежных субкультур, таких как «скулшутинг», «колумбайн». Их число в социальных сетях достигло уже более 70 тыс. человек... результатом деятельности таких сообществ... становится формирование в образовательных организациях групп криминальной направленности, призывающих к насильственным действиям, в том числе в ходе проведения протестных акций, массовых беспорядков и экстремистских актов» [3].

Признавая высокую социальную заинтересованность в обеспечении безопасности нахождения несовершеннолетних в интернет-пространстве, нельзя не отметить, что наиболее серьезное последствие негативного влияния информационно-коммуникационных технологий на личность подростков проявляется в формировании деструктивного поведения.

Это подтверждается не только данными статистики и неоднократным освещением проблемы в СМИ, но и исследованиями, посвященными рассматриваемой теме. Так, к проблематике деструктивного поведения в сети Интернет обращались А.А. Бессчетнова [4], Е.В. Васкэ [5], Д.А. Харламова [6] и многие другие. Разработка анализируемого вопроса свидетельствует о необходимости проведения комплексного исследования, результаты которого могут быть использованы в процессе практической реализации программ профилактики деструктивного и делинквентного поведения несовершеннолетних.

В условиях информатизации современного общества и жизни человека несовершеннолетние лица, психическое состояние которых характеризуется неустойчивостью, максимализмом и склонностью к гиперболизации получаемых эмоций и впечатлений, воспринимают информационно-коммуникационные технологии как инструмент получения достоверной информации [7]. Для того чтобы избежать крайне негативных последствий неконтролируемого и небезопасного нахождения несовершеннолетних в интернет-пространстве, необходима разработка действенных мер превентивного характера. Основными субъектами превен-

ции правонарушений несовершеннолетними вследствие использования ими информационно-коммуникационных технологий, являются сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (далее – ПДН). Эффективность такой работы зависит от наличия у них сформированных компетенций: знаний, умений и навыков работы с анализируемой категорией несовершеннолетних. В то же время нельзя с уверенностью утверждать, что все сотрудники ПДН обладают достаточно высоким уровнем компетентности, позволяющим им эффективно реализовывать превенцию деструктивного поведения несовершеннолетних в интернет-пространстве.

Актуальность проблемы формирования у сотрудников ПДН знаний, умений и навыков работы с несовершеннолетними, проявляющими деструктивное поведение в Интернете, подтверждается результатами проведенного нами на базе Краснодарского университета МВД России исследования, содержащего данные экспертных опросов сотрудников ПДН ОВД Кемеровской области, Саратовской области, Краснодарского края, Ставропольского края, Республики Адыгея, Воронежской области. В опросе приняло участие 96 сотрудников.

По мнению опрошенных экспертов, наиболее распространенной формой деструктивного поведения у несовершеннолетних в информационно-коммуникационной среде является «киберхулиганство», т.е. агрессивное поведение в социальных сетях, проявляющееся в намеренном оскорблении или угрозах (39%). Неконтролируемое использование несовершеннолетними социальных медиа в Интернете, а также зависимость от сетевых компьютерных игр отметило 30% опрошенных респондентов. Популярность просмотра контента «18+» у несовершеннолетних выделило 15% опрошенных специалистов. Совершение ими преступных действий (распространение наркотических средств, взлом сайтов, неправомерный доступ к компьютерной информации и т.д.) посредством информационно-коммуникационных технологий – 9% опрошенных респондентов.

Непосредственно в рамках служебной деятельности 78% респондентов сталкивались со следующими проявлениями деструктивного поведения несовершеннолетних: киберхулиганство (39%); зависимость от компьютерных игр (16%); просмотр контента, не предназначенного для несовершеннолетних (15%); совершение преступных действий (9%). 22% опрошенных такого опыта не имели. В целом следует отметить, что респондентами в разной степени были отмечены все предложенные варианты форм деструктивного поведения в информаци-

онно-коммуникационной среде, что позволяет сделать вывод об актуальности данной проблемы для сотрудников правоохранительных органов и общества в целом.

Условиями формирования деструктивного поведения выступают различные факторы социального окружения личности. По мнению сотрудников ПДН, среди причин, оказывающих влияние на данный процесс в информационно-коммуникационной среде, наиболее значимыми являются: популяризация деструктивного поведения в обществе сверстников, одноклассников (25%); асоциальное окружение в семье (23%); пропаганда насилия, жестокости, различных форм девиаций в Интернете, СМИ, массовой культуре (22%); потребность быть «своим», которая легко реализуется в социальных сетях и группах с выраженной деструктивной направленностью (22%); ощущение собственной значимости в роли интернет-provokatora, получение удовольствия от способности влиять на настроение и эмоции других людей (8%). Такое распределение ответов позволяет сделать вывод, что среди причин, оказывающих влияние на формирование деструктивного поведения у несовершеннолетних в информационно-коммуникационной среде, в большей степени выделяются факторы социального взаимодействия и окружения.

Данный тезис подтверждается ответами экспертов на вопрос «Какие личные психологические особенности личности, по Вашему мнению, могут стать причиной деструктивного поведения подростка в информационно-коммуникационной среде?». Так, в равной степени были отмечены варианты: «Проблемы, связанные с самоидентификацией личности подростка, поиском своего "Я"» (23%); «Желание привлечь внимание к своей личности любыми доступными средствами» (23%); «Социально-психологическая дезадаптация, выражающаяся в непонимании подростка в семье, отсутствии социальных связей с ровесниками, негативное восприятие подростком себя, своего окружения, негативный психологический климат в образовательной организации и т.д.» (20%). Выделенные психологические особенности напрямую связаны с взаимодействием несовершеннолетнего с обществом, проблемами, испытываемыми им при общении с другими людьми, идентификацией себя в социальном окружении.

Одним из важных критериев эффективности работы сотрудника ПДН является его способность устанавливать психологический контакт с несовершеннолетними [8]. Результаты анализа ответов респондентов на вопрос «Удается ли Вам установить психологический контакт с подростками при работе с ними?» показывают,

что более половины опрошенных (60%) будут испытывать трудности при установлении психологического контакта с несовершеннолетним при изменении привычных условий общения. Изложенное свидетельствует о наличии определенных трудностей в работе сотрудников ПДН, снижающих ее результативность. В связи с этим сотрудникам ПДН необходимо развивать способности взаимодействовать с несовершеннолетними, проявляющими различные формы девиаций, и устанавливать с ними контакт.

По мнению сотрудников ПДН, имеющих опыт работы с несовершеннолетними, деструктивное поведение в сети Интернет может привести к совершению преступлений. Наиболее часто встречающимися преступлениями, совершенными несовершеннолетними лицами посредством информационно-коммуникационных технологий, по мнению респондентов, являются преступления и административные правонарушения экстремистского характера: публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства по признакам национальности, религии и т.д. (ст. 282 УК РФ); пропаганда, демонстрация и распространение экстремистских материалов (ст. 20.29 и 20.3 КоАП РФ). Данные преступления и правонарушения отметили 53% опрошенных.

29% респондентов указали в качестве наиболее часто встречающегося преступления, совершенного несовершеннолетним посредством информационно-коммуникационных технологий, незаконное приобретение, хранение наркотических средств, участие в их обороте (ст. 228, 228.1 УК РФ). 18% экспертов в качестве наиболее часто встречающихся правонарушений среди несовершеннолетних отметили неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), совершение краж электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ), различных мошенничеств (159 УК РФ). Как видим, опрошенными выбраны в той или иной степени все предложенные для оценки виды преступной деятельности. Это свидетельствует о многообразии форм противоправного поведения несовершеннолетних лиц в Интернете.

Экспертам также было предложено выбрать наиболее эффективные методы работы с несовершеннолетними, проявляющими деструктивное поведение в информационно-коммуникационной среде. Ответы на данный вопрос позволяют сделать вывод, согласно которому в настоящее время сотрудники ПДН не могут определить наиболее подходящую стратегию работы с такими лицами.

В основном респондентами были выбраны варианты: «Организация социальной среды, препятствующей развитию деструктивного поведения или его проявлениям», «Активное обучение социально важным навыкам», «Активизация самовыражения несовершеннолетнего в социально одобряемых формах» (59,8% опрошенных). Изложенное позволяет утверждать, что наиболее эффективным способом противодействия различным элементам информационно-коммуникационной среды, способствующим развитию деструктивного поведения несовершеннолетних, является изменение социальной реальности, в которой они находятся, в частности формирование позитивных форм активности.

Проведенное исследование показало, что в настоящее время проблема деструктивного поведения несовершеннолетних в Интернете является актуальной для сотрудников ПДН. Ее наличие подтвердили эксперты из различных регионов России, что свидетельствует о ее повышенной общественной опасности. С учетом результатов анализа мнения респондентов можно сделать вывод о необходимости реализовать следующие направления исследования выделенной нами проблемы:

1. Ильницкий А.С. Механизм криминогенного воздействия криминальной идеологии в сети Интернет // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2022. № 8. С. 83–86.

2. Статистика интернет-зависимости у российских подростков [Электронный ресурс]. URL: <http://security.mosmetod.ru/internet-zavisimosti/127-statistika-internet-zavisimosti-u-rossijskikh-podrostkov> (дата обращения: 03.03.2023).

3. Патрушев заявил о 70 тысячах вовлеченных в субкультуры «шутинга» подростков [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/community/45135237-patrushev-zayavil-o-70-tysyachah-vovlechennyh-v-subkultury-shutinga-podrostkov/> (дата обращения: 06.06.2023).

4. Бессчетнова А.А. Кибербуллинг как вид деструктивного поведения несовершеннолетних в интернет-пространстве // *Общество и государство в зеркале социологических измерений (VIII Рязанские социологические чтения): материалы национальной науч.-практ. конф. с международным участием / отв. ред.: Р.Е. Маркин, А.В. Проноза. Рязань, 2018. С. 479–483.*

5. Васкэ Е.В., Плахина А.А. «Деструктивный Интернет» в формировании мотивации разрушительного и саморазрушительного

выявление факторов (внешних и внутренних), способствующих формированию деструктивного поведения несовершеннолетних в Интернете;

установление психологических условий, при наличии которых личность несовершеннолетнего будет более подвержена влиянию факторов формирования деструктивного поведения;

разработка программы превенции деструктивного поведения в Интернете, учитывающей и особенности личности несовершеннолетнего, и факторы окружающей среды, способствующие формированию различных деструкций личности.

Помимо этого, установлена объективная необходимость в формировании у сотрудников ПДН специальных знаний, умений и навыков работы с несовершеннолетними лицами, которым характерно деструктивное поведение в информационно-коммуникационной среде. Данные компоненты профессионального мастерства указанных сотрудников позволяют не только адаптировать несовершеннолетних с деструктивными формами поведения к взаимодействию с социумом, но и осуществлять превенцию совершения ими различных правонарушений.

1. Ilnitsky A.S. The mechanism of criminogenic impact of criminal ideology on the Internet // *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2022. No. 8. P. 83–86.

2. Statistics of Internet addiction among Russian teenagers [Web resource]. URL: <http://security.mosmetod.ru/internet-zavisimosti/127-statistika-internet-zavisimosti-u-rossijskikh-podrostkov> (date of access: 03.03.2023).

3. Patrushev said about 70 thousand teenagers involved in subcultures of "joking" [Web resource]. URL: <https://news.rambler.ru/community/45135237-patrushev-zayavil-o-70-tysyachah-vovlechennyh-v-subkultury-shutinga-podrostkov/> (date of access: 06.06.2023).

4. Besschetnova A.A. Cyberbullying as a type of destructive behavior of minors in the Internet space // *Society and the state in the mirror of sociological dimensions (VIII Ryazan Sociological readings): materials of the national sci. and pract. conf. with international participation / resp. ed.: R.E. Markin, AV. Pronoza. Ryazan, 2018. P. 479–483.*

5. Vaske E.V., Plakhina A.A. "Destructive Internet" in the formation of motivation for destructive and self-destructive behavior of minors // *Kazan Pedagogical Journal*. 2022. No. 5(154). P. 263–269.

6. Kharlamova D.A. "Internet" as a source of increased risk of the formation of destructive

поведения несовершеннолетних // Казанский педагогический журнал. 2022. № 5(154). С. 263–269.

6. Харламова Д.А. «Интернет» как источник повышенного риска формирования деструктивного поведения несовершеннолетних // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. С. 309–312.

7. Таганова А.А., Лапсарь М.В. К проблеме вовлечения несовершеннолетних в деструктивную деятельность посредством информационно-коммуникационных технологий // Российский девантологический журнал. 2023. № 3(1). С. 52–58.

8. Душкин А.С. Психолого-педагогические основы индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, состоящими на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел: учеб.-практ. пособие. СПб., 2018.

behavior of minors // Bulletin of Economic Security. 2022. No. 5. P. 309–312.

7. Taganova A.A., Lapsar M.V. On the problem of involving minors in destructive activities through information and communication technologies // Russian Deviantological Journal. 2023. No. 3(1). P. 52–58.

8. Dushkin A.S. Psychological and pedagogical foundations of individual preventive work with minors registered in the juvenile affairs units of the internal affairs bodies: ed. and prac. manual. St. Petersburg, 2018.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лапсарь Маргарита Владимировна, адъюнкт кафедры социально-гуманитарных дисциплин Краснодарского университета МВД России; e-mail: margaret-1572@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

M.V. Lapsar, Adjunct of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: margaret-1572@yandex.ru

Проблемы искусственного интеллекта в российской доктрине уголовного права

В статье рассмотрены основные точки зрения ученых относительно понимания субъектности искусственного интеллекта («элементов искусственного интеллекта»), выработанные в доктрине уголовного права России. Сделан вывод о том, что в настоящее время в отечественной доктрине доминирует позиция, согласно которой за «деяния» носителей элементов искусственного интеллекта уголовной ответственности могут подлежать лица, являвшиеся его разработчиками, собственниками или операторами.

Ключевые слова: искусственный интеллект, «право роботов», уголовно-правовая доктрина.

Artificial intelligence problems in Russian criminal law doctrine

The article discusses the main positions regarding the understanding of the subjectivity of artificial intelligence («elements of artificial intelligence»), developed in the doctrine of criminal law in Russia. It is concluded that at present, the Russian doctrine is dominated by the position that for the «acts» of the carriers of elements of artificial intelligence, persons who were its developers, owners or operators may be subject to criminal liability.

Keywords: artificial intelligence, «robot law», criminal law doctrine.

В настоящее время одной из наиболее обсуждаемых на самых разных уровнях проблем стала перспектива развития искусственного интеллекта (далее – ИИ) и расширения сфер его применения. Уже сейчас самые разные сценарии относительно роли ИИ в судьбе всего человечества, предложенные учеными-фантастами и голливудскими сценаристами, стали если не обыденной реальностью, то данностью во многих сферах общественной жизни. В целом такие сценарии сводятся к двум прямо противоположным перспективам. Согласно одной из них носители ИИ станут незаменимыми помощниками людей и предоставят последним невиданные ранее возможности для самореализации (как тут не вспомнить образ добродушного и немного наивного Электроника из фильма «Приключения Электроника» режиссера К. Бромберга). В соответствии с другим сценарием носители ИИ, осознав «собственное я», станут смертельными врагами человечества со всеми вытекающими последствиями (одно из первых и наиболее ярких олицетворений такой перспективы – почти полное уничтожение всех людей Скайнетом в легендарном фильме «Терминатор» режиссера Дж. Кэмерона).

В настоящее время в России и за рубежом ИИ и его носители применяются в большинстве сфер общественной жизни. Если десять лет назад возможность использования ИИ обсуждалась применительно к промышленному производству, строительному проектированию,

различным видам прогнозирования, обеспечению безопасности дорожного движения, то сейчас дискуссия идет о допущении ИИ к принятию решений в управленческой и банковской деятельности [1] и даже в юридической области, включая судопроизводство [2].

Необходимо обратить внимание на то, что у каждого социального процесса и явления имеется и обратная сторона. Польза и необходимость использования ИИ в созидательных целях бесспорны. В то же время и в этой сфере возможны негативные проявления. Так, использование элементов ИИ в управлении транспортными средствами («робомобилями») уже сейчас создает риски причинения вреда участникам дорожного движения [3].

Противоположная ситуация складывается, когда носители ИИ изначально и целенаправленно создают опасность для жизни и здоровья людей (например, в военной отрасли). Общеизвестно, что элементы ИИ уже используются армиями России, США, Китая, других стран и успешно применяются в ходе вооруженных конфликтов для решения исключительно боевых задач. Например, в мае 2023 г. было официально заявлено, что зенитный ракетный комплекс С-350 «Витязь» в зоне специальной военной операции «впервые в мире в боевых условиях выполнил полностью автоматические, без участия оператора, обнаружение, сопровождение и поражение украинских воздушных целей. Ракетами системы были сбиты несколько боевых самолетов и беспилотников Украины».

При этом «автоматический режим был реализован по принципу отсутствия отмены человеком решений элементов искусственного интеллекта комплекса в рамках складывающейся воздушной боевой обстановки». Иными словами, оператор боевого комплекса не вмешивался в его работу, тем самым «подтверждая выбранный автоматом алгоритм работы» [4].

Изложенное позволяет утверждать, что в настоящий момент складывается двойственная ситуация в отношении оценки вреда, причиненного носителем ИИ. Одно дело, когда, например, «взбесившийся робот» причиняет смерть или увечье рабочему на производстве. Диаметрально противоположным образом обстоят дела, когда использование такого устройства изначально ставит целью причинение вреда другим людям, в частности на поле боя.

В последние годы научное сообщество все чаще ставит вопрос о появлении «криминологических» рисков использования элементов и носителей ИИ. Например, И.Р. Бегишев и З.И. Хисамова выделяют два вида таких рисков – косвенные и прямые. По мнению ученых, косвенный «криминологический» риск применения ИИ связан «с непреднамеренными опасностями в контексте применения ИИ»: например, случайные ошибки в программном обеспечении системы ИИ, ошибки, совершенные системой ИИ в процессе его работы. В свою очередь, прямой «криминологический» риск применения ИИ связан «с непосредственным действием на человека и гражданина той или иной опасности, вызванной применением ИИ». К таким рискам авторы относят: умышленное совершение системой ИИ общественно опасного посягательства на жизнь и здоровье человека; свободу, честь и достоинство личности; конституционные права и свободы человека и гражданина; общественную безопасность; мир и безопасность человечества [5, с. 773].

Указанные «криминологические» (скорее, криминальные) риски, связанные с использованием и деятельностью носителей ИИ, обуславливают возникновение вопроса о необходимости уголовно-правовой оценки причиненного ими вреда.

Анализ концептов определения правового статуса ИИ и его элементов, разработанных в позитивном праве, позволил выделить основные подходы к пониманию уголовно-правового значения «поведения» носителей ИИ и людей, так или иначе причастных к совершению таких «действий».

1. Носители ИИ не могут и не станут обладать правосубъектностью ни при каких обстоятельствах. Сторонники этой позиции подчеркивают, что искусственный разум, а также роботизированные автономные системы никогда «не спо-

собны быть субъектами права», так как они не смогут обладать волей «в правовом смысле, не имеют собственных интересов, не смогут формировать субъективное отношение к совершаемым деяниям, нести юридическую ответственность по причине отсутствия чувства вины». В итоге даже «акт признания законодателем их правоспособности не сделает их настоящими субъектами права, но может причинить вред праву как коммуникативной системе» [6, с. 11].

2. Носители ИИ могут обладать элементами правосубъектности, но вопрос о признании их «самостоятельными личностями» по возможности будет решен в отдаленном будущем. Это доминирующая точка зрения относительно субъектного статуса носителей ИИ в настоящее время. Например, П.М. Морхат утверждает о потенциальной «мультимодальной» или «гетерогенной» правосубъектности носителя (у автора – «юнита») ИИ. Такой «плавающий» статус правосубъектности носителя ИИ ставится в зависимость от характеристик самого «юнита». Оценка правового положения последнего «может различаться на шкале вариантов»: от исключительно как инструмента человека до наделения правосубъектностью «электронного лица» и в «самом максимуме до полной правосубъектности». В качестве примера автор приводит деятельность носителя ИИ в ситуации отсутствия человеческого экипажа в дальнем космосе, на других планетах, т.е. там, «где это насуточно необходимо, но не создаст никаких рисков для человека» [7, с. 23–24].

На основе сложившихся в позитивном праве позиций относительно допустимости признания правосубъектности носителей ИИ в уголовно-правовой доктрине был поставлен вопрос о том, может или должно уголовное право «в принципе» реагировать на появление ИИ и потенциальную «вредоносную деятельность» его носителей [8, с. 176].

Большинство российских авторов считают, что в настоящее время такая реакция «преждевременна». Так, в отечественной доктрине отмечается, что интенсивная цифровизация общества, наряду с положительными результатами, порождает «новые неизвестные формы общественно опасного поведения (деятельности)». Как следствие, этот процесс наносит вред объектам уголовно-правовой защиты. Действительно, во многом «такие уголовно-правовые риски обусловлены феноменом искусственного интеллекта и его применением в различных сферах жизни человека». Если определять концепцию интеллекта как «общую умственную способность, включая способность делать выводы, планировать, решать проблемы,

мыслить абстрактно, понимать сложные идеи, быстро учиться и получать знания на основе опыта», можно предположить, что все указанные психические процессы станут «вполне ожидаемыми от нечеловеческого интеллекта» [9, с. 402–403].

В то же время уравнивать ответственность носителей ИИ и человека «еще слишком рано», так как «на поведение Homo sapiens сильно влияют чувства и эмоции». В данных обстоятельствах «необходимо выявить существующие уголовно-правовые риски и сделать научно обоснованные выводы для дальнейшего развития отечественного уголовного законодательства» [9, с. 402–403].

По сути, по аналогии с основными общемировыми трендами в российской доктрине обсуждается вопрос не столько о потенциальной уголовной ответственности носителей ИИ, сколько лиц, так или иначе связанных с ними.

Например, И.Н. Мосечкин считает, что деятельность носителей ИИ «может представлять общественную опасность и причинять вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом». Однако на текущий момент носитель ИИ может реализовать только «объективную сторону ряда составов преступлений, предусмотренных уголовным законодательством». В свою очередь, «содержание вины искусственного интеллекта отдаленно напоминает содержание интеллектуальных и волевых элементов деятельности человека». Во всех известных случаях причинение вреда носителем ИИ совершалось вследствие «небрежности» системы, обусловленной деятельностью людей, так или иначе связанных с такой системой. В связи с этим за вред, объективно причиненный носителем ИИ, в настоящее время может быть привлечен к ответственности «производитель программы; производитель или продавец продукции, оснащенной искусственным интеллектом; пользователь про-

дукции, оснащенной искусственным интеллектом» [10, с. 472–473].

В доктрине также представлена точка зрения о необходимости признания носителей ИИ, в частности автономных и полуавтономных роботов, источником повышенной опасности. В случае принятия положительного решения по данному вопросу ответственность операторов или иных лиц, связанных с деятельностью носителей ИИ, будет поставлена в зависимость «от степени автономности роботов и их взаимосвязи с действиями операторов» [11, с. 539–540].

Подводя итог, необходимо отметить, что большинство отечественных авторов резюмируют, что настоящий ИИ пока еще не создан, а в настоящее время вся ответственность за действия носителя ИИ «накладывается на людей, которые были причастны к его разработке или же любой иной деятельности, подразумевающей его активацию». В связи с этим необходимо возложение «надзорной обязанности» по осуществлению контроля «во избежание риска вреда, даже если действие не было предсказуемым для оператора» на владельца (оператора) носителя ИИ [12, с. 75].

В заключение следует отметить, что ряд российских ученых допускает в будущем наделение носителей ИИ правосубъектностью и, соответственно, статусом субъекта преступления. На современном этапе «невозможно наделить автономного робота правосубъектностью», так как «сквозные цифровые технологии еще не достигли необходимого уровня развития», однако в будущем «в процессе совершенствования этих технологий ситуация может измениться, и наделение автономного робота правосубъектностью станет необходимостью» [13, с. 89–90]. Все это может стать реальностью, если «гипотетически когда-нибудь будут созданы физические носители искусственного интеллекта, которым станут свойственны не только «разум и воля», но и вся гамма человеческих чувств, эмоций, переживаний» [8, с. 177].

1. Талапина Э.В. Искусственный интеллект и правовые экспертизы в государственном управлении // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Право. 2021. Т. 12. № 4. С. 865–881.

2. Архипов В.В., Наумов В.Б., Смирнова К.М. Пределы принятия юридически значимых решений с использованием искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Право. 2021. Т. 12. № 4. С. 882–906.

3. Коробеев А.И., Чучаев А.И. Беспилотные транспортные средства: новые вызовы

1. Talapina E.V. Artificial Intelligence and legal expertise in public administration // Bulletin of St. Petersburg State University. Law. 2021. Vol. 12. No. 4. P. 865–881.

2. Arkhipov V.V., Naumov V.B., Smirnova K.M. Limits of making legally significant decisions using Artificial Intelligence // Bulletin of St. Petersburg State University. Law. 2021. Vol. 12. No. 4. P. 882–906.

3. Korobeev A.I., Chuchaev A.I. Unmanned vehicles: new challenges to public security // Lex Russica. 2019. No. 2. P. 9–28

общественной безопасности // *Lex Russica*. 2019. № 2. С. 9–28.

4. С-350 впервые сбил самолеты Украины в зоне СВО в режиме полного автомата [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230524/spetsoperatsiya-1873760329.html> (дата обращения: 25.08.2023).

5. Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Криминологические риски при-менения искусственного интеллекта // *Всероссийский криминологический журнал*. 2018. Т. 12. № 6. С. 767–775.

6. Пономарева Е.В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019.

7. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере право интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 2018.

8. Кибальник А.Г., Волосюк П.В. Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2018. № 4. С. 173–178.

9. Lopashenko N.A., Kobzeva E.V., Rozhavsky Z.D. Artificial Intelligence and Criminal Law Risks // *European Proceedings of Social and Behavioral Sciences*. 2022. P. 398–404.

10. Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*. Право. 2019. Т. 10. № 3. С. 461–476.

11. Бегишев И.Р. Пределы уголовно-правового регулирования робототехники // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*. Право. 2021. Т. 12. № 12. С. 522–543.

12. Карташов И.И. Искусственный интеллект как субъект уголовной ответственности: настоящее и перспективы // *Право: история и современность*. 2021. № 2. С. 68–78.

13. Бегишев И.Р. Автономная робототехника в системе уголовно-правовых отношений. М., 2022.

4. S-350 for the first time shot down Ukrainian aircraft in the SMO zone in full automatic mode [Web resource]. URL: <https://ria.ru/20230524/spetsoperatsiya-1873760329.html> (date of access: 25.08.2023).

5. Begishev I.R., Khisamova Z.I. Criminological risks of using Artificial Intelligence // *Russian Journal of Criminology*. 2018. Vol. 12. No. 6. P. 767–775.

6. Ponomareva E.V. Subjects and quasi-subjects of law: theoretical and legal problems of differentiation: Diss. ... Candidate of Sciences in Jurisprudence. Yekaterinburg, 2019.

7. Morhat P.M. Legal personality of Artificial Intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems: auth. abstr. ... Dr of Sciences in Jurisprudence. Moscow, 2018.

8. Kibalnik A.G., Volosyuk P.V. Artificial Intelligence: Issues of Criminal Law Doctrine Awaiting Answers // *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2018. No. 4. P. 173–178.

9. Lopashenko N.A., Kobzeva E.V., Rozhavsky Z.D. Artificial Intelligence and Criminal Law Risks // *European Proceedings of Social and Behavioral Sciences*. 2022. P. 398–404.

10. Mosechkin I.N. Artificial Intelligence and criminal liability: problems of the formation of a new type of subject of crime // *Bulletin of St. Petersburg State University. Law*. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 461–476.

11. Begishev I.R. Limits of criminal law regulation of robotics // *Bulletin of St. Petersburg State University. Law*. 2021. Vol. 12. No. 12. P. 522–543.

12. Kartashov I.I. Artificial Intelligence as a subject of criminal liability: present and prospects // *Law: history and modernity*. 2021. No. 2. P. 68–78.

13. Begishev I.R. Autonomous robotics in the system of criminal law relations. Moscow, 2022.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лысенко Родион Викторович, аспирант Северо-Кавказского социального института; e-mail: kag@sksi.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

R.V. Lysenko, Postgraduate Student of the North Caucasian Social Institute; e-mail: kag@sksi.ru

Пушкова Надежда Владимировна

Общая характеристика состояния вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность

На основании статистических данных о количестве зарегистрированных и расследованных преступлений экстремистской направленности (ст. 280, 280.1, 280.2, 280.3, 280.4, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 282.4, 357 УК РФ) и количестве выявленных и осужденных лиц, их совершивших, в статье оценено современное состояние вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность. Установлена доля несовершеннолетних, совершивших преступления экстремистской направленности. Сформулирован вывод о наличии устоявшихся механизмов вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, а также о том, что существенную роль в организации данного процесса играют информационно-телекоммуникационные технологии.

Ключевые слова: вовлечение несовершеннолетних, экстремистская деятельность, информационно-телекоммуникационные технологии, цифровая виктимизация, организованные формы, раскрываемость, технический прогресс.

General characteristics of the state of involvement of minors in extremist activities

Based on statistical data on the number of registered and investigated extremist crimes (articles 280, 280.1, 280.2, 280.3, 280.4, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 282.4, 357 of the Criminal Code of the Russian Federation), as well as on the number of identified and convicted persons who committed them, the article assesses the current state of involvement of minors in extremist activities. The proportion of minors who committed extremist crimes was rated. The data obtained allowed us to conclude that there are well-established mechanisms for involving minors in extremist activities, and it was revealed that information and telecommunication technologies play a significant role in the organization of this process.

Keywords: involvement of minors, extremist activity, information and telecommunication technologies, digital victimization, organized forms, disclosure, technological progress.

Рассматривая вопрос вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, стоит отметить, что Уголовный кодекс Российской Федерации не предусматривает уголовную ответственность за данное преступление, в связи с чем можно обратиться к таким статистическим показателям, как количество преступлений рассматриваемого вида, зарегистрированных и расследованных за определенный промежуток времени; количество выявленных лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, в том числе несовершеннолетних, совершивших такие преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества (преступной организации); количество осужденных несовершеннолетних, совершивших преступления экстремистской направленности, и т.д.

Согласно перечню № 20 указания Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 17 января 2023 г. № 11/11/1 «О введении в действие пе-

речней статей Уголовного Кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» [1] к преступлениям экстремистской направленности без дополнительных условий относятся следующие составы: п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «з» ч. 2 ст. 117, п. «д» ч. 2 ст. 207.3, п. «б» ч. 1 ст. 213, ст. 280, 280.1, 280.2, 280.3, 280.4, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 282.4, 357 УК РФ. В связи с отсутствием в государственном статистическом учете некоторых данных по п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «з» ч. 2 ст. 117, п. «д» ч. 2 ст. 207.3, п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ в рамках настоящей статьи будут рассматриваться ст. 280, 280.1, 280.2, 280.3, 280.4, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 282.4, 357 УК РФ.

Так, согласно статистическим данным [2] количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности за последние 10 лет (с 2013 по 2022 г.) увеличилось на 74,8% и составило в 2013 г. 896 преступлений (удель-

ный вес от общего количества зарегистрированных преступлений составил 0,04%), в 2014 г. – 1034 (0,05%), в 2015 г. – 1329 (0,06%), в 2016 г. – 1450 (0,07%), в 2017 г. – 1521 (0,07%), в 2018 г. – 1265 (0,06%), в 2019 г. – 585 (0,03%), в 2020 г. – 833 (0,04%), в 2021 г. – 1075 (0,05%), в 2022 г. – 1566 (0,08%). В связи с введением Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 521-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [3] в ст. 282 УК РФ административной преюдиции в 2019 г. количество зарегистрированных преступлений указанного вида сократилось на 53,8%, однако в 2020–2022 гг. вновь отмечается рост зарегистрированных преступлений экстремистской направленности – на 42,4%, 26,9% и 48,2% по сравнению с предыдущими годами соответственно.

Представленные сведения позволяют утверждать, что удельный вес зарегистрированных преступлений экстремистской направленности от общего количества зарегистрированных преступлений за исследуемый период увеличился в 2 раза.

Анализ статистических данных [4] расследованных экстремистских преступлений, совершенных в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества (преступной организации), выявил следующие тенденции, затрагивающие состояние вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность.

Удельный вес расследованных экстремистских преступлений, совершенных различными групповыми формами при соучастии несовершеннолетних, от общего количества преступлений экстремистской направленности, совершенных в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества (преступной организации), находится на высоком уровне и составляет в 2013 г. 18,18%, в 2014 г. – 2,70%, в 2015 г. – 38,46%, в 2016 г. – 15,38%, в 2017 г. – 45,00%, в 2018 г. – 8,16%, в 2019 г. – 34,15%, в 2020 г. – 1,64%, в 2021 г. – 3,35%, в 2022 г. – 9,09%. В среднем за 2013–2022 гг. удельный вес рассматриваемых преступлений составил 13,22%.

Анализ динамики доли указанных преступлений от общего количества преступлений экстремистской направленности, совершенных в составе организованных форм, позволяет сделать вывод о том, что в 2020 и 2021 гг. количество рассматриваемых противоправных деяний значительно снизилось в связи с

введением в 2019 г. в ст. 282 УК РФ административной преюдиции. В то же время 2022 г. характеризуется ростом удельного веса таких преступлений (почти в 3 раза по сравнению с предыдущим годом), что может свидетельствовать о влиянии социальной напряженности на рост вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, а также современных геополитических реалий на вовлечение несовершеннолетних в такую деятельность в целях дискредитации российского общества.

Таким образом, за исследуемый период каждое седьмое расследованное экстремистское преступление, совершенное в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества (преступной организации), совершено при соучастии несовершеннолетних, что свидетельствует о наличии устоявшихся механизмов вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность.

Наиболее частыми противоправными деяниями, совершенными различными групповыми формами при соучастии несовершеннолетних за исследуемый период, стали организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ, 35,38%), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ, 31,40%), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ, 21,05%).

Далее проанализируем статистические данные о выявленных лицах, совершивших преступления экстремистской направленности.

От общего количества выявленных за 2013–2022 гг. лиц (7690), совершивших преступления экстремистской направленности, 475 составили несовершеннолетние (6,18%). В данном случае речь идет о несовершеннолетних в возрасте 16–17 лет, так как за совершение указанных преступлений уголовная ответственность наступает с 16 лет [5].

Несмотря на то что удельный вес несовершеннолетних лиц на первый взгляд является небольшим, количество указанных лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, имеет тенденцию роста в 2014–2017 и 2020–2022 гг.

В структуре преступлений экстремистской направленности, совершенных несовершеннолетними лицами, выявленными правоохранительными органами, наибольшая доля приходится на такие противоправные деяния, как возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) – 54,94%, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности

(ст. 280 УК РФ) – 28,84%, организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ) – 13,05%.

Согласно официальной статистике ГИАЦ МВД России [6] в части количества выявленных совершеннолетних лиц, совершивших преступления экстремистской направленности в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) при соучастии несовершеннолетних, доля таких совершеннолетних высока и составляет в 2013 г. 63,89%, в 2014 г. – 7,84%, в 2015 г. – 53,13%, в 2016 г. – 13,46%, в 2017 г. – 20,45%, в 2018 г. – 25,00%, в 2019 г. – 27,55%, в 2020 г. – 2,75%, в 2021 г. – 1,90%, в 2022 г. – 11,63%. В среднем за 2013–2022 гг. их удельный вес составил 13,23%.

Анализ динамики доли совершеннолетних, совершивших преступления экстремистской направленности в составе организованных форм при соучастии несовершеннолетних, позволяет сделать вывод о схожести данных показателей с показателями динамики преступлений, совершенных в составе организованных форм при соучастии несовершеннолетних.

Таким образом, за исследуемый период каждый седьмой совершеннолетний, совершивший экстремистское преступление в составе различных групповых форм, сделал это при соучастии несовершеннолетних, что позволяет сделать вывод о результативности вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность.

Анализ структуры преступлений экстремистской направленности, совершаемых совершеннолетними в составе различных групповых форм при соучастии несовершеннолетних, показал, что в среднем за 10 лет доля таких совершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 282.2 УК РФ, составила 3,06%, по ст. 282 УК РФ – 15,79%, по ст. 282.1 УК РФ – 44,40%, по ст. 280 УК РФ – 44,83%.

Согласно статистическим данным [7, 8] на территории Российской Федерации с 2017 по 2022 г. за совершение преступлений, предусмотренных ст. 280–280.4, 282–282.4, 357 УК РФ, осуждено 2625 лиц, из них 215 – несовершеннолетние (удельный вес составляет 8,19%). В данном случае рассматриваемый период составляет 6 лет в связи с отсутствием статистических данных о количестве несовершеннолетних осужденных до 2017 г.

Анализ структуры преступлений экстремистской направленности позволяет сделать вывод о том, что чаще всего несовершеннолетние осуждались за возбуждение ненависти либо

вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ – 58,60%), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ – 29,30%) и организацию экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ – 7,91%); реже – за организацию деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ – 4,19%).

Эффективность деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений можно оценить исходя из статистических показателей судимости по конкретным видам преступлений.

Так, по результатам расследования за 2017–2022 гг. 4428 фактов преступлений, предусмотренных ст. 280–280.4, 282–282.4, ст. 357 УК РФ [4], совершенных совершеннолетними, осуждено 2410 лиц [7, 8]. При этом по результатам расследования 346 преступлений, совершенных несовершеннолетними, осуждено только 215 лиц (в данном случае рассматриваемый период составляет 6 лет в связи с отсутствием статистических данных о количестве несовершеннолетних осужденных до 2017 г.).

Приведенные статистические данные позволяют утверждать, что раскрываемость рассматриваемых преступлений экстремистской направленности, совершенных совершеннолетними, составляет 54,43% за 6 лет. При этом преступления, предусмотренные ст. 280.3, 282.3 и 282.4 УК РФ, характеризуются наиболее низким процентом раскрываемости – 12,50%, 16,67% и 0,00% соответственно, что может свидетельствовать об отсутствии методики раскрытия данных преступлений, а также о сложностях в доказывании. Раскрываемость тех же преступлений, совершенных несовершеннолетними, составила 62,14%.

На основании изложенного можно отметить следующую тенденцию: за 6 лет подверглись суду только 54,43% совершеннолетних лиц, совершивших рассматриваемые преступления экстремистской направленности [7, 9]. При этом доля несовершеннолетних выше и составляет 62,14%.

Такой диспропорции, на наш взгляд, способствуют неумение несовершеннолетних в силу психофизиологических особенностей и отсутствия преступного опыта, в том числе экстремистской направленности, скрыть эту деятельность и избежать ответственности, а также факт, что несовершеннолетние, вовлеченные в экстремистскую деятельность, становятся жертвами, которых взрослые легко вовлекают, а затем оставляют без поддержки.

Вовлечению несовершеннолетних в экстремистскую деятельность способствует и технический прогресс – через средства коммуникации можно анонимно связываться с несовершеннолетними в целях склонения их к совершению противоправных действий (Интернет – огромный ресурс обмена информацией, в том числе в рассматриваемом аспекте) [10, с. 56]. Значительное число вдохновителей и идеологов остаются безнаказанными, привлекая в движения экстремистской направленности новых людей [11, с. 221].

А.Н. Игнатов считает, что максимальные риски цифровой виктимизации в результате применения информационно-когнитивных технологий на массовом уровне в настоящее время в наибольшей степени проявляются при совершении такого общественно опасного деяния, как вовлечение в экстремистскую деятельность [12, с. 63–64].

В связи с этим рассмотрим преступления экстремистской направленности, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий за 2018–2022 г. (государственный статистический учет содержит данные о преступлениях, предусмотренных ст. 280, 280.1, 280.3 (введена в 2022 г. [13]), 282 УК РФ) [14]. В данном случае рассматриваемый период составляет 5 лет в связи с отсутствием статистических данных о количестве таких преступлений до 2018 г.

За 2018–2022 г. было зарегистрировано 3088 указанных преступлений, из них 2816 – с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (удельный вес – 91,19%).

При этом удельный вес выявленных лиц от общего количества зарегистрированных преступлений находится на низком уровне – из 2816 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, расследовано 2475 (удельный вес – 87,89%), выявлено всего 995 лиц (удельный вес составил 40,20% от количества предварительно расследованных преступлений и 35,33% от количества зарегистрированных преступлений).

Ранее обращалось внимание на то, что несовершеннолетние чаще всего совершают публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), а также действия, направленные на возбуждение нена-

висти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ); в составе групповых форм также одним из наиболее распространенных противоправных деяний является организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ). Преступления экстремистской направленности, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, имеют похожую структуру.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

1. Доля несовершеннолетних среди выявленных лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, составляет 6,18%, а среди осужденных лиц – 8,19%. В основном несовершеннолетние совершают преступления в составе различных форм соучастия, в том числе совместно с совершеннолетними лицами – доля преступлений, совершенных в составе организованных форм при соучастии несовершеннолетних, а также доля совершеннолетних, совершивших преступления при таком соучастии, равны (в среднем 13%). Изложенное свидетельствует о том, что совершение преступлений экстремистской направленности несовершеннолетними связано преимущественно с их вовлечением в эту деятельность иными лицами.

2. Несовершеннолетние чаще всего вовлекаются (и, соответственно, осуждаются) в такие преступления, как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), участие в организации экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ).

3. Вовлечению несовершеннолетних в экстремистскую деятельность активно способствует технический прогресс: 91,19% расследованных преступлений экстремистской направленности совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, при этом всего выявлено 35,33% лиц.

Все вышеперечисленное свидетельствует о наличии устоявшихся механизмов вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, а также об огромной роли средств коммуникации в формировании и реализации механизмов и технологий данного процесса.

1. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генеральной

1. On the introduction of lists of articles of the Criminal Code of the Russian Federation, used in the formation of statistical reporting: instruction of the General Prosecutor's Office of the Russian

прокуратуры РФ и МВД России от 17 янв. 2023 г. № 11/11/1. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics>

3. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 27 дек. 2018 г. № 521-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2018. № 53, ч. 1. Ст. 8447.

4. Сведения о зарегистрированных, раскрытых и нераскрытых преступлениях. Форма федерального статистического наблюдения № 3-ЕГС (данные ГИАЦ МВД России) (2013–2022 гг.).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2023) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

6. Сведения о лицах, совершивших преступления. Форма федерального статистического наблюдения № 2-ЕГС (данные ГИАЦ МВД России) (2013–2022 гг.).

7. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации (2017–2022 гг.). Форма № 10-а // Судебный департамент при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru>

8. Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации (2017–2022 гг.). Форма 11.1 // Судебный департамент при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru>

9. Единый отчет о преступности. Форма федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС (данные ГИАЦ МВД России) (2017–2022 гг.).

10. Травников А.В. Вопросы вовлечения несовершеннолетних в совершение экстремистских преступлений и их уголовно-правовая квалификация // Журнал правовых и экономических исследований. 2021. № 4. С. 51–57.

11. Сидукова М.Г. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних и молодежи в экстремистскую деятельность // Наукосфера. 2021. № 1(1). С. 220–223.

12. Игнатов А.Н., Соловьев В.С. Информационно-когнитивные технологии в механизме цифровой виктимизации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1(51). С. 59–66.

Federation and the Ministry of the Interior of Russia d.d. Jan 17, 2023 No. 11/11/1. Access from the legal reference system "ConsultantPlus".

2. Official website of the Ministry of the Interior of Russia [Web resource]. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics>

3. On Amending the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: fed. law d.d. Dec. 27, 2018 No. 521-FZ // Coll. legislation of the Russian Federation. 2018. № 53. Part. 1. Art. 8447.

4. Information on registered, solved and unsolved crimes. Federal statistical observation form No. 3-EGS (data from the GIAC of the Ministry of the Interior of Russia) (2013–2022).

5. Criminal Code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 № 63-FZ (as amended on 29.03.2022) (with amendments and additions, effective from 24.06.2023) // Coll. legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

6. Information on persons who committed crimes. Federal statistical observation form No. 2-EGS (data from the GIAC of the Ministry of the Interior of Russia) (2013–2022).

7. Report on the number of convicted persons under all elements of crimes of the Criminal Code of the Russian Federation (2017–2022). Form No. 10-a // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation [Web resource]. URL: <http://www.cdep.ru>

8. Report on demographic characteristics of convicted persons under all elements of crimes of the Criminal Code of the Russian Federation (2017–2022). Form 11.1 // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation [Web resource]. URL: <http://www.cdep.ru>

9. Unified report on crime. Form of federal statistical observation No. 1-EGS (data from the GIAC of the Ministry of the Interior of Russia) (2017–2022).

10. Travnikov A.V. Issues of involvement of minors in the commission of extremist crimes and their criminal-legal qualification // Journal of Legal and Economic Studies. 2021. No. 4. P. 51–57.

11. Sidukova M.G. Preventing the involvement of minors and youth in extremist activities // Naukosphere. 2021. No. 1(1). P. 220–223.

12. Ignatov A.N., Soloviev V.S. Information and cognitive technologies in the mechanism of digital victimization // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. Vol. 14. No. 1(51). P. 59–66.

13. On Amending the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: fed. law d.d. March 4, 2022 № 32-FZ // Coll. legislation of the Russian Federation. 2022. No. 10. Art. 1389.

13. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2022. № 10. Ст. 1389.

14. Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений. Форма федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС / Генеральная прокуратура РФ, Главное организационно-аналитическое управление, Управление правовой статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru/analytics>

14. *Information about the state of crime and the results of crime investigation. Form of federal statistical observation No. 4-EGS / General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Main Organizational and Analytical Department, Legal Statistics Department [Web resource]. URL: <http://crimestat.ru/analytics>*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пушкова Надежда Владимировна, адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России, старший оперуполномоченный отделения Национального Центрального Бюро Интерпола Главного управления МВД России по Воронежской области; email: nadezhda_pushkova@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

N.V. Pushkova, Adjunct of of the Department of Criminal Law and Criminology, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; Senior Detective of a branch of National Central Bureau of Interpol, Main Department of the Ministry of the Interior of Russia of the Voronezh Region, email: nadezhda_pushkova@mail.ru

Хагур Юрий Аскерович

Виктимологическая характеристика жертвы самоуправства

В статье проанализированы вопросы криминологического значения характеристик жертвы самоуправства. Предлагается типология жертв данного преступления. Составлен виктимологический портрет потерпевшего от самоуправства, определены закономерности влияния признаков жертвы на развитие механизма преступного поведения, выражающегося в самоуправстве. Выявлены отличия личностных свойств жертвы самоуправства от аналогичных характеристик потерпевших от других преступлений.

Ключевые слова: криминология, преступность, самоуправство, жертва преступления, потерпевший, виктимология, виктимологический портрет.

Victimological characteristics of the victim of arbitrariness

The article deals with the criminological significance of the characteristics of the victim of arbitrariness. The types of victims of this crime are classified. A victimological portrait of the victim of arbitrariness has been compiled, the patterns of the influence of the victim's characteristics on the development of the mechanism of criminal behavior expressed in arbitrariness have been determined. The differences between the personal characteristics of the victim of arbitrariness and similar characteristics of victims of other crimes are revealed.

Key words: criminology, crime, arbitrariness, crime victim, victim, victimology, victimological portrait.

Неотъемлемым компонентом современной криминологической характеристики как видов преступности, так и отдельных противоправных деяний следует признать виктимологические аспекты. Как справедливо отмечается в юридической литературе, зачастую «поведение преступника напрямую зависит от поведения потерпевшего, его социально-демографических, нравственно-психологических характеристик, а также личных установок, обусловленных не только целями наживы, обогащения, но и проявлениями излишней доверчивости, эмоциональности, безграмотности и невнимательности» [1, с. 60–63; 2, с. 208–212].

Несмотря на глубокую теоретическую проработанность виктимологических аспектов преступности, действенные меры виктимологической профилактики имеют разрозненный характер [3, с. 7]. Часто данные вопросы не находят должного отражения и в теоретических разработках, посвященных криминологической характеристике и предупреждению отдельных видов преступлений.

Рассматривая вопрос о виктимологической характеристике конкретного преступления, следует учитывать некоторые организационно-методологические пояснения. В частности, в криминологии отмечается, что понятия «потерпевший от преступления» и «жертва преступ-

ления» являются несовпадающими с позиции виктимологической теории [4, с. 208; 5, с. 45]. Объясняется это тем, что фигура потерпевшего от преступления имеет соответствующее уголовно-процессуальное обоснование. Потерпевшим является лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред. При этом в рамках уголовно-процессуального законодательства потерпевший обладает специальным правовым статусом, который оформляется постановлением следователя или дознавателя.

Вместе с тем значительная доля лиц, пострадавших от преступлений, не приобретают обозначенный процессуальный статус по тем или иным причинам, несмотря на то что фактически преступлением им может быть причинен соответствующий вред. С точки зрения криминологии указанные лица являются такими же жертвами преступления, как и лица, наделенные юридическим статусом потерпевшего от преступления. Необходимо обратить внимание на то, что данный аспект особенно характерен для самоуправства, поскольку нередко это преступление остается вне поля зрения правоохранительных органов.

Отдельные авторы предлагают считать термины «потерпевший» и «жертва» синонимичными [6, с. 65–71]. По нашему мнению, решение обозначенного вопроса не имеет

принципиального значения, в случае если под анализируемыми терминами понимать любых лиц, пострадавших от преступления (имеющих и не имеющих правовой статус потерпевшего).

Исследуя влияние признаков и свойств жертвы самоуправства на механизм развития данного преступления, следует основываться на разработанных в криминологии концептуальных положениях виктимологии. В криминологии с 1986 г. активно используется понятие «виктимологический портрет», основой формирования которого являются характеристики личности жертвы преступления [7, с. 68–72; 8, с. 12–18]. Именно благодаря этому к портрету жертвы преступления выстраиваются дальнейшие шаги, ориентированные на предупреждение конкретных видов преступности посредством виктимологической профилактики.

В зависимости от комплекта преобладающих усредненных характеристик жертвы определенного преступления принято выделять виды таких потерпевших. Например, в криминологии предлагается следующая типология жертв преступления:

«1. Виктимно-универсальный. Жертвы характеризуются повышенной уязвимостью, а также типичной для них как активностью, так и пассивностью виктимного поведения.

2. Виктимно-избирательный. Жертве свойственна повышенная уязвимость, а традиционные формы поведения обуславливают ее виктимную предрасположенность во взаимодействии с характером конфликтных ситуаций.

3. Виктимно-ситуативный. Жертва обладает невысоким уровнем виктимности (примерно средним), потерпевшим становится вследствие сложившихся в совокупность ряда ситуативных факторов.

4. Виктимно-случайный. Сочетание и слияние случайных обстоятельств определяют характеристику жертвы.

5. Виктимно-профессиональный. Виктимность жертв связана с их трудовой (рабочей) деятельностью» [9, с. 267–270].

Применительно к самоуправству образу жертвы наиболее соответствует третий тип – виктимно-ситуативный. Пострадавший от самоуправства не является лицом, склонным выступать потерпевшим от криминального поведения. При этом в силу стечения обстоятельств лицо оказывается стороной подобного конфликта. Жертва самоуправства зачастую неспособна предупредить посягательство в отношении нее, не предпринимает эффективных действий по пресечению конфликта на ранней стадии. Зачастую именно вследствие неконструктивной и недоговороспособной позиции потерпевшего на-

чавшийся конфликт перерастает в уголовно наказуемое деяние. Распространены также ситуации, когда потерпевший не принимает в максимально короткие сроки меры урегулирования спорной ситуации в правовом русле, чем провоцирует виновного к криминальному самоуправному поведению.

Д.В. Ривман предлагает следующую типологию жертв преступления: «1) агрессивный – поведение потерпевшего связано с нападением на причинителя вреда оскорблением, клеветой, издевательством, характерно создание конфликтной ситуации самим потерпевшим; 2) активный – потерпевшие, побуждающие условия для причинения вреда неконфликтным образом или сами себе причиняющие вред; 3) инициативный – потерпевшие, поведение которых имеет положительный характер, но опасно для них самих; 4) пассивный – потерпевшие, которые не оказывают противодействия преступнику по самым различным причинам; 5) некритичный – потерпевшие, для которых характерны неосмотрительность, неумение оценить ситуацию; 6) нейтральный – потерпевшие, поведение которых не вызвало преступные действия и не способствовало им в той мере, в какой это зависело от потерпевшего» [10, с. 10; 11, с. 7–9].

В данной типологии представлено несколько подходящих типов жертв, характерных для случаев совершения самоуправства. Во-первых, потерпевший от самоуправных действий нередко активно создает соответствующую провоцирующую ситуацию, когда гражданско-правовой конфликт затягивается и не разрешается по его вине в случаях невозвращения потерпевшим займа в оговоренные сторонами сроки, особенно при наличии реальной возможности отдать долг.

Во-вторых, многие пострадавшие от самоуправства относятся к пассивному типу жертв (случаи, когда даже при наличии признаков начальных стадий возникновения умысла виновного на совершение исследуемого преступления и возможности предпринять конкретные меры с целью избежать совершения преступления жертва оказывается бездейственной, способствуя совершению самоуправства).

В-третьих, жертвы самоуправства во многих случаях относятся к нейтральному типу. Как свидетельствуют результаты исследования материалов уголовных дел о самоуправстве, потерпевшие от самоуправства в ряде случаев выполняют нейтральную роль в развитии механизма преступного самоуправства. В подобных ситуациях поведение потерпевших можно охарактеризовать в большей части как право-

мерное и отвечающее логике развития событий, поскольку многие факты самоуправства инициируются исключительно общественно опасным поведением виновного. Вклад жертвы отсутствует или является минимальным.

Если тип жертвы преступления подразумевает отнесение потерпевшего в зависимости от его характеристик к одной из обобщенных классификационных единиц, то виктимологический портрет предполагает уточненные признаки фигуры потерпевшего от конкретного преступления.

В первую очередь необходимо обратить внимание на возрастную характеристику жертвы самоуправства. Если усредненный виктимологический портрет жертвы преступления (любого) обычно характеризуется возрастом 18–40 лет, то потерпевшим от самоуправства свойственна старшая возрастная категория. Люди молодого возраста (до 30 лет) довольно редко выступают в качестве жертвы самоуправства. Обычно жертвами таких преступлений являются люди постарше, активнее вовлеченные в экономические процессы и часто владеющие определенным объемом имущества. В числе жертв самоуправства преобладают лица в возрасте 30–60 лет.

В связи с большей вовлеченностью лиц мужского пола в экономическую деятельность, а также присущим им наличием в собственности относительно дорогостоящего имущества (денежных средств, недвижимости, автотранспорта и т.п.) именно они чаще становятся жертвами самоуправства (67%). Значительная доля жертв рассматриваемого преступления являлись предпринимателями, а соответствующие гражданско-правовые конфликты, перерастающие в самоуправство, возникали в связи с коммерческой деятельностью. При этом последние десятилетия озаменовались вектором на повышение участия женщин в обозначенных процессах, что отражается на увеличении доли женщин, ставших жертвами самоуправства.

Образовательный уровень жертв самоуправства выше, чем у потерпевших от иных преступлений. Большинство жертв самоуправства имеют высшее образование (32%), средне-специальное (28%), среднее (15%).

Социальное положение жертв самоуправства характеризуется также относительно высоким статусом. Среди таковых минимальное количество неработающих лиц (8%). Чаще жертвами самоуправства становятся предприниматели (42%) и официально трудоустроенные граждане (38%).

Роль приверженности к наркомании или злоупотреблению алкоголем в разрезе виктимологи-

ческого портрета жертвы самоуправства крайне низка. Изученные материалы уголовных дел позволяют сделать вывод, что данные факторы не характеризуют потерпевшего от самоуправства. В этом плане жертвы самоуправства являются благополучными гражданами, не подверженными подобным зависимостям.

Подводя итоги, отметим, что значимым компонентом криминологического описания самоуправства выступает виктимологическая характеристика. Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что признаки и свойства личности человека, пострадавшего от самоуправства, оказывают влияние на факт совершения данного преступления, на механизм развития соответствующего преступного поведения. Изложенное во многом объясняется тем, что самоуправство как преступление является продолжением гражданско-правового конфликта. В таком конфликте, как правило, участвуют не менее двух сторон, одна из которых впоследствии становится жертвой самоуправства. Как известно, конфликт обычно подразумевает наличие спора, в котором очень редко бывает абсолютно правой одна из сторон. Зачастую конфликт возникает в связи с обоюдным неправильным поведением сторон. В любом случае возможно различное развитие конфликта, на что влияют многие факторы, в том числе поведение будущей жертвы самоуправства.

Жертва самоуправства относится к виктимно-ситуативному типу. В соответствии с другими классификациями потерпевший от самоуправства может быть причислен к одной из трех преобладающих групп: активный, пассивный или нейтральный. Роль жертвы самоуправства может варьироваться от минимальной, когда от поведения потерпевшего мало что зависит, до весьма активной, когда именно ее провоцирующее поведение порождает факт последующего совершения преступления. При этом, как правило, лицо становится жертвой самоуправства исключительно в условиях определенной ситуации.

Потерпевшим от самоуправства в большинстве случаев является лицо мужского пола в возрасте 30–60 лет, предприниматель, имеющий высшее образование, не злоупотребляющий алкоголем или наркотиками.

Специфика жертвы самоуправства проявляется также в вариативности вида потерпевшей стороны – она может быть представлена не только физическим, но и юридическим лицом. В последнем случае виктимологический портрет жертвы не позволяет выделить какие-то усредненные характеристики пострадавшей организации.

1. Старостенко О.А. Взаимодействие жертвы и преступника в процессе совершения хищений с использованием IT-технологий // *Российский следователь*. 2022. № 1.
2. Вишневецкий К.В. Место виктимологической теории в криминологии // *Общество и право*. 2010. № 1.
3. Варчук Т.В., Вишневецкий К.В. Виктимология: учеб. пособ. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. С.Я. Лебедева. М., 2008.
4. Полубинский В.И., Ситковский А.Л. Теоретические и практические основы криминальной виктимологии. М., 2006.
5. Лунеев В.В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // *Государство и право*. 2009. № 1.
6. Лавриненко А.А. Особенности жертвы ятрогенных преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних // *Российский юридический журнал*. 2020. № 6.
7. Кочин А.А., Харламов В.С. Современный виктимологический портрет физического лица, пострадавшего от преступления // *Российский следователь*. 2021. № 12.
8. Винокурова М.А. Виктимологический портрет: понятие, содержание, значение в условиях противодействия преступности // *Виктимология*. 2019. № 3(21).
9. Старостенко О.А. Виктимологическая характеристика мошенничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2020. № 5.
10. Ривман Д.В. К вопросу о социально-психологической типологии потерпевших от преступлений // *Виктимологические проблемы борьбы с преступностью*. Иркутск, 1988.
11. Гаптелганьев Р. Криминальная виктимология: понятие, виды и степень виктимности // *Мировой судья*. 2009. № 7.
1. Starostenko O.A. Interaction of a victim and a criminal in the process of committing theft using IT technologies // *Russian investigator*. 2022. No. 1.
2. Vishnevetsky K.V. The place of victimological theory in criminology // *Society and Law*. 2010. No. 1.
3. Varchuk T.V., Vishnevetsky K.V. *Victimology: textbook. for university students studying in the specialty "Jurisprudence" / ed. by S.Y. Lebedev. Moscow, 2008.*
4. Polubinsky V.I., Sitkovsky A.L. *Theoretical and practical foundations of criminal victimology. Moscow, 2006.*
5. Luneev V.V. *Social consequences, victims and the price of crime // The State and law*. 2009. No. 1.
6. Lavrinenko A.A. *Features of the victim of iatrogenic crimes committed against minors // Russian Law Journal*. 2020. No. 6.
7. Kochin A.A., Kharlamov V.S. *Modern victimological portrait of an individual, victim of a crime // Russian investigator*. 2021. No. 12.
8. Vinokurova M.A. *Victimological portrait: concept, content, meaning in the context of countering crime // Victimology*. 2019. No. 3(21).
9. Starostenko O.A. *Victimological characteristics of fraud committed using information and telecommunication technologies // Humanities, socio-economic and social sciences*. 2020. No. 5.
10. Rivman D.V. *On the question of the socio-psychological typology of victims of crimes // Victimological problems of combating crime. Irkutsk, 1988.*
11. Gaptelganiev R. *Criminal victimology: the concept, types and degree of victimization // Justice of the peace*. 2009. No. 7.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Хагур Юрий Аскерович, адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России; e-mail: hagur.ura@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Y.A. Hagur, Adjunct of the Department of Criminal Law and Criminology, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: hagur.ura@mail.ru

Данильян Александр Сергеевич

Принятие процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела: проблемы процедурного характера и пути их решения

В статье затронуты проблемы правового регулирования и правоприменительной практики отказа в возбуждении уголовного дела. Рассмотрены сроки проверки заявления (сообщения) о преступном деянии, предшествующей принятию решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Обращено внимание на отсутствие надлежащей правовой регламентации порядка регистрации и учета сроков проверки отказного материала, отмененного прокурором; на порядок, форму и сроки уведомления заявителя о принятом процессуальном решении.

Ключевые слова: дознаватель, заявление, отказ в возбуждении уголовного дела, следователь, сообщение, сроки, уведомление, уголовное дело.

Making a procedural decision on refusal institution of a criminal case: problems of a procedural nature and ways to solution them

The article touches upon the problems of legal regulation and law enforcement practice of refusal to initiate a criminal case. The time frame for verifying an application (report) about a criminal act prior to making a decision to refuse to initiate a criminal case is considered. Attention is drawn to the lack of proper legal regulation of the procedure for registering and recording the timing of verification of rejected material canceled by the prosecutor; on the procedure, form and timing of notifying the applicant about the adopted procedural decision.

Key words: investigator, statement, refusal to initiate a criminal case, investigator, message, deadlines, notification, criminal case.

Принятию решения об отказе в возбуждении уголовного дела предшествует стадия приема и регистрации сообщения (заявления) о совершенном преступном деянии или его подготовке.

Каждое заявление и сообщение о преступлении подлежит незамедлительной регистрации, что подтверждается талоном-уведомлением, отрывная часть которого с указанием соответствующего регистрационного номера (п. 12 приказа МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 [1]) передается заявителю с целью дальнейшего контроля деятельности по следственной проверке. Корешок талона остается у дежурного. При этом заявитель обязан на нем расписаться, проставить время и дату получения отрывного листка.

Точный перечень и содержание проверочных мероприятий зависит не только от первоначально имеющейся информации о происшествии, но и от юридически значимых сведений, полученных в ходе проведения проверки.

Согласно п. 72 приказа МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 руководитель (начальник

территориального органа МВД России обеспечивает постоянный контроль за данной деятельностью.

Ряд проблем, возникающих в рамках принятия процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела, связан с установленными в УПК РФ сроками проведения проверки. В научной литературе в качестве процессуального срока рассматривается период времени, регламентированный законом для осуществления процессуальных действий и принятия процессуальных решений (их начало и завершение на конкретной стадии уголовного судопроизводства) [2, с. 453].

Указанная проблема обусловлена прежде всего большим количеством принимаемых решений. Каждое заявление и сообщение о преступлении должно быть зарегистрировано и проверено в целях принятия объективного решения, поскольку каждый гражданин имеет право на доступ к правосудию.

Как правило, должностные лица рассматривают заявление в установленный законом трехдневный срок. Законодатель допускает

продление этого срока проверки до 10 суток. В других ситуациях заявление может рассматриваться до 30 суток (ввиду значительного количества проверочных действий, невозможности своевременного получения результатов назначенных исследований, недобросовестности должностных лиц и т.д.). В связи с нехваткой рабочего времени значительно сокращается количество проводимых органом предварительного расследования проверочных действий. Зачастую выносятся постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, поскольку полученной информации оказывается недостаточно для возбуждения дела.

Вопрос о сроках рассмотрения сообщений о противоправных деяниях является дискуссионным. По мнению отдельных авторов, решение должно приниматься незамедлительно, так как длительные сроки позволяют осуществлять активную деятельность по сокрытию преступных деяний [3, с. 53]. При этом термин «незамедлительно» неоднократно используется в УПК РФ, но не раскрывается. Согласно дефиниции, представленной в толковом словаре русского языка, данное понятие означает «без промедления, задержки, тотчас, в данный момент» [4, с. 405].

Продление срока рассмотрения заявления свыше 10 суток расценивается контролирующими и надзорными органами как отсутствие надлежащей организации контроля за проведением доследственных проверок и вынесением по ним процессуальных решений, что находит отражение в представлениях прокуроров по отношению к лицам, допустившим рассмотрение материалов позднее установленных законом сроков.

Неслучайно некоторыми авторами высказана мысль о целесообразности расширения перечня оснований для продления сроков проверки сообщения о преступлении до 30 суток [5, с. 122].

Если рассматривать каждый материал в отдельности, можно предположить, что процессуальное решение по нему могло быть принято в более короткие сроки, однако если учесть, что в производстве сотрудника полиции в это время находилось более 10 подобных материалов, помимо другой основной деятельности, становится понятна причина продления сроков их рассмотрения.

Система оценки эффективности деятельности следователя вынуждает концентрироваться на количественных показателях, а не на необходимости восстановления нарушенных прав граждан. В связи с этим учеными отме-

чается, что необходимо определять эффективность по непосредственному результату, не учитывая при этом оценку методов решения стоящих перед следователями (дознателями) задач [6].

Представляется, что исключить учет статистических показателей из правоприменительной деятельности невозможно, однако стоит кардинальным образом переосмыслить методы оценки эффективности деятельности следственных и иных подразделений.

При этом на практике нередко встречаются факты неоднократных отмен постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел с целью искусственного продления этих сроков [7, с. 314]. Иными словами, следователь (дознатель) выносит постановление об отказе в возбуждении дела, а руководитель следственного органа его отменяет и т.д.

Помимо этого, в ряде ситуаций следователь (дознатель) в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела в качестве аргумента об отсутствии события преступного деяния приводит причины неполноты проведенной проверки.

Следует также обратить внимание на отсутствие правовой регламентации порядка регистрации и учета сроков проверки отказного материала, отмененного прокурором. Дело в том, что после принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела материалы незамедлительно регистрируются в журнале учета. В случаях возвращения материалов для проведения дополнительной проверки они также незамедлительно подлежат регистрации в данном журнале. Как показывает практика, после возвращения отказных материалов для дополнительной проверки они месяцами находятся на руках у исполнителей, поскольку в журналах учета числятся с датами принятых первоначальных решений. Такое положение дел свидетельствует о серьезных организационных просчетах в деятельности органов внутренних дел, отсутствии ведомственного контроля и слабом прокурорском надзоре.

Сегодня стало достаточно распространенной тенденцией уличение сотрудников полиции в умышленных отказах в возбуждении уголовных дел для удержания заданных показателей служебной деятельности. Груз обвинений, иногда обоснованный, до такой степени «придавил» процессуальную независимость органов предварительного расследования, что последние, приспосабливаясь к условиям служебной деятельности, зачастую по надуманным основаниям, заведомо понимая, что

признаки состава преступления отсутствуют, выделяют из уголовных дел материалы в отдельное производство, проводят по ним проверку, а затем отказывают в возбуждении уголовного дела. Например, из уголовного дела по факту квартирной кражи выделяется материал, касающийся повреждения замка входной двери (ст. 167 УК РФ).

Конечно, мы допускаем ситуацию, когда оба преступления могли иметь место или хотя бы усматриваются признаки умысла на повреждение имущества (например, находясь внутри квартиры, виновный разбил зеркало, повредил мягкую мебель (порезал ее ножом), разбил посуду и т.д.). В таких случаях указания на принятие решения в части причинения имущественного вреда представляются объективно обоснованными. В то же время на практике можно наблюдать шаблонный подход, который не вписывается в законодательные рамки.

Еще одной проблемой в процедуре вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела можно считать отсутствие законодательного регулирования формы и реквизитов постановления. По существующей традиции оно состоит из вводной, описательной и резолютивной частей. В первой фиксируются название процессуального документа, сведения о том, когда, где и кем он составлен, должность, звание, соответствующий регистрационный номер материала. В описательной части отражаются фактические обстоятельства преступного события. Они подтверждаются имеющимися материалами проверки. В данной части постановления содержится анализ добытых сведений, на основании которых формулируется вывод о принятии соответствующего процессуального решения. В резолютивной части отражается принятое процессуальное решение.

По правилам ст. 146, 148 УПК РФ заявитель должен быть уведомлен об отказе в возбуждении уголовного дела, ему разъясняется право на обжалование принятого решения. Копия постановления в течение 24 часов с момента его вынесения направляется заявителю и прокурору. В связи с этим необходимо обратить внимание на достаточно «размытое» понятие «направляется», а также на то, что срок уведомления в УПК РФ не определен. Такое положение закреплено в п. 70 Инструкции, утвержденной приказом МВД России от 29 августа 2014 г. № 736. Стоит отметить, что обычно заявитель за ответом обращается лично в орган полиции. По сути, в законе не урегулирован механизм уведомления заявителя.

Отсутствие регламентации вопроса ознакомления заявителя с материалами проверки сообщения о преступлении в случае принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела – еще один пробел УПК РФ [8, с. 239].

В настоящее время практика отказа в возбуждении уголовного дела имеет существенные недостатки. Данный факт подтверждают многочисленные жалобы, поступающие в Конституционный Суд РФ. Так, гр. Суслов О.Б. обратился в отдел полиции «...» с заявлением о возбуждении уголовного дела по ч. 4 ст. 159 УК РФ. По делу неоднократно выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, которые отменялись руководителем следственного органа и прокурором. В результате заявитель обратился в Конституционный Суд РФ с жалобой на нарушение его конституционных прав ч. 1, 6 и 7 ст. 148 УПК РФ. В принятии и рассмотрении жалобы было отказано. Однако из содержания определения следует, что указанные нормы УПК РФ не позволяют отказывать в возбуждении уголовного дела без надлежащей проверки и сбора доказательств. Это касается и повторного отказа после отмены постановления [9].

Указанные трудности свидетельствуют об отсутствии единого законодательного понимания и практики применения нормативных актов, регламентирующих рассматриваемую процессуальную деятельность.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

Уполномоченным должностным лицам органа предварительного расследования целесообразно предоставить право самостоятельно определять сроки проверки, а также возможность продлевать их с учетом конкретных обстоятельств, возникающих в процессе проверки сообщения о преступлении. Контроль за продлением таких сроков необходимо возложить на руководителей следственных подразделений и начальников органов дознания.

Требуется предусмотреть единый порядок уведомления заявителя о принятом решении и внести соответствующие изменения в УПК РФ. В данном контексте уместно использование термина «незамедлительно».

Необходимо конкретизировать порядок и срок вручения заявителю копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Такое вручение должно осуществляться под подпись. Помимо этого, целесообразно отразить право заявителя ознакомиться с материалами проверки.

1. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29 авг. 2014 г. № 736 (ред. от 09.10.2019) // Рос. газ. 2014. 14 нояб.

2. Новосельцев В.В. Процессуальные сроки для проверки сообщений о преступлениях и для первоначальных мероприятий, направленных на раскрытие преступлений // Молодой ученый. 2021. № 18(360). С. 452–455.

3. Зипунников Д.А., Каретников А.С. Сообщения о преступлениях – проблемы теории и практики // Рос. юстиция. 2006. № 12. С. 53–54.

4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М., 2007.

5. Урывкова А.Е. Некоторые проблемы правового регулирования процессуальных сроков в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. № 4(100). С. 120–133.

6. Кнаус О.А. Мотивирование сотрудников органов внутренних дел в системе оценки оперативно-служебной деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1(88).

7. Шуст А.М. Практические вопросы, возникающие на стадии проверки сообщения о преступлении // Молодой ученый. 2023. № 9(456). С. 313–317.

8. Шаров Д.В. Отказ в возбуждении уголовного дела: проблемы правового положения заявителя и пути их решения // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 238–244.

9. По жалобе гражданина Сулова Олега Борисовича на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 12 марта 2019 г. № 578-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 3.

1. On approval of the Instructions on the procedure for receiving, registering and resolving in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation statements and reports of crimes, administrative offenses, incidents: order of the Ministry of the Interior of Russia d.d. Aug. 29, 2014 No. 736 (as amended on 09.10.2019) // Russian newspaper. 2014. Nov. 14.

2. Novoseltsev V.V. Procedural deadlines for checking reports of crimes and for initial measures aimed at solving crimes // Young scientist. 2021. No. 18(360). P. 452–455

3. Zipunnikov D.A., Karetnikov A.S. Reports of crimes – problems of theory and practice // Russian justice. 2006. No. 12. P. 53–54.

4. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. Moscow, 2007.

5. Uryvkova A.E. Some problems of legal regulation of procedural deadlines at the stage of initiating a criminal case // Bulletin of the Volzhsky University named after V.N. Tatishcheva. 2021. No. 4(100). P. 120–133.

6. Knaus O.A. Motivating employees of internal affairs bodies in the system for assessing operational and service activities // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2019. No. 1(88).

7. Shust A.M. Practical issues that arise at the stage of checking a crime report // Young scientist. 2023. No. 9(456). P. 313–317.

8. Sharov D.V. Refusal to initiate a criminal case: problems of the applicant's legal status and ways to solve them // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia. 2015. No. 10. P. 238–244.

9. On the complaint of citizen Oleg Borisovich Suslov about the violation of his constitutional rights by parts one, six and seven of Article 148 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. March 12, 2019 No. 578-O // Bulletin of the Constitutional Court Courts of the Russian Federation. 2019. No. 3.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Данильян Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России; e-mail: danila23@bk.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.S. Danilyan, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Chief of the Department of Criminal Procedure, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: danila23@bk.ru

Афанасьева Анна Александровна

Особенности реализации прав стороны защиты в собирании доказательств по уголовным делам

В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы собирания доказательств стороной защиты на стадии предварительного расследования. Раскрываются особенности способов их собирания, а также привлечения защитником специалиста для дачи заключения по вопросам, входящим в круг его полномочий. Анализируются основные проблемы собирания доказательств стороной защиты, приобщения их к материалам уголовного дела; обозначены подходы к их решению посредством внесения изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: доказательство, сторона защиты, защитник, собирание доказательств, предметы, документы, опрос, истребование, заключение специалиста, допрос специалиста.

Peculiarities of realization of the rights of the defense in the collection of evidence in criminal cases

The article discusses the theoretical and practical issues of collecting evidence by the defense at the stage of preliminary investigation. The features of the methods of collecting evidence are revealed, as well as the involvement of a specialist by the defender to give an opinion on issues within his professional competence. The article analyzes the main problems of collecting evidence by the defense, attaching them to the materials of the criminal case and approaches to solving them by making changes to the current criminal procedure legislation

Keywords: proof, defense party, defender, collection of evidence, objects, documents, interview, request, expert opinion, specialist interrogation.

Согласно уголовному законодательству, адвокат представляет сторону защиты. Наряду с адвокатом по постановлению (определению) суда защитником может выступать один из близких родственников обвиняемого. Основные полномочия защитника закреплены в ст. 53 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1].

Собирание доказательств стороной защиты в досудебной стадии осуществляется адвокатом, являющимся профессиональным защитником [2, с. 110].

Часть 2 ст. 86 УПК РФ регламентирует следующие способы собирания доказательств, реализуемые стороной защиты:

получение предметов, документов и иных сведений;

опрос лиц с их согласия;

истребование справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций.

Стороной защиты для доказывания фактов

невиновности подозреваемого и обвиняемого может быть привлечен специалист с целью разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ст. 53, 58 УПК РФ).

Наделив сторону защиты полномочием по сбору доказательственной базы, законодатель признает защитника субъектом доказывания. В то же время в ч. 1 ст. 74 УПК РФ не упоминается о защитнике как субъекте оценки доказательств. В данном случае законодатель обратил внимание только на сторону обвинения и суд. В современных условиях в правоприменительной практике защитник однозначно не является субъектом доказывания, равным стороне обвинения.

У стороны защиты имеется право собирать доказательства, но уголовно-процессуальным законом не определено, к какому виду доказательств их необходимо причислять.

Важно подчеркнуть, что положения ч. 3 ст. 86 УПК РФ и ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об адвокатуре») расходятся

ся [3]. В УПК РФ применительно к защитникам законодатель использует термин «доказательства», а в ФЗ «Об адвокатуре» – «сведения». Речь идет о праве защитника собирать и представлять предметы и документы, которые могут быть признаны вещественными и иными доказательствами.

Итак, предметы, документы, иные сведения, которые собраны стороной защиты, не следует называть доказательствами, так как защитник не является полноценным субъектом доказывания, ведь собранные им сведения выступают доказательствами в случае их приобщения к уголовному делу уполномоченными субъектами. Отсюда вытекает полностью зависимое положение стороны защиты от действий субъектов расследования, связанных с «легализацией» сведений, собранных защитником [4, с. 273].

Получение предметов, документов и иных сведений является способом собирания доказательств защитником, предусмотренным п. 1 ч. 3 ст. 86 УПК РФ. Предметы, имеющие отношение к делу, могут быть различными, но должны быть добыты законным способом. А.П. Рыжаков под «иными сведениями» предлагает понимать только род информации, полученной защитником из устной речи опрошенного им лица. Другого рода имеющая значение для уголовного дела информация может быть содержанием доказательств, которые в п. 1 ч. 3 ст. 86 УПК РФ названы предметами и документами. Именно поэтому, считает А.П. Рыжаков, законодатель в данном случае упоминает об «иных сведениях», а не просто о «сведениях» [5, с. 54].

Проблема получения предметов, документов и иных сведений состоит в том, что законодатель не раскрывает способ их получения.

В методических рекомендациях по реализации прав адвоката Совет Федеральной палаты адвокатов РФ конкретизировал способ получения защитником предметов, документов и иных сведений, а также их фиксации для последующего ходатайства о приобщении к уголовному делу [6]. В данном нормативном акте детализированы действия адвоката по получению предметов, документов и иных сведений (только с согласия лица и на добровольной основе), а также определены документы, которые он должен составить при реализации рассматриваемого процессуального действия (письменное заявление от владельца предмета, протокол получения предмета). Кроме того, даны рекомендации относительно процесса получения

предметов, документов и иных сведений, а именно, конкретизировано, что передача предмета может осуществляться в присутствии не менее двух граждан, которые должны засвидетельствовать данный факт, а также регламентировано использование фото-, аудио- и видеотехники и участие в передаче специалиста.

Следует обратить внимание на то, что на уровне федерального законодательства не определены названия итоговых документов, которые должен оформить адвокат-защитник по окончании получения предметов, документов и иных сведений в порядке п. 1 ч. 3 ст. 86 УПК РФ.

Считаем необходимым установить требования, предъявляемые к процедуре получения предметов, документов и иных сведений защитником:

1. Действия адвоката при получении предметов, документов и иных сведений не должны нарушать действующее законодательство.

2. Передача предметов, документов и иных сведений должна осуществляться с согласия лиц.

3. Сама процедура передачи предметов, документов и иных сведений должна быть зафиксирована с использованием средств фото-видеофиксации либо в присутствии не менее двух лиц с обязательным составлением итогового документа.

Защитник также может опросить лицо, которое осведомлено об обстоятельствах совершенного преступления, но только с его согласия, с соблюдением письменной формы фиксации полученных сведений, что будет в дальнейшем являться основанием для допроса опрашиваемого лица субъектом расследования и приобщения протокола допроса к материалам уголовного дела.

УПК РФ не регламентирует форму проведения опроса лица. В методических рекомендациях по реализации прав адвоката указано на то, что ход и результаты опроса следует записывать в документе (например, в протоколе опроса лица с его согласия).

В практической деятельности бывают случаи, когда последующий допрос опрошенного адвокатом лица не представляется возможным (например, в связи с его тяжелым состоянием). Исходя из этого следует законодательно определить процессуальную форму опроса лица, а также его содержание с последующим приобщением субъектом доказывания к материалам уголовного дела. Это будет способствовать наиболее полной реализации принципа со-

ствязательности даже в случае отказа в удовлетворении ходатайства адвоката о допросе опрошенного лица, протокол опроса будет находиться в материалах уголовного дела, окончательную оценку данным доказательствам будет давать суд [7, с. 141].

Законодательство, регламентирующее деятельность адвокатов, также развивается, что подтверждает введение в ФЗ «Об адвокатуре» новой статьи 6.1, которая посвящена следующим аспектам деятельности адвоката: направление адвокатского запроса, основания отказа в предоставлении сведений, указание на возможность привлечения к административной ответственности за неправомерный отказ в предоставлении сведений, несвоевременное предоставление либо предоставление заведомо недостоверной информации (ст. 5.39 КоАП РФ) [8]. Данное нововведение, безусловно, увеличит потенциал стороны защиты в доказывании невиновности подзащитного [9, с. 168].

Тем не менее основание отказа в запрашиваемых сведениях, предусмотренное п. 3 ч. 4 ст. 6.1 ФЗ «Об адвокатуре», является наиболее частой причиной непредоставления нужной информации защитнику. Объясняется это тем, что адвокат-защитник, в отличие от субъектов расследования, не наделен правом доступа к охраняемой законом тайне. Не меньше вопросов вызывает срок ответа на запрос (30 дней) с возможностью его продления еще на такой же срок, когда требуется дополнительное время на предоставление запрашиваемой информации. При этом срок предварительного следствия составляет два месяца, дознания – еще меньше, запрашиваемая информация не доходит до стороны защиты в приемлемые сроки.

Привлечение специалиста для дачи заключения является едва ли не единственным способом использования стороной защиты специальных познаний с целью доказывания невиновности обвиняемого лица.

Как отмечают В.А. Семенцов и Г.Г. Скребец, защитник в силу своих профессиональных знаний может выявить только процессуальные ошибки стороны обвинения при производстве того или иного следственного действия, специалист же может выявить ошибки, связанные с обнаружением, изъятием и приобщением к уголовному делу предметов, которые впоследствии приобретают силу вещественных доказательств [10, с. 60]. В то же время главная роль специалиста при привлечении его стороной защиты видится в даче заключения на проведенное стороной обвинения экспертное

исследование, а также на заключение эксперта. В данном случае заключение специалиста будет основанием для подачи ходатайства адвокатом-защитником о проведении повторного экспертного исследования.

Не менее важными являются и устные консультации привлеченного защитником специалиста для ответов на вопросы, касающиеся получения предметов и документов, которые впоследствии могут быть приобщены к делу и обрести силу вещественных доказательств.

Уголовно-процессуальный закон не конкретизирует, по инициативе какой стороны (защиты или обвинения) специалист был привлечен в качестве участника уголовного процесса. Пункт 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ дает право адвокату-защитнику привлечь специалиста, а ч. 2 ст. 58 УПК РФ устанавливает, что вызов специалиста определяется ст. 168 и 270 УПК РФ. Данные статьи раскрывают право и особенности привлечения специалиста стороной обвинения, а также судом, не упоминая в качестве субъектов, наделенных данным правом, адвокатов-защитников. Изложенное выступало в качестве законодательного изъяна, который ставил под сомнение процессуальную возможность привлечения сведущего лица стороной защиты, а также доказательственное значение заключения специалиста. Только в 2017 г. законодатель исправил данную коллизию введением в ст. 58 УПК РФ части 2.1, разъяснив, что стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении специалиста к участию в производстве по уголовному делу.

Приобщение к материалам уголовного дела, проверка и оценка заключения специалиста, использование его в качестве доказательства осуществляются стороной обвинения, судом также через допрос данного участника уголовного судопроизводства. Допрос специалиста и использование его заключения в качестве доказательства в уголовном деле свидетельствуют о стремлении законодателя обеспечить относительный баланс в использовании специальных познаний в уголовном судопроизводстве стороной защиты и обвинения, а также соблюдение процессуальной формы и оформления данного материала. При этом основным элементом признания заключения и показаний специалиста допустимым доказательством является его предупреждение об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний в соответствии со ст. 307 УК РФ [11].

Необходимо также обратить внимание на имеющуюся неопределенность уголовно-про-

цессуального закона относительно того, кто может быть допрошен в качестве специалиста. Пункт 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» конкретизирует положения УПК РФ, определяя, что специалист, участвующий в производстве какого-либо следственного действия, при необходимости может быть допрошен в судебном заседании в качестве свидетеля об обстоятельствах его производства. Показания специалиста, приглашенного сторонами, даются им по правилам, предусмотренным для допроса лица в качестве свидетеля [12].

В процессе судебного разбирательства судья, отвергая одно доказательство, обязан в окончательном решении обозначить основание его отклонения. Основной причиной непризнания заключения специалиста в качестве доказательства является судебное суждение о том, что это позиция специалиста, который к тому же не был предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, в отличие от эксперта. Иными словами, заключение специалиста, представленное стороной защиты, обладает меньшим «доказательственным потенциалом» не только по сравнению с заключением эксперта, но и по сравнению с заключением специалиста, привлеченного стороной обвинения.

Таким образом, практическая реализация права стороны защиты на привлечение специалиста, установленная п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, должна быть обеспечена на законодательном уровне. Разъяснение прав и обязанностей специалиста, предусмотренных ч. 3 и 4 ст. 58 УПК РФ, должно быть осуществлено защитником. Защитник составляет соответствующий акт, в котором содержится разъяснение указанных прав и обязанностей специалиста. Этот акт передается лицу, ведущему производство по уголовному делу.

Кроме того, при предъявлении заключения специалиста должны соблюдаться требования, закрепленные в ст. 204 УПК РФ. Эта статья устанавливает основные принципы, которым должно соответствовать заключение специалиста.

Таким образом, сторона защиты находится в зависимом положении от субъектов расследования. Изложенное касается прежде всего полномочий последних в придании статуса доказательств сведениям, собранным адвокатом-защитником.

Возможны два пути изменения УПК РФ. Первый – укоренение существующего на данный

момент в Российской Федерации смешанного типа уголовного судопроизводства. Второй путь связан с преобразованием уголовного процесса в состязательный тип, аналогом которого является судопроизводство в странах англосаксонской системы права. Для достижения этой цели следует в корне пересмотреть существующие уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие участие стороны защиты в процессе доказывания, законодательное уравнивание полномочий стороны защиты и обвинения по сбору доказательств и приобщение их к уголовному делу. Данный способ предполагает принятие параллельного адвокатского расследования. Ввести такие изменения сейчас невозможно, хотя при разработке нового уголовно-процессуального законодательства со стороны ученых было немало предложений по модификации уголовного процесса в состязательный тип, но законодатель от них отказался, отдав предпочтение существующему смешанному типу.

Тем не менее модификация уголовно-процессуального законодательства важна как никогда, особенно по причине превалирования обвинительного уклона в деятельности не только субъектов расследования, но и суда, что особенно ярко заметно по количеству оправдательных приговоров. Субъектам расследования необходимо не отказывать защитнику в приобщении к уголовному делу собранных им доказательств. Защитник имеет право ознакомиться с всеми материалами дела, включая собранные доказательства, чтобы подготовить эффективную защиту своего подзащитного.

Оценка доказательств, собранных в ходе расследования, является обязанностью суда. Судья является независимым органом, ответственным за рассмотрение дела, и ему предоставляется возможность оценить доказательства и принять соответствующее решение. Независимость суда обеспечивает нейтральность процесса и возможность обеих сторон представить свои аргументы и доказательства.

М.А. Фомин предлагает внести в ст. 74 УПК РФ дополнение следующего содержания: «все предусмотренные в ч. 3 ст. 86 УПК РФ доказательства, собранные адвокатом-защитником, рассматриваются в качестве доказательств по уголовному делу наравне с теми доказательствами, которые собраны органом уголовного преследования» [13, с. 491]. Согласно ч. 3 ст. 6 УПК РФ сведения и предметы, собранные защитником, еще не являются доказательствами, а становятся таковыми только после

их проверки и приобщения к уголовному делу субъектами расследования, а, как было отмечено выше, именно на данном этапе возникают основные проблемы «легализации» доказательственной базы, собранной адвокатом-защитником. Изложенное подтверждает целесообразность внесения изменений в ст. 86 УПК РФ путем добавления в указанную норму пункта 4 следующего содержания: «Сведения, собранные защитником, по его мотивированному письменному ходатайству приобщаются к материалам дела лицом, производящим

предварительное расследование, или судом и подлежат проверке и оценке судом в процессе судебного разбирательства в соответствии с правилами, установленными настоящим Кодексом».

Это наиболее предпочтительные изменения уголовно-процессуального законодательства в условиях уголовного процесса смешанного типа, которые способны в определенной степени уравнивать полномочия стороны защиты и обвинения по сбору доказательственной базы.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). ст. 4921.

2. Засорина Е.А. Защитник как субъект доказывания в российском уголовном процессе // Наука и образование: ходатайство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 6(25). С. 108–112.

3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 23. ст. 2102.

4. Посылаева Н.Г. Проблемы участия адвоката-защитника в доказывании по уголовному // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А.В. Булыжкин и др. Орел, 2015. С. 272–275.

5. Рыжиков А.П. Уголовно-процессуальное доказывание и основные следственные действия. М., 2012.

6. Методические рекомендации по реализации прав адвоката, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Доступ из справ. правовой системы «Гарант»

7. Дяблов А.В., Дяблова Ю.Л. Правовое регулирование и доказательственное значение опроса лиц с их согласия защитником // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3–2. С. 140–145.

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.02.2023) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

9. Слеженков В.В. Новеллизация законодательства об адвокатуре и адвокатской деятельности: проблемные аспекты // Форум.

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on February 17, 2023) // Coll. legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part I). Art. 4921.

2. Zazorina E.A. Defender as a subject of proof in Russian criminal proceedings // Science and education: petition and economics; entrepreneurship; law and management. 2012. No. 6(25). P. 108–112.

3. On advocacy and the legal profession in the Russian Federation: fed. law d.d. May 31, 2002 No. 63-FZ (as amended on 31.07.2020) // Coll. legislation of the Russian Federation. 2002. No. 23. Art. 2102.

4. Posylaeva N.G. Problems of the participation of a lawyer in criminal evidence // Criminal procedural and forensic problems in the fight against crime: coll. of the All-Russian sci. and pract. conf. / ed. by A.V. Bulyzhkin et al. Orel, 2015. P. 272–275.

5. Ryzhakov A.P. Criminal procedural evidence and basic investigative actions. Moscow. 2012.

6. Methodological recommendations for the implementation of the rights of a lawyer provided for in paragraph 2 of Part 1 of Art. 53, Part 3 Art. 86 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and paragraph 3 of Art. 6 Federal Law "On Advocacy and Advocacy in the Russian Federation". Access from the legal reference system "Garant".

7. Dyablov A.V., Dyablova Yu.L. Legal regulation and evidentiary value of interviewing persons with their consent by a defense attorney // News of the Tula State University. Economic and legal sciences. 2014. No. 3–2. P. 140–145.

8. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses d.d. Dec. 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on 28.02.2023) // Coll. legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part 1). Art. 1.

9. Slezhenkov V.V. Novelization of legislation on advocacy and advocacy: problematic aspects //

Серия: Гуманитарные и экономические науки. 2017. № 1(10). С. 164–170.

10. Семенцов В.А., Скребец Г.Г. Участие адвоката-защитника в формировании доказательств на стадии предварительного расследования. М., 2009.

11. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Рос. газ. 1996. 18 июня.

12. О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 дек. 2010 г. № 28 (ред. от 29.06.2021) // Бюл. Верховного Суда РФ. 2011. № 2.

13. Фомин М.А. Сторона защиты в уголовном процессе (досудебное производство): учеб.-практ. пособие. М., 2004.

Forum. Series: Humanities and economics. 2017. No. 1(10). P. 164–170.

10. Sementsov V.A., Skrabets G.G. Participation of a defense lawyer in the formation of evidence at the stage of preliminary investigation. Moscow, 2009.

11. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law d.d. June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on 29.12.2022) // Russian newspaper. 1996. June 18.

12. On forensic examination in criminal cases: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Dec. 21, 2010 No. 28 (as amended on 29.07.2021) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. No. 2.

13. Fomin M.A. The defense in criminal proceedings (pre-trial proceedings): educational and practical guide. Moscow, 2004.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Афанасьева Анна Александровна, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России; e-mail: aphanasyevaaa@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.A. Afanasyeva, Assistant Professor of the Department of Criminal Procedure, Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: aphanasyevaaa@mail.ru

Об уголовном преследовании с точки зрения закона, теории и практики

Действующее уголовно-процессуальное законодательство закрепляет понятие уголовного преследования, его виды, а также полномочия участников уголовного судопроизводства, на которых возложено его осуществление. Вместе с тем положения закона оставляют немало вопросов относительно сущности исследуемого понятия. Автором сформулирована точка зрения на феномен уголовного преследования, основанная на анализе семантики рассматриваемого понятия, теории и практики, современного законодательства, а также норм, выступающих предпосылками его формирования в современном значении.

Ключевые слова: уголовное преследование, «головщина», истина, семантический анализ.

On criminal prosecution from the point of view of the law, theory and practice

Modern criminal procedure legislation enshrines the concept of criminal prosecution, its types, as well as the powers of participants in criminal proceedings entrusted with its implementation. At the same time, the provisions of the law leave many questions about the essence of the concept under study. In this regard, the author attempts to transition to new knowledge about the phenomenon of criminal prosecution, analyzing its semantics, theory and practice, modern legislation, as well as those norms that were prerequisites for its formation in the meaning that is known today.

Keywords: criminal prosecution, golovshchina, the path in the footsteps of a crime, truth, semantic analysis.

Исследование понятия «уголовное преследование» с позиции теоретических воззрений ученых-процессуалистов, положений российского уголовно-процессуального законодательства, а также деятельности компетентных государственных органов и их должностных лиц целесообразно начать с его семантического анализа.

В связи с этим рассматриваемое словосочетание необходимо разделить на компоненты «уголовное» и «преследование». Первый, как правило, относится к преступлениям. Так, уголовник – это уголовный преступник. В настоящее время разговорное слово «головщина» символизирует уголовное преступление, а также все, что непосредственно связано с ним. Откуда появилось такое значение?

Ответы на этот вопрос порождают новые, в том числе касающиеся происхождения слов «уголовный», «уголовник», «головщина». В первую очередь на ум приходит «угол». Не принимая во внимание геометрическое значение данного понятия, а также коннотацию, связанную с обозначением местности, части любого помещения или пристанища, необходимо отметить, что рассматриваемое слово может трактоваться как место пересечения чего-либо, двух предметов или сторон, что позволяет сделать небезосновательный вывод о пересечении таких знаковых для уголовно-правовых

наук понятий, как преступление и наказание, деяние и следствие [1, с. 715].

Помимо этого, термин «уголовный» может быть связан с понятием «голова». А.И. Рарог упоминал, что он происходит от «головы» и связан с убийством, или же от глагола «уголовить» («совершить преступление»). При этом древнерусское понятие «убийство» произносилось как «головщина» [2]. Наиболее ярким примером является самый древний и знаковый законодательный акт Древней Руси – Русская Правда, а именно самое начало ее Краткой редакции – Правда Ярослава Мудрого, в первой статье которой внимание акцентировалось на кровной мести за убийство по принципу «око за око». В случае отказа от мести или невозможности мстить предусматривалась плата в 40 гривен «за голову», т.е. за убитого(ую). Данная статья также нашла отражение в следующей Пространной редакции Русской Правды (ст. 1). Непосредственно об убийстве речь идет в ст. 3–6, где впервые упоминается слово «головник» [3], определение которого соответствует понятию «убийца».

Тенденция использования данных понятий прослеживается и в последующих Псковской и Новгородской судных грамотах, где фигурировал термин «головщина», обозначающий убийство. Например, согласно ст. 97 Псковской судной грамоты обвиненный в совершении

убийства (совершивший головщину) обязывался заплатить один рубль в пользу княжеской казны [4, с. 34]. В Новгородской судной грамоте о головщине упоминалось в ст. 36 [5].

В связи с этим возникает вопрос о том, почему наиболее строгая с точки зрения наказания отрасль права называется «уголовной». Действительно, если вспомнить, например, художественную литературу или фильмы, посвященные средним векам, можно отметить, что в них зачастую встречается словосочетание «головой отвечаешь», т.е. ценой собственной жизни.

Существует мнение, согласно которому топор палача был у головы человека, которому за нарушение закона вынесен смертный приговор, поэтому и право, описывающее преступление и наказание, получило название уголовного [6]. А.Г. Преображенский отмечал, что слово «уголовный» произошло от латинского «capitalis» («касающийся головы», т.е. жизни), а «у» символизирует связь с головой и жизнью [7, с. 38].

На основании изложенного можно сделать промежуточный вывод, что предположение относительно более глубокой связи понятий «уголовный» и «угол», в котором пересекаются преступление и наказание, деяние и следствие, хоть и имеет под собой определенные основания, однако по своей сути все же уступает очевидной общепринятой позиции, согласно которой исследуемый термин символизирует ассимиляцию с головой, жизнью и судьбой человека. В связи с этим и отрасль права, главная задача которой заключается в охране прав и свобод человека и гражданина, получила название уголовной.

Анализ термина «преследование» в свете исследуемых вопросов позволяет интерпретировать его не только как «неотступно следовать, гнаться за кем-нибудь», но и как «стремиться к чему-нибудь». С учетом того, что термин «след», который символизирует остаток чего-либо на какой-либо поверхности [1, с. 505], хотя следы могут быть и цифровыми в современных реалиях, в рамках настоящей работы рассматривается в значении, предусматривающем непосредственно следы преступления, и, по сути, находится внутри исследуемого понятия, термин «преследование» возможно толковать как «идти по следам». Термин «преступление» в данном случае является логичным продолжением указанного толкования понятия «преследование».

Таким образом, семантический анализ рассматриваемых терминов позволил сформулировать краткое синонимичное определение понятия «уголовное преследование» – «идти (путь) по следам преступления».

Вместе с тем, несмотря на закрепление исследуемого понятия в п. 55 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), в теории и практике уголовного судопроизводства существуют различные точки зрения. Итак, согласно УПК РФ уголовное преследование представляет собой процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, и делится на следующие виды: частное, публичное и частно-публичное [8]. При этом автор с учетом ранее проведенных исследований указывает их в той очередности, в которой они появлялись с точки зрения эволюции (в широком смысле) [9] уголовного преследования.

В связи с этим целесообразно отметить позиции известных ученых относительно категории «уголовное преследование», в первую очередь классиков российского уголовного процесса. Их труды, как нам представляется, были пронизаны основными идеями, ценностями и духом русского уголовного судопроизводства и не были чрезмерно взаимосвязаны с действующим на тот момент уголовно-процессуальным законодательством. Указанные точки зрения нашли отражение в сформулированных Н.Д. Сергеевским основных положениях уголовного процесса. Автор считал, что отправление уголовного правосудия – это обязанность государства, от лица которого самостоятельно должно начинаться уголовное преследование в целях отыскания материальной истины [9, с. 113].

С.И. Викторский указывал на то, что «преступление прежде всего затрагивает публичные интересы, что и вызывает необходимость борьбы с ними со стороны государства... Уголовное преследование понимается в смысле полномочия государства требовать расследования уголовного дела судебным порядком и наказания виновного. Оно может быть названо и обвинением и равняться не только возбуждению преследования, но и обличению обвиняемых на суде» [11, с. 232–234].

В то же время В.К. Случевский отмечал, что «ради интересов публичных преследование преступления вчиняется органам власти обвинительной, в чьем бы лице они ни сосредоточивались... Проводимый таким образом в процесс принцип публичности его главенствует в современном уголовном суде и служит источником целого ряда процессуальных положений» [12, с. 58].

Очевидно, что в данном случае публичный характер преобладает над частным, исходя из чего уголовное преследование – это обя-

занность, полномочие государства, однако не это главное. На наш взгляд, центральной позицией является установление уголовным преследованием материальной истины. При этом под уголовным преследованием, как указывал С.И. Викторский, можно понимать и обвинение, а под достижением материальной истины, как нам представляется, и изобличение виновного, которое в действующей редакции уголовно-процессуального закона и есть цель уголовного преследования, что видится автору логичным с точки зрения толкования истины в узком смысле, однако не совсем корректным с практической точки зрения.

В широком смысле установление истины – это получение ответов на вопросы о том, имело ли место событие преступления, каков состав последнего, кто и как его совершил, по какой причине, и многие другие вопросы, которые задаются в ходе всего досудебного производства его участникам, а также которыми задается лицо, осуществляющее уголовное преследование. При этом в ст. 21 УПК РФ, предусматривающей обязанность осуществления уголовного преследования, в ч. 2 указывается на необходимость не только изобличения виновного в совершении преступления лица, но и установления события преступления, что в некоторой мере противоречит определению уголовного преследования, содержащемуся в п. 55 ст. 5 УПК РФ. В связи с этим изобличение виновного, на наш взгляд, – это лишь часть той материальной истины, на достижение которой и должно быть нацелено уголовное преследование, что представляется весьма логичным с точки зрения ранее упомянутой трактовки термина «преследование» как стремления к чему-либо.

В свою очередь, среди ученых-процессуалистов советского периода, внесших наибольший вклад в исследование вопросов уголовного преследования, следует отметить М.С. Строговича, который называл уголовное преследование «движущей силой» уголовного процесса, приравнивал функцию уголовного преследования к обвинению [13, с. 15–18; 14, с. 113], однако лишь в той связи, как полагал В.Н. Шпилев, что данная функция (по М.С. Строговичу) брала свое начало с предъявления обвинения. На основании изложенного Вениамин Николаевич справедливо задавался вопросом о том, какая деятельность осуществлялась до этого момента [15, с. 17].

Ответ на этот вопрос содержится на страницах монографии В.П. Божьева, посвященной уголовно-процессуальным правоотношениям, в которой Вячеслав Петрович указывал на то, что до вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого лицо, осу-

ществляющее производство по уголовному делу, целью своей деятельности полагает установление того, какое преступное деяние совершено и кто его совершил, а ее достижение знаменует вынесение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, в котором и формулируется представление о содержании и характере уголовно-правового отношения. Именно данное отношение В.П. Божьев считал центральным для всего уголовного судопроизводства [16, с. 96]. В этих словах, как нам представляется, кроется смысл уголовного преследования, заключающегося в установлении истины относительно совершенного преступного деяния.

В современной юридической литературе вопросам уголовного преследования также уделяется значительное внимание. Причиной этого Л.В. Головкин называет то, что в легальном определении уголовного преследования не раскрывается его содержание, а именно конкретные процессуальные действия, составляющие основу данной процессуальной функции, полномочия участников уголовного судопроизводства. В связи с этим проблематика уголовного преследования в отечественной процессуальной науке неоднократно становилась поводом для дискуссий и крайне актуальна до сих пор [17, с. 114].

На страницах курса уголовного процесса Л.В. Головкин приводит две точки зрения относительно одной из составляющих содержания уголовного преследования, а именно момента начала уголовного преследования. Согласно первой (М.С. Строгович) оно берет свое начало с момента получения лицом, подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления, соответствующего процессуального статуса. Другая позиция (М.А. Чельцов-Бебутов) заключается в том, что момент начала уголовного преследования равнозначен моменту возбуждения уголовного дела. Помимо этого, Л.В. Головкин упоминает постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П, согласно которому право на защиту зависит не от формального, а от фактического положения лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. При этом автор отмечает, что моментом начала уголовного преследования по сути является начало осуществления любых действий, которые свидетельствуют о том, что к лицу применяются какие-либо принудительные меры или иные меры, направленные на его изобличение [14, с. 115].

На наш взгляд, момент начала уголовного преследования, с учетом отстаиваемой позиции относительного того, что последнее в широ-

ком смысле представляет собой уголовно-процессуальную деятельность уполномоченных на то участников уголовного судопроизводства по установлению истины относительно совершенного преступного деяния, непосредственно связан с моментом начала производства по уголовному делу, а именно поступлением (момент фактический) и регистрацией (момент юридический) сообщения (вынесением мировым судьей постановления о принятии к своему производству заявления частного обвинения) о преступлении.

При этом целесообразно отметить, что научный спор относительно уголовного преследования между М.С. Строговичем и М.А. Чельцовым-Бебутовым упоминается на страницах многих научных изданий. Отдавая дань уважения указанным ученым-процессуалистам, полагаем возможным отметить одну деталь этого спора, который был отражен на страницах работы В.Н. Шпилева, посвященной участникам уголовного процесса. Так, Владимир Николаевич обращает внимание на то, что «М.А. Чельцов в первом издании своего учебника писал, что следователь на предварительном следствии обвиняет, защищает, решает и судит [17, с. 376]. В последующих изданиях учебника эти утверждения автором опускались, а в четвертом, исправленном и переработанном, утверждается, что единственная функция следователя в советском уголовном процессе – функция расследования. Утверждение М.С. Строговича о том, будто следователь в советском уголовном процессе осуществляет три процессуальные функции: уголовное преследование, защиту и решение дела, расходится с законом [18, с. 95]» [15, с. 32].

В данном контексте примечательным представляется утверждение М.А. Чельцова-Бебутова о единственной функции следователя в

виде расследования. Полагаем, что значение последнего является более современным, но по своей сути синонимичным тому, которое в данной статье обосновывает автор для уголовного преследования. В связи с этим может возникнуть вопрос относительно момента начала расследования, поскольку юридически предварительное расследование берет свое начало с момента возбуждения уголовного дела. В наших работах отстаивается точка зрения, согласно которой начало производства по уголовному делу совпадает с моментом регистрации сообщения о преступлении.

Анализ термина «уголовное преследование» и его соотношения с термином «расследование» позволяет подчеркнуть и тот факт, что в УПК РФ понятие последнего не закреплено, как не содержится в нем и понятия предварительного расследования.

Таким образом, всесторонне проанализировав уголовное преследование, полагаем возможным сделать вывод о том, что, в целом представляя собой деятельность по установлению истины относительно совершенного преступного деяния, данное понятие сложилось исторически и справедливо нашло отражение в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. В то же время его трактовка, как представляется, претерпела значительные изменения и сузилась до процессуальной деятельности по изобличению виновного в совершении преступления лица. Причиной таких изменений может быть обозначена и ориентация на процессуальные идеалы и модели зарубежных стран, состоятельность уголовного судопроизводства, однако нельзя забывать и о собственном пути, об истории становления русского уголовного процесса, на которую должно опираться современное уголовно-процессуальное законодательство.

1. Ожегов С.И. *Словарь русского языка: ок. 57000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М., 1986.*

2. Рарог А.И. *Уголовное право // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017) [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/law/text/4215248?ysclid=lectazkapj56471788> (дата обращения: 20.02.2023).*

3. Тихомиров М.Н. *Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.*

4. Василев И.И. *Псковская судная грамота (1397-1467): подлинная и в пер. на совр. язык с примеч. по установлению переводного текста / сост. И.И. Василев и Н.В. Кирпичников. Псков, 1896.*

1. Ozhegov S.I. *Dictionary of the Russian language: approx. 57,000 words / ed. by N.Yu. Shvedova. 18th ed., stereotype. Moscow, 1986.*

2. Rarog A.I. *Criminal law // Great Russian Encyclopedia. Electronic version (2017) [Web resource]. URL: <https://old.bigenc.ru/law/text/4215248?ysclid=lectazkapj56471788> (date of access: 20.02.2023).*

3. Tikhomirov M.N. *A manual for studying Russian Truth. Moscow, 1953.*

4. Vasilev I.I. *Pskov Judgment Charter (1397–1467): original and in translation. in modern language with notes on establishing the translated text / comp. I.I. Vasilev and N.V. Kirpichnikov. Pskov, 1896.*

5. Новгородская и Псковская судные грамоты: тексты с предисл. и кратк. объясн. словарем / сост. А.Б. Гинцбургом. СПб., 1888.
6. Уголовное право [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advokatrt116.ru/ugolovnoe-pravo/?ysclid=ldlp3kdax9418920527> (дата обращения: 20.02.2023).
7. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М.-Л., 1949. Т. III (Т-Я).
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2001. № 5241. Ст. 4924.
9. Крымов В.А. О понятии «эволюция» в научном знании // Цифровая трансформация системы МВД России: сб. ст. по материалам Междунар. форума: в 2 ч. / под ред. И.Г. Чистобородова. М., 2022. Ч. 1. С. 417–421.
10. Сергеевский Н.Д. Избранные труды / отв. ред. и авт. биографического очерка А.И. Чучаев. М., 2008.
11. Викторский С.И. Русский уголовный процесс: учеб. пособие. М., 1997.
12. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Ч. I: Судостроительство / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2008.
13. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951.
14. Головкин Л.В. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головкин. 2-е изд., испр. М., 2017.
15. Шпилев В.Н. Участники уголовного процесса. Минск, 1970.
16. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М., 1975.
17. Чельцов М.А. Уголовный процесс. М., 1948.
18. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. 4-е изд., испр. и перераб. М., 1962.
5. Novgorod and Pskov judgment letters: texts with a preface. and briefly explain dictionary / comp. A.B. Gintsburg. St. Petersburg, 1888.
6. Criminal law [Web resource]. URL: <https://www.advokatrt116.ru/ugolovnoe-pravo/?ysclid=ldlp3kdax9418920527> (date of access: 20.02.2023).
7. Preobrazhensky A.G. Etymological dictionary of the Russian language. M.-L., 1949. T. III (T-Ya).
8. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18. 2001 No. 174-FZ // Coll. legislation of the Russian Federation. 2001. No. 5241. Art. 4924.
9. Krymov V.A. On the concept of “evolution” in scientific knowledge // Digital transformation of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: collection. Art. based on materials from the International Forum: in 2 parts / ed. I.G. Chistoborodova. Moscow, 2022. Part 1, P. 417–421.
10. Sergeevsky N.D. Selected works / rep. ed. and ed. biographical sketch of A.I. Chuchayev. Moscow, 2008.
11. Viktorovsky S.I. Russian criminal procedure: textbook. allowance. Moscow, 1997.
12. Sluchevsky V.K. Textbook of Russian criminal procedure. Introduction. Part I: Judicial system / ed. and with a preface. V.A. Tomsinova. Moscow, 2008.
13. Strogovich M.S. Criminal prosecution in Soviet criminal proceedings. Moscow, 1951.
14. Golovko L.V. Course in criminal procedure / ed. L.V. Golovko. 2nd ed., rev. Moscow, 2017.
15. Shpilev V.N. Participants in criminal proceedings. Minsk, 1970.
16. Bozhiev V.P. Criminal procedural legal relations. Moscow, 1975.
17. Cheltsov M.A. Criminal process. Moscow, 1948.
18. Cheltsov M.A. Soviet criminal trial. 4th ed., rev. and processed Moscow, 1962.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Крымов Виталий Александрович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России;

INFORMATION ABOUT AUTHOR

V.A. Krymov, Leading Researcher at the Research Center, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences

Особенности допроса потерпевшего при расследовании преступлений, связанных с хищением безналичных денежных средств

В статье исследуются порядок и особенности допроса потерпевшего при рассмотрении заявлений и сообщений о преступлениях, связанных с хищением безналичных денежных средств. Подробно излагается алгоритм действий следователя при выяснении сведений у потерпевшего по факту совершенных в отношении него мошеннических действий. Приводится структура информационных блоков, используемых в рамках допроса потерпевшего.

Ключевые слова: IT-преступления, допрос, хищение, платежные системы, мошенничество, банковская карта, информация, криминалистика, криминалистическая тактика.

Features of the interrogation of the victim in the investigation of crimes related to the theft of non-cash funds

The article discusses the procedure and features of the interrogation of the victim when considering applications and reports of crimes related to the theft of non-cash funds. The algorithm of the investigator's actions when clarifying information from the victim on the fact of fraudulent actions committed against him is described in detail. A detailed list of issues to be clarified by the victim is provided.

Keywords: IT crimes, interrogation, theft, payment systems, fraud, bank card, information, criminalistics, forensic tactics.

Развитие средств коммуникации не только существенно влияет на порядок взаимодействия субъектов общества, но и влечет иные экономические, политические и социальные изменения. Активное внедрение в повседневную жизнь современных информационно-телекоммуникационных технологий сказывается и на видоизменении структуры преступности, ее качественном составе. Согласно официальным статистическим данным, представленным ГИАЦ МВД России, в последние годы сложилась устойчивая тенденция роста числа мошеннических действий, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Так, в 2019 г. зарегистрировано 119903 преступления данного вида, в 2020 г. их число существенно увеличилось и достигло 210493 фактов, в 2021 г. прирост составил 38756 преступлений (всего зарегистрировано 249249 преступлений), не изменилась тенденция и по итогам 2022 г. – общее число зарегистрированных преступлений в данной категории составило 257606 [1].

Крайне важным критерием любой статистической отчетности, являющимся одновременно индикатором качественного уровня предва-

рительного расследования, выступает процент раскрываемости преступлений. Данный показатель по анализируемой категории дел за исследуемый период времени не превышает 11,7%: в 2019 г. – 8,17%, в 2020 г. – 6,29%, в 2021 г. – 8,67%, в 2022 г. – 11,7% [1]. Подобное свидетельствует об отсутствии выработанного механизма выявления таких преступлений, установления личности виновного. Как показал анализ судебно-следственной практики, основные затруднения сотрудники следственных подразделений испытывают именно на первоначальном этапе расследования таких преступлений, когда особенно остро ощущается дефицит доказательственной информации, что не позволяет в сжатые сроки обработать типичные следственные версии по делу, обеспечить должную динамичность процесса расследования [2, 3].

На проблемный характер исследуемой категории преступлений обратил внимание и Президент РФ. Выступая в марте 2023 г. на расширенной коллегии МВД России, В.В. Путин отметил, что в настоящее время одним из безусловных приоритетов органов внутренних дел является борьба с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных тех-

нологий. Необходимо внедрять новые методы защиты от дистанционных действий злоумышленников, раскрывать преступные схемы, используемые в информационном пространстве. Для этого важно постоянно информировать граждан о новых разновидностях подобных преступлений и в целом повышать их цифровую грамотность [4].

Одним из направлений повышения эффективности расследования преступлений, связанных с хищением безналичных денежных средств, выступает совершенствование процесса получения и фиксации идеальных следов преступления. Специфика дистанционных хищений предполагает отсутствие традиционных идентификационных материальных следов преступления, по которым возможно установить личность преступника. В то же время механизм совершения преступления нередко предполагает наличие аудиального контакта между жертвой и преступником, выполнение действий жертвой преступления, ее инструктирование преступником на каждом из этапов анализируемого противоправного деяния. Таким образом, в памяти потерпевшего остаются идеальные следы совершенного преступления. Одним из наиболее распространенных, сложных и результативных по объему получаемой вербальной информации следственных действий является допрос. Он имеет свои особенности, которые зависят от объекта посягательства, категории допрашиваемого, доступных для применения тактических приемов, предмета доказывания и ряда других обстоятельств [5, с. 103]. Изложенное обуславливает необходимость выявления особенностей допроса потерпевшего, учет которых позволит зафиксировать исчерпывающую информацию, которая впоследствии будет положена в основу процесса установления личности виновного.

Рассматривая особенности тактики допроса, следует согласиться с мнением Э.Д. Нугаевой, которая утверждает, что использование ситуационного подхода, занимающего в криминалистике ключевое место, позволяет следователю рационально использовать силы и экономить время. После определения типовой следственной ситуации, отличающейся сочетанием характерных черт расследования в его определенный момент, следователю необходимо сформировать алгоритм проведения допроса с упором на частную следственную ситуацию [6, с. 142].

В криминалистике ситуации допроса традиционно подразделяют на следующие группы:

1) конфликтные, когда «субъект преступления обладает информацией, но умышленно искажает и скрывает ее» [7, с. 63];

2) бесконфликтные, когда субъект преступления без искажения и утаивания передает следователю известную ему информацию;

3) слабоконфликтные, когда субъект «обладает искомой информацией, желает ее передать, но в силу субъективных или объективных факторов воспринял, запомнил и, соответственно, передает ее с искажениями» [8, с. 96].

Анализ судебно-следственной практики по дистанционным мошенничествам показал, что лица, совершающие такие преступления, отличаются умением входить в доверие, настойчивостью, действуют напористо, не давая жертве времени на длительные размышления, хладнокровно преследуют корыстные цели, ставя их выше любых проблем своей жертвы, проявляют равнодушие к окружающим. Действуя таким образом, преступники оказывают влияние на поведение и психику своей жертвы, формируют у нее ощущение растерянности, невозможности критически осмыслить происходящее.

Следует отметить, что потерпевшие, в силу своих личностных особенностей, не всегда способны пояснить произошедшее. Находясь в состоянии психологического волнения, они не сразу осознают, что в их отношении совершено преступление. В то же время в ходе допроса органы предварительного расследования не всегда выясняют обстоятельства совершенного преступления в полном объеме, могут упустить важные детали, в связи с чем упущенное время работает на мошенников.

Успешное проведение допроса потерпевшего во многом зависит от тщательной подготовки к нему и правильного выбора тактики его проведения.

На подготовительном этапе допроса потерпевшего по факту дистанционного мошенничества органу предварительного расследования необходимо:

ознакомиться с характеризующими данными допрашиваемого лица, изучив которые, можно предположить, каким образом следует организовать проведение допроса: будет ли следователь задавать вопросы в общей форме или представит возможность потерпевшему рассказать о произошедшем событии самостоятельно; при возникновении сложностей в упорядоченном описании событий в силу низкого образовательного уровня, психического напряжения и других причин следователю стоит предложить допрашиваемому описать события в

хронологическом порядке [6, с. 150], после чего ему следует задать интересующие вопросы;

обозначить круг обстоятельств, которые следует установить;

составить план допроса;

определиться с последовательностью задаваемых вопросов.

При непосредственном проведении допроса потерпевшего органам предварительного расследования нельзя обойтись без постановки уточняющих вопросов, раскрывающих содержательную часть того или иного термина, используемого допрашиваемым. Чтобы разобраться в механизме совершения преступления, следует решить вопрос о целесообразности привлечения к участию в допросе специалистов в сфере компьютерной информации, информационной безопасности, связи, банковской или кредитно-финансовой сфере. С помощью информации, полученной от специалиста, основанной на анализе показаний потерпевшего, следователю в дальнейшем легче выдвинуть версии и совместно с другими службами составить план расследования.

Мы полагаем, что вне зависимости от способа получения информации о преступлении в протоколе допроса должны найти отражение следующие блоки информации:

1. Сведения о личности потерпевшего (данные о профессии, роде занятий, чертах характера, наличии совместно с ним проживающих лиц и т.д.).

2. Сведения о материальном положении потерпевшего (наличие постоянного или нерегулярного дохода, его размере, количестве иждивенцев, размере кредитных обязательств, открытых в банках счетах и т.д.).

3. Средства телекоммуникации, используемые потерпевшим во время коммуникации с мошенником (модель, марка и IMEI номер телефона, личный сотовый номер, информация о том, на кого зарегистрирована используемая сим-карта, какие приложения установлены на телефоне и т.д.).

4. Средства дистанционных расчетов, используемые потерпевшим, и механизм перевода денежных средств мошеннику (имеется ли установленное приложение мобильного банка, как часто осуществляются через него переводы, дата последнего перевода, путем каких манипуляций осуществлен перевод денежных средств мошеннику и т.д.).

5. Порядок использования и хранения потерпевшим аутентификационных данных (в каком виде хранятся аутентификационные данные: в письменном или цифровом, кто имеет к ним доступ, кто знает о месте их хра-

нения, мог ли кто-нибудь из посторонних узнать о них и т.п.).

6. Уровень информационной грамотности потерпевшего (уровень образования и специальность, владеет ли компьютерной грамотностью, какие приложения использует на телефоне и как часто, что знает о возможностях мобильного банка и т.д.).

7. Личность мошенника (кем представился преступник, какие у него были голос и манера речи, запомнил ли потерпевший какие-либо индивидуальные признаки, по которым сможет его опознать и т.д.).

8. Механизм действий мошенника (дата и время поступившего звонка, с какого номера телефона был осуществлен входящий звонок, была ли подключена функция записи телефонных переговоров на сотовом телефоне во время входящего звонка от мошенника, какие сообщения потерпевшему приходили с неизвестных номеров телефонов, каково их содержание, кем представился мошенник, что требовал мошенник от потерпевшего, чем угрожал, были ли повторные звонки и с каких номеров телефонов и т.д.).

9. Информация, переданная мошеннику (какие сведения были сообщены устно, какие данные были переданы по иным каналам связи, какая информация передана, является ли она полной и т.д.).

10. Причина, по которой потерпевший доверился мошеннику (манипулировал анкетными данными, уверял в необходимости принятия сиюминутного решения, представился сотрудником банка или государственного учреждения т.д.).

11. Размер причиненного потерпевшему ущерба (сразу или нет и при каких обстоятельствах был обнаружен факт хищения денежных средств, на какие номера или расчетные счета переведены похищенные средства, кто находился рядом с потерпевшим во время списания денежных средств, какова сумма переведенных денежных средств и т.д.).

Особое внимание во время допроса должно быть уделено вопросам о том, каким именно способом действовал мошенник, как требовал или просил перевести денежные средства, а также каким образом произошла передача денежных средств (если через блиц-перевод, необходимо узнать на чье имя, какой адрес, какие имеются подтверждающие документы; если с нарочным – кто, куда и когда подъехал за деньгами, а также выяснить, может ли потерпевший составить субъективный портрет преступника и опознать его). Если денежные средства отправлены переводом на номер те-

лефона, карты или расчетного счета, что в последнее время происходит чаще всего, следует выяснить дату, время, информацию о том, на какой номер совершался перевод, имеется ли чек проведения платежных операций.

Для того чтобы имелась возможность последующей идентификации мошенника по голосу, надлежит обратить внимание на подробное описание в протоколе допроса голоса мошенника (тихий, громкий, звонкий, хриплый, молодой, пожилой, старый), темпа его речи (быстрый, медленный, размеренный), особенностей его речи и голоса (например, картавит или шепелявит, не выговаривает буквы, говорит скороговоркой), наличия акцента.

Так как мобильный телефон сохраняет следы преступного воздействия, которые при определенных обстоятельствах могут быть утрачены или искажены, то в рамках допроса следует выяснить, каким образом использовалось мобильное устройство после обнаружения факта хищения (не удалялось ли самостоятельно или посредством третьих лиц какое-нибудь программное обеспечение).

Порядок действий следователя при расследовании мошеннических действий во многом будет обусловлен конкретной следственной ситуацией [9]. Вне зависимости от этого тактику допроса потерпевшего следует разрабатывать таким образом, чтобы он находился в доброжелательной обстановке, ощущал искреннее сочувствие и готовность оказания ему помощи в изобличении виновного лица. В общении надлежит проявлять тактичность, не высказывать резких суждений, не осуждать действия потерпевшего, не намекать на его наивность. Любые негативные оценочные суждения в адрес потерпевшего могут отрицательно сказаться на его расположении и повлиять на дачу показаний; обманутый и подвергнутый психологическому воздействию со стороны злоумышленников человек может «закрыться», утаить значимые сведения о совершенном преступлении, которые, как он полагает, в негативном свете отражают его поступки.

На избрание тактических приемов работы с потерпевшим также влияет возраст допрашиваемого лица. Пожилые люди являются более уязвимыми и доверчивыми, в связи с чем чаще становятся жертвами дистанционных мошенничеств. В силу возраста они могут упустить важные вещи, поэтому следователю необходимо проявлять терпимость к данным лицам и не использовать профессиональную лексику, а общаться словами, понятными для окружающих. Кроме того, сложность для потерпевших представляет большой объем знаковой информации, которую необходимо предоставить ор-

гану предварительного расследования, в связи с чем должностным лицам следует перед началом допроса разъяснить положения ст. 189 УПК РФ, а именно то, что допрашиваемый может использовать личные записки, справки из коммерческих и государственных учреждений, выписки по банковским счетам, а также иные документы и записи, в которых содержится значимая для расследования информация.

Рассматриваемый вид преступлений отличается большой вариативностью и неординарностью действий преступников, которые существенно видоизменяются в зависимости от протекающих социально-политических изменений в обществе, а также технического прогресса, что может вносить соответствующие коррективы в разрабатываемую тактику допроса потерпевшего.

В заключение сформулируем следующие выводы:

1. Результативность раскрытия мошеннических действий, совершаемых дистанционно с использованием средств телекоммуникации, во многом зависит от грамотно проведенного допроса потерпевшего, являющегося на первоначальном этапе расследования ключевым источником доказательственной информации.

2. Тактические особенности допроса потерпевшего по данной категории преступлений во многом обусловлены алгоритмом действий следователя, преимущественно касающегося выстраивания линии допроса, логического и полного изложения вопросов, подлежащих выяснению у потерпевшего, а также предполагают учет личностных особенностей допрашиваемого.

3. Объем информации, которая должна быть получена от потерпевшего в ходе допроса, вне зависимости от следственной ситуации, может быть представлен информационными блоками: «личность потерпевшего», «материальное положение потерпевшего», «средства телекоммуникации, используемые потерпевшим», «средства дистанционных расчетов, используемые потерпевшим», «порядок использования и хранения потерпевшим аутентификационных данных», «уровень информационной грамотности потерпевшего», «личность преступника», «механизм действий преступника», «механизм перевода денежных средств», «информация, переданная преступнику», «причина, по которой потерпевший доверился преступнику», «причиненный ущерб».

4. От полноты собранных идеальных следов преступления, полученных в ходе допроса потерпевшего, зависит возможность установления личности преступника, а также организации действий по его розыску и задержанию.

1. Состояние преступности в России: материалы статистических сборников за 2019–2022 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics?ysclid=ljpepjj4u1896037399> (дата обращения: 20.03.2023).

2. Назаров М.В. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в целях возбуждения и расследования уголовных дел о дистанционных кражах и мошенничествах // Вестник уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 35–39.

3. Давыдов В.О., Тишутина И.В. Об актуальных проблемах криминалистического обеспечения раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2(14). С. 81–91.

4. Расширенное заседание коллегии МВД по итогам работы 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70744> (дата обращения: 20.03.2023).

5. Калюжный А.Н. Тактические особенности допроса свидетелей по преступным посягательствам, направленным на свободу личности // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2015. Ч. 1. С. 103–105.

6. Нугаева Э.Д. Особенности расследования мошенничества при оказании оккультных услуг: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2018.

7. Баев О.Я. Конфликтные ситуации на предварительном следствии (основы предупреждения и разрешения). Воронеж: ВГУ, 1984.

8. Тактика допроса потерпевших от преступлений, совершаемых организованными группами лиц / В.И. Комиссаров, О.А. Лакаева. М., 2004.

9. Гилязов Р.Р., Еркеев И.Х. Методика организации раскрытия и расследования преступлений, связанных с телефонным мошенничеством: методические рекомендации. М., 2015.

1. The state of crime in Russia: materials of statistical collections for 2019-2022 [Web resource]. URL: <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics?ysclid=ljpepjj4u1896037399> (date of access: 20.03.2023).

2. Nazarov M.V. Problems of using the results of operational investigative activities in order to initiate and investigate criminal cases of remote theft and fraud // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. No. 1. P. 35–39.

3. Davydov V.O., Tishutina I.V. About actual problems of criminalistic support of disclosure and investigation of frauds committed using information and telecommunication technologies // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2020. No. 2(14). P. 81–91.

4. Expanded meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs on the results of work in 2022 [Web resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70744> (date of access: 20.03.2023).

5. Kalyuzhny A.N. Tactical features of interrogation of witnesses on criminal encroachments aimed at personal freedom // Actual problems of combating crimes and other offenses: mater. XIII International Scientific and Practical Conference. Barnaul, 2015. Part 1. P. 103–105.

6. Nugaeva E.D. Features of fraud investigation in the provision of occult services: Candidate of Sciences in Jurisprudence. Ufa, 2018.

7. Baev O.Ya. Conflict situations at the preliminary investigation (fundamentals of prevention and resolution). Voronezh, 1984.

8. Tactics of interrogation of victims of crimes committed by organized groups of persons / V.I. Komissarov, O.A. Lakaeva. Moscow, 2004.

9. Gilyazov R.R., Erkeev I.H. Methods of organizing the disclosure and investigation of crimes related to telephone fraud: methodological recommendations. Moscow, 2015.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Еремченко Владимир Игоревич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России, e-mail: mail_lom@mail.ru

Гилязов Руслан Рэлифович, старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России; e-mail: ruslan.gilyazov@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

V.I. Eremchenko, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Deputy Chief of the Department of Criminalistics, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: mail_lom@mail.ru

R.R. Gilyazov, Senior Lecturer of the Department of Professional Training, Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: ruslan.gilyazov@mail.ru

Батоев Владимир Батоевич
Юмोजапов Роман Сергеевич

Использование технологий искусственного интеллекта в выявлении видеодипфейков

Рассматривается опыт повышения качества научно-технического обеспечения деятельности экспертно-криминалистических подразделений МВД России по линии производства видеотехнических экспертиз и исследований с использованием искусственного интеллекта в целях выявления видеодипфейков. Статья основана на результатах изучения материалов проведенной научно-исследовательской работы по данной тематике.

Ключевые слова: искусственный интеллект, дипфейк, экспертиза, монтаж, видео, нейронные сети, deepfake, выявление, обнаружение, противоправное деяние.

The use of artificial intelligence technologies in the detection of video fake

The experience of increasing the scientific and technical support of the activities of the forensic units of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the production of video technical examinations and research using artificial intelligence in order to identify video fakes is considered. The article is based on the results of studying the materials of the research work carried out in this direction.

Keywords: artificial intelligence, deepfake, expertise, editing, video, neural networks, deepfake, detection, detection, illegal act.

В условиях глобальной цифровизации современное общество столкнулось с ранее не изученным феноменом поддельных (синтетических) медиа «Deepfake», созданных посредством использования технологий искусственного интеллекта, где основная роль отведена функционалу генеративно-состязательных нейронных сетей.

Под технологией «Deepfake» принято понимать совокупность методов соединения фото- и видеоизображений, аудиоинформации в поддельное целое с применением генеративно-состязательных нейронных сетей.

Общедоступность различных нейросетевых алгоритмов в виде приложений и программного обеспечения с открытым исходным кодом позволяет создавать реалистичные синтетические фото-, видеоизображения и аудиосообщения без применения каких-либо специальных познаний, навыков и умений. В данном случае речь идет о достаточно расширенном перечне программного обеспечения (например, Zao, Reface, FaceSwapLite, DeepFaceLab, FaceApp, Morph, Avatarify, FacePlay, ToonMe, BabyGenerator и т.д.), находящегося в свободном пользовании и позволяющего создавать синтетический медиаконтент.

В настоящее время наиболее распространенными способами изготовления дипфейков являются добавление, репликация и удале-

ние объектов, манипуляция с изображениями лица человека (частичная замена, полная замена, генерация нового лица, реконструкция), синтез и синхронизация движений его губ с заранее определенным аудиотреком и т.д. При этом важно отметить, что подобный перечень манипуляций постоянно пополняется за счет функционала новых компьютерных программ и приложений, разработчики которых преследуют одну из основных целей – максимально упростить процесс изготовления дипфейков.

Общество ежедневно сталкивается с различными видами дипфейков, в которых подлинность содержащейся в них информации установить становится все сложнее. Дипфейки широко используются в киноиндустрии, рекламном бизнесе и т.д. Так, в 1999 г. режиссер Ридли Скотт во время съемок кинофильма «Гладиатор» заменил умершего актера Оливера Рида двойником и компьютерной графикой; в отечественной практике можно отметить появление в 2022 г. воскрешенного с использованием нейронных сетей актера Владислава Галкина в одном из российских сериалов.

Разумеется, дипфейки вызвали огромный интерес криминально настроенных лиц [1, с. 127–128]. Проблема использования дипфейков в противоправных целях не нова и тесно взаимосвязана с эволюцией технологий обработки фото-, аудио- и видеоконтента.

Опасность дипфейков вполне очевидна, как и неизбежность нарастания темпов их изготовления и использования в криминальных целях. Уже сейчас имеются примеры их применения при совершении различных преступлений (мошенничество, вымогательство, изготовление порнографических материалов, экстремизм и т.д.).

Изготовление дипфейковых видео, а также их широкое использование в противоправных целях определило вектор дальнейшего изложения материала.

В настоящее время криминально настроеными лицами используются различные виды монтажа видеоизображений, которые условно можно подразделить по следующим основаниям:

по типу манипуляций (удаление или добавление части видеопоследовательности; поккадровое изменение (редактирование) содержимого видеоизображения; поккадровое изменение характеристик видеоизображения; изменение качества (размытие или повышение резкости) видеоизображения; внедрение 3D-объектов; добавление шумов);

по применяемым технологиям (классические, нейросетевые, комбинированные).

Поскольку искусственный интеллект и нейронные сети позволили сделать процесс создания видеоизображений максимально простым, вполне закономерно предположить, что они могут помочь и в вопросах их выявления.

Примеры из зарубежной и отечественной практики указывают на появление опыта их обнаружения, где основополагающее значение для эффективности используемых методов имеет предварительное знание признаков обработки и редактирования исходных данных [2, 3].

В связи с этим уместно отметить, что вопросы совершенствования научно-технического обеспечения деятельности МВД России, в том числе экспертно-криминалистических подразделений, в условиях цифровизации практически всех сфер общественных отношений, бурного развития информационно-телекоммуникационных технологий приобрели особую остроту в силу осознания потенциала исходящих угроз и негативных последствий для человека, общества и государства в целом.

Изучение опыта Экспертно-криминалистического центра МВД России (далее – ЭКЦ) показало, что модифицированный с помощью нейронных сетей видеоконтент имеет комплекс характерных диагностических признаков [4]. Перечислим часть из них:

выраженные контрастные различия или неестественные границы смежных областей изображения;

несоответствие шумовых шаблонов смежных областей изображения;

наличие похожих участков на изображении; наличие характерных для работы нейронных сетей частот в спектре изображения;

сжатие видеоизображений с применением алгоритма JPEG в два раза и более;

наличие области изображения, сжатого в формате JPEG, мера отклонения матрицы квантования которого отличается от остальной области изображения (покадрово для видеоизображения);

наличие аномалий в видеопоследовательности;

резкие перепады освещенности или контрастности;

различные направления (отсутствие) теней от одного источника освещения;

несоответствие метаданных EXIF предполагаемым условиям съемки;

скачкообразные или неестественные положения, размеры или формы объектов;

наличие в изображении объектов с нарушением линейной перспективы.

В деятельности ЭКЦ МВД России при проведении видеотехнических экспертиз и исследований активно применяются различные способы выявления признаков внутрикадрового монтажа видеоизображений [5]. Данные методы условно можно классифицировать по следующим основаниям:

классические (визуальный анализ; анализ структуры носителя и параметров видеофайла; анализ структуры медиаконтейнера; анализ структуры видеопотока; анализ служебной информации; побитное сравнение кадров; корреляционное сравнение кадров; статистический анализ яркостных и цветоразностных значений пикселей; внутрикадровый анализ с оценкой меры отклонения матрицы квантования; выявление объектов с нарушением линейной перспективы; отслеживание опорных точек лиц и оценка изменений косинусных расстояний между ними; поиск визуальных особенностей глаз, зубов, контуров лиц);

нейросетевые (извлечение набора компактных признаков с применением представлений BOW; извлечение и анализ характеристических признаков с помощью CFFN и CNN; использование матриц различий между соседними кадрами для обнаружения фейков с помощью RNN и LSTM; анализ пространственно-временных особенностей видеопотока с помощью CNN и LSTM; поиск несоответствия разрешений различных областей изображения; применение спектральных данных и классификаторов на основе CNN; классификация с помощью капсульных сетей).

ЭКЦ МВД России является одним из основных функциональных заказчиков научно-тех-

нической продукции. При участии ФКУ НПО «Специальная техника и связь» МВД России в интересах ЭКЦ МВД России авторским коллективом (О.Н. Чередник, С.В. Степанов, А.А. Кукурин) из числа сотрудников Акционерного общества «Научно-промышленная компания «Высокие технологии и стратегические системы» (в составе группы компаний «К-Технологии») проведена научно-исследовательская работа «Исследование возможных способов выявления признаков внутрикадрового монтажа видеоизображений (далее – ВКМ), выполненного с помощью нейронных сетей» (далее – НИР).

В качестве основной цели НИР определено повышение уровня научно-технического обеспечения деятельности экспертно-криминалистических подразделений МВД России по линии производства видеотехнических экспертиз и исследований.

НИР предусматривалось выполнение двух этапов: 1) теоретические исследования и выбор направления исследований, проведение патентных исследований; разработка промежуточного отчета о НИР; 2) экспериментальные исследования; проведение патентных исследований; обобщение и оценка результатов исследований; подготовка заключительного отчета о НИР.

В ходе выполнения теоретических патентных исследований были определены: их объект (способы выявления признаков внутрикадрового монтажа видеоизображений, выполненного с помощью нейронных сетей); цель (проведение анализа стратегии охраны результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД), включающего выявление РИД, направленных на правовую охрану; обоснование целесообразности правовой охраны выявленных РИД; исследование патентной чистоты объектов техники; анализ патентной информации для предоставления результатов в отчет о НИР); источники патентного поиска (отечественные базы данных изобретений, полезных моделей, заявок на изобретения, программ для ЭВМ).

По результатам патентного поиска была отобрана и проанализирована патентная и научно-техническая информация, накопленная с 2002 по 2022 г.; выявлено 56 правоустанавливающих документов; подтверждено наличие запатентованных способов и методов выявления признаков внутрикадрового монтажа; в полученных материалах патентного поиска присутствует информация о признаках внутрикадрового монтажа; наибольший интерес представляет информация по двум патентам «Лаборатории кибербезопасности Сбера» № 2774624 и № 2768797, которые описывают способы и устройства, реализующие обнаружение измененных видеоизображений и изо-

бражений с использованием нейронных сетей. В ходе выполнения НИР результатов интеллектуальной деятельности, подлежащих регистрации, не получено.

Изучение зарубежного опыта использования какого-либо программного софта, который потенциально возможно применять при выявлении дипфейков, выявило существование различных онлайн-сервисов. Помимо этого, необходимо обратить внимание на проведение конкурсов, таких как «Trusted Media Challenge». Анализ отечественных разработок в области выявления признаков ВКМ свидетельствует о наличии патентов «Лаборатории кибербезопасности Сбера», однако при этом программного продукта либо онлайн-сервиса, использующего указанные патенты, на российском рынке не представлено.

В рамках исследований в экспертных группах были определены их цели (установление возможности проведения экспертизы цифровых видеозаписей, созданных с помощью нейронных сетей, содержащихся в видеофайлах распространенных форматов и представленных при отсутствии информации об обстоятельствах их получения, в том числе из интернет-ресурсов) и задачи (определение признакового поля, используемого экспертами, а также уровня обнаружения фейковых видеоизображений экспертами без использования технических средств либо с применением таковых).

Для проведения экспериментальной части исследования были отобраны следующие модели нейронных сетей сверточного типа:

MesoNet (Компактная сеть обнаружения подделки лиц на видео, англ.: «a Compact Facial Video Forgery Detection Network»);

Xception (Глубокое обучение с разделяемыми по глубине свертками, англ.: «Deep Learning with Depthwise Separable Convolutions»);

EfficientNet (Переосмысление масштабирования модели для сверточных нейронных сетей, англ.: «Rethinking Model Scaling for Convolutional Neural Networks»);

ResNet+LSTM (соединения для быстрого доступа).

На первом этапе модели обучаются на больших общедоступных многократно проверенных датасетах (например, Imagenet для классификации изображений), что позволяет им выделять наиболее полные признаковые описания входных объектов, а также получать релевантные «представления об окружающем мире».

На втором этапе предобученные модели дообучаются для решения конкретной задачи.

Экспертные исследования были проведены в следующем порядке: исследование цифровых видеозаписей в два этапа; анализ собран-

ных данных, за исключением анализа метаданных и аудиограмм подготовленных файлов; сравнение результатов исследований первого и второго этапов; подготовка выводов о наличии возможности проведения экспертного исследования цифровых видеозаписей, созданных с помощью нейронных сетей.

В исследованиях приняли участие 70 специалистов фото-, видеотехников экспертно-криминалистических подразделений МВД России (из них 32 специалиста приняли участие в двух этапах). Для решения задач эксперты получили разные наборы данных с целью исключения получения случайных результатов.

В ходе проведения исследований в экспертных группах было использовано 264 датасета, включающих манипуляции двух видов: внесение изменений в изображение путем замены объектов; повышение разрешения некоторых объектов на изображении.

Для каждого эксперта, принявшего участие в исследовании, были проанализированы три показателя: «Precision» (показывает точность определения фейков, долю фейков среди всех видео, помеченных как «фейк»); «Recall» (показывает охват фейков, долю правильно помеченных фейков среди предложенных в датасете); «F1» (мера для сравнения результатов, среднее гармоническое двух предыдущих метрик).

В ходе исследования в экспертных группах получены следующие итоги. Среди 32 экспертов, участвовавших в обоих этапах, 15 показали положительные результаты по определению замены объектов. Средний показатель «Precision» составил 84%, а у лучших экспертов этот показатель в среднем равен 90%, при этом показатель «Recall» в среднем составил 50%, у лучших экспертов – 73%. Мера «F1» по двум этапам составила в среднем 56% и у лучших экспертов – 78%.

В рамках практических исследований был проведен сравнительный анализ результатов экспертных исследований с результатами практического применения нейросетевых классификаторов, на основании которого получены следующие данные. Среднее значение показателя при обнаружении фейков экспертами по двум этапам по показателю «F1» равно 56%, у лучших экспертов – 78%, у классификаторов: Xception – 72%, EfficientNet – 81%, MesoNet – 66%, ResNet + LSTM – 63%.)

Необходимо обратить внимание на критерии пригодности видеоизображений, ограничивающие использование установленных способов анализа: размер видеоизображения высокого и среднего качества – от 640x360 (360p); размер видеоизображения низкого качества – от 854x480 (480p).

Применение критериев пригодности видеоизображений позволило получить прямую зависимость: при высоком качестве изображений отмечается высокий процент определения фейков как экспертами, так и нейронными классификаторами. Например, среднее значение показателя F1 при применении одного из классификаторов в рамках исследования видеоизображения с качеством 1920x1080 (1080p) составило 65%, в то время как при исследовании видеоизображения с качеством 426x240 (240 p) – 34%.

Проведенные экспертные исследования позволили прийти к следующим выводам.

Существует возможность проведения экспертного исследования цифровых видеозаписей, созданных с помощью нейронных сетей, содержащихся в видеофайлах распространенных форматов и представленных при отсутствии информации об обстоятельствах их получения, в том числе из интернет-ресурсов.

В настоящее время очень мало экспертов, способных максимально точно определить наличие признаков внутрикадрового монтажа, выполненного с использованием нейронных сетей. К уровню их подготовки предъявляются повышенные требования.

Существующего инструментария экспертных исследований для стабильного определения наличия признаков ВКМ с использованием нейронных сетей недостаточно.

Обобщая изложенное, отметим, что процесс выполнения НИР, как и предполагалось, завершился разработкой проекта технического задания (далее – ТЗ) на выполнение опытно-конструкторской работы (далее – ОКР).

Важно обратить внимание на то, что эффективность использования нейросетей при выявлении дипфейков обусловлено исходными реальными данными, формирование которых выступает актуальной задачей для экспертно-криминалистических подразделений.

В качестве выводов, сформулированных в результате проведения НИР, необходимо отметить следующее.

В рамках теоретических исследований сформирован перечень диагностических признаков внутрикадрового монтажа видеоизображений, которые могут являться ключевыми в проектировании и разработке программных средств, предназначенных для обнаружения фейков; определены потенциальные способы выявления признаков внутрикадрового монтажа видеоизображений.

В ходе патентных исследований подтверждено наличие запатентованных способов и методов выявления признаков внутрикадрового монтажа.

Экспериментальные исследования позволили установить следующее: существующие классификаторы на основе глубоких нейросетей в целом способны обнаруживать признаки монтажа видеоизображений, в том числе выполненного с помощью нейронных сетей, с точностью, превышающей среднюю точность экспертов; при использовании классификатора на основе глубоких нейросетей отсутствует возможность указания конкретного признака в качестве причины вынесения решения классификатором; использование программного комплекса классификаторов на основе глубоких нейросетей является необходимым в процессе производства видеотехнических экспертиз.

Разработан прототип, который подтвердил возможность выявления ВКМ, выполненного с помощью нейронных сетей. Результаты работы прототипа выше общего уровня обнаружения видеомонтажа контрольной группой экспертов. При этом средний уровень обнаружений видеомонтажа лучшими экспертами не уступает прототипу. Определены критерии пригодности видеоизображения для эффективной работы прототипа.

Прототип является инструментом, который может помочь эксперту обнаружить признаки ВКМ. Прототип выявляет признаки работы существующих инструментов ВКМ. С учетом постоянного развития этих инструментов будет требоваться постоянное «дообучение» прототипа. При этом важно обратить внимание на необходимость дальнейшего устранения проблемных вопросов его применения: прототип фиксирует любое воздействие нейронных сетей на видеоизображение. Таким образом, при использовании нейронных сетей для повышения качества видеоизображения прототип будет информировать эксперта о наличии нейросетевых признаков, поэтому последнее слово всегда остается за специалистом.

Рассуждая о выявлении дипфейков посредством применения нейросетей, важно иметь в виду, что, как показывает анализ зарубежной юридической литературы, лица, причастные к организованным формам преступной деятельности, осведомлены о формах и методах деятельности правоохранительных органов в данном направлении. Указанная категория лиц активно применяет методы передискретизации, удаления следов датчиков используемого технического устройства, подмены паттернов устройства, введения цифрового шума и т.д.

Изложенные в настоящей статье материалы НИР и имеющийся опыт ЭКЦ МВД России по криминалистическому исследованию видеокон-

тента, модифицированного с использованием нейронных сетей, в целом позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Данные об отечественном и зарубежном опыте проведения исследований в области выявления признаков ВКМ, в том числе выполненного с помощью нейронных сетей, а также исследования в ходе НИР подтверждают реализуемость алгоритмов выявления дипфейков с помощью классификаторов на основе глубоких нейросетей с точностью, превышающей средние показатели экспертов.

2. Проведенные практические исследования показывают, что существующие классификаторы на основе глубоких нейросетей в целом способны обнаруживать признаки монтажа видеоизображений, в том числе выполненного с помощью нейросетей.

3. Современный подход к решению задачи выявления признаков ВКМ состоит в глубоком обучении классификатора на различных общедоступных датасетах и дообучении его на новых собственных данных.

4. Использование программного комплекса глубоко обученных классификаторов является необходимостью в процессе производства видеотехнических экспертиз. Это позволит экспертам значительно сократить время проведения экспертиз и сосредоточить усилия на кадрах с наибольшей вероятностью наличия признаков ВКМ и конкретных областях на них для последующего углубленного исследования видеоизображений с помощью специализированного программного обеспечения.

В качестве уточнения к ранее обозначенному выводу отметим, что на основании изложенных теоретических основ для выполнения ОКР по разработке программного комплекса с целью выявления признаков ВКМ с использованием нейросетей подготовлен проект ТЗ на проведение ОКР в 2024–2025 гг. Программный комплекс, разработанный в процессе выполнения ОКР, позволит сократить время анализа видеоизображений, увеличить производительность эксперта в части проведения анализа видеоизображений на наличие ВКМ, повысить уровень научно-технического обеспечения деятельности экспертно-криминалистических подразделений МВД России по линии производства видеотехнических экспертиз и исследований.

Прототип, созданный в ходе проведения НИР, уже вызвал научный и практический интерес у иных правоохранительных органов и неоднократно применялся для определения наличия признаков ВКМ при решении ими оперативно-служебных задач.

1. Владимиров В.Ю., Ермолова Е.И., Данилов И.А. Внутрикадровый монтаж фото- и видеоизображений с применением искусственного интеллекта как способ фальсификации доказательств // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Ю.В. Гаврилина, Ю.В. Шпагиной. М., 2021. С. 127–136.

2. Дронова О.Б. Перспектива создания современных технических средств выявления дипфейков // Судебная экспертиза: российский и международный опыт: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 2022. С. 189–194.

3. Лёвин А.И. и др. Современное состояние и перспективы разработок в области выявления признаков монтажа видеозаписей // Двойные технологии. 2022. № 3(100). С. 79–82.

4. Проценко Д.Е., Жидков Д.Н. Диагностические признаки внутрикадрового монтажа видеоизображений, выполненного с помощью нейронных сетей // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее: материалы Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2021. С. 277–281.

5. Югай Л.Ю. Комплексный подход к использованию специальных познаний в борьбе с дипфейками // Роль права в обеспечении благополучия человека: материалы XXII Междунар. науч.-практ. конф.: в 5 ч. М., 2022. С. 539–543.

1. Vladimirov V.Yu., Ermolova E.I., Danilov I.A. Intra-frame editing of photo and video images using artificial intelligence as a way of falsifying evidence // The development of the doctrine of countering the investigation of crimes and measures to overcome it in the conditions of digital transformation: proc. of the Intern. sci. and practical conf. / ed. by Yu.V. Gavrilin, Yu.V. Shpagina. Moscow, 2021. P. 127–136.

2. Dronova O.B. The prospect of creating modern technical means of detecting deepfakes // Forensic examination: Russian and international experience: proc. of the Intern. sci. and practical conf. Volgograd, 2022. P. 189–194.

3. Levin A.I. et al. The current state and prospects of developments in the field of detecting signs of video editing // Dual technologies. 2022. No. 3(100). P. 79–82.

4. Protsenko D.E., Zhidkov D.N. Diagnostic signs of intra-frame editing of video images made with the help of neural networks // Forensic examination: past, present and a look into the future: proc. of the Intern. sci. and practical conf.. St. Petersburg, 2021. 3. 277–281.

5. Yugai L.Yu. An integrated approach to the use of special knowledge in the fight against deepfakes // The role of law in ensuring human well-being: proc. of the Intern. sci. and practical conf.: in 5 vols. Moscow, 2022. P. 539–543.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Батоев Владимир Батоевич, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник ФКУ НПО «Специальная техника и связь» МВД России; e-mail: vbatoev@mail.ru;

Юмозхапов Роман Сергеевич, заместитель начальника отдела фото-, видеотехнических и портретных экспертиз и исследований управления инженерно-технических экспертиз, Экспертно-криминалистический центр МВД России; e-mail: yromas@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

V.B. Batoev, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Senior Researcher, Scientific and Production Association "Special Equipment and Communications" of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: vbatoev@mail.ru;

R.S. Yumozhapov, Deputy Head of the Department of Photo, Video, and Portrait Examinations and Research of the Department of Engineering and Technical Examinations, Forensic Center of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: yromas@mail.ru

Очаковский Виктор Александрович
Усенко Анатолий Сергеевич

Криминалистическая характеристика злоупотреблений в сфере государственных закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд

В статье обращается внимание на то, что в сложившейся экономической и политической обстановке ужесточения санкционных режимов следует уделять особое внимание развитию внутренних секторов экономики. Доказывается, что одной из актуальных проблем является негативная динамика совершения преступлений в сфере государственных закупок. Авторами анализируются криминалистическая характеристика и элементы злоупотреблений в сфере государственных закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.

Ключевые слова: государственные закупки, криминалистическая характеристика, государственный бюджет, подконтрольная организация

Criminalistic characteristics of abuse in the field of public procurement of goods, works, services for state or municipal needs

In view of the current economic and political situation, the tightening of sanctions regimes, special attention should be paid to the development of domestic sectors of the economy. One of the actual and not fully settled problems is the negative dynamics of crimes in the field of public procurement. Within the framework of this article, the authors studied the criminalistic characteristics and elements of abuse in the field of public procurement of goods, works, services for state or municipal needs.

Keywords: public procurement, forensic characteristics, state budget, controlled organization

Обеспечение государственных и муниципальных нужд в 2022–2023 гг. осуществляется в условиях постоянно усиливающегося санкционного давления со стороны недружественных стран, что, в свою очередь, служит катализатором как общего объема, так и стоимости закупаемых товаров, выполняемых работ либо оказываемых услуг для государственных и муниципальных нужд.

Несмотря на большое количество работ, посвященных уголовно-правовой и криминалистической характеристике злоупотреблений в сфере государственных закупок (см. например, исследования А.А. Абрамкина (2022 г.) [1], Е.Н. Земсковой (2018 г.) [2], Ш.М. Шурупяева (2021 г.), [3], А.Ю. Сердюк (2020 г.) [4], А.М. Хлус [5] и др.), учеными поверхностно рассматривались или не освещались вовсе вопросы, связанные со способами совершения анализируемого преступления, совокупности совершения злоупотреблений в сфере государственных закупок с иными должностными или экономическими преступлениями

(например, незаконного участия в предпринимательской деятельности), организации их расследования и т.д. Большинство существующих методик расследования злоупотреблений в сфере государственных закупок содержат избыточную и несущественную информацию (в то же время не рассматриваются в должной мере сложные, многоэпизодные коррупционные преступления).

На необходимость совершенствования методики расследования злоупотреблений в сфере государственных закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд указывают как высокий уровень латентности данного преступления, так и несущественное количество приговоров. Следует отметить, что ст. 200.4 УК РФ была введена Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Примечательно, что с момента дополнения УК РФ данной нормой (с

2018 г.) был осужден только 1 человек в 2021 г. [6]. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что в 2018 г., 2019 г., 2020 г., 2022 г. и первом полугодии 2023 г. приговоров по рассматриваемой статье не выносилось [7].

Предполагаем, что подобная статистика объясняется неверной квалификацией деяний должностных лиц (обусловленной преимущественно двоякостью толкования личной заинтересованности), явным сокрытием способа совершения преступления, что, в свою очередь, влечет отнесение злоупотреблений прежде всего к административным проступкам (ч. 7, 7.3, 20, 20.1 ст. 19.5, ч. 1, 2, 2.1 ст. 7.29; ч. 1–4 ст. 7.29.3, ст. 7.30, ч. 1, 2 ст. 7.31, ст. 7.31.1, ст. 7.32, ч. 1, 2 ст. 7.32.5, ст. 7.32.6 КоАП РФ). Так, согласно сводным аналитическим отчетам по результатам осуществления мониторинга закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – ФЗ «О контрактной системе»), в 2020 г. было возбуждено 27 тыс. дел об административных правонарушениях за несоблюдение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок; в 2019 г. – 28,7 тыс. дел, в 2018 г. – 30377 (за 2021–2022 г. сводные отчеты на официальном сайте Министерства Финансов Российской Федерации не представлены) [9].

Изложенное подтверждает необходимость дальнейшего совершенствования методики расследования злоупотреблений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.

С целью более глубокого понимания криминалистической характеристики злоупотреблений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд следует дать краткую правовую характеристику государственному (муниципальному) контракту.

По своей правовой природе государственный контракт является элементом финансово-экономической основы местного самоуправления, исследованию которого уделено достаточно внимания в науке муниципального права [10, 11].

Так, согласно ст. 526 ГК РФ по государственному или муниципальному контракту на поставку товаров для государственных или муниципальных нужд поставщик (исполнитель) обязуется передать товары государственному или муниципальному заказчику или по его ука-

занию иному лицу, а государственный или муниципальный заказчик обязуется обеспечить оплату поставленных услуг. Кроме того, в § 5. гл. 37, п. 2 ст. 525, ст. 778, п. 1 ст. 1298, ст. 1737, ст. 1432, ст. 1464 и ст. 1471 ГК РФ регламентированы особенности заключения и исполнения государственного и муниципального контракта.

В соответствии с п. 8 ст. 1 ФЗ «О контрактной системе» под государственным (муниципальным) контрактом понимается гражданско-правовой договор, предметом которого является поставка товара, выполнение работ, оказание услуг (в том числе приобретение недвижимого имущества или аренда имущества), заключенный от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации (государственный контракт), муниципального образования (муниципальный контракт) государственным или муниципальным заказчиком для обеспечения соответственно государственных и муниципальных нужд.

Положения ФЗ «О контрактной системе», в отличие от § 4 гл. 30 раздела IV ГК РФ, имеют приоритетное значение. Так, исходя из п. 1. ст. 307.1 ГК РФ к договорным обязательствам применяются общие положения об обязательствах, если иное не предусматривается правилами об отдельных видах договоров, которые содержатся в ГК РФ (в нашем случае положения, закрепленные в § 4 гл. 30 раздела IV ГК РФ) и иных законах (ФЗ «О контрактной системе»); при отсутствии специальных правил применению подлежат общие положения о договоре.

Таким образом, и положения ФЗ «О контрактной системе», и гражданское законодательство закрепили в качестве отличительной черты государственного (муниципального) контракта особую цель использования товара.

Перейдем непосредственно к исследованию криминалистической характеристики злоупотреблений в сфере государственных закупок. Следует отметить, что в основе построения частных методик расследования преступлений находятся сведения об их криминалистической характеристике. Представляет интерес позиция исследователей, относящих к обязательным элементам криминалистической характеристики преступления предмет преступного посягательства, способы совершения преступления, следы и иные фактические данные, а также характеристику преступника и его связь с потерпевшим [12, с. 57; 9, с. 47].

С учетом приведенной точки зрения, мнений других ученых-криминалистов, а также теоре-

тических и прикладных аспектов расследований по делам о злоупотреблениях в сфере государственных закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд целесообразно рассмотреть иные элементы в составе криминалистической характеристики, в их числе: 1) субъект преступления; 2) предмет преступления; 3) обобщенные данные об обстановке совершения преступления; 4) механизм и способы совершения преступления; 5) механизм образования следов.

1. Субъект преступления. Незначительное количество уголовных дел, материалов проверок, дел оперативного учета и отсутствие единообразия в расследовании обуславливают необходимость в построении прогностической модели расследования преступлений, предусмотренных ст. 200.4 УК РФ, и установлении всех корреляционных связей, количественные показатели которых еще не устоялись, а также зависимостей между элементами исследуемого преступления, которые бы носили закономерный характер.

На основе результатов анализа приговора Интингского городского суда Республики Коми от 25 февраля 2021 г. по делу № 1-1/2021, материалов схожих по составу со злоупотреблением в сфере государственных закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд преступлений (ст. 200.5 [13], 200.6 [14], 201 [15], 201.1 [16, 17] и 289 [18] УК РФ), а также материалов административных дел (постановления УФАС по Кировской области от 31 января 2022 г. по делу № 043/04/7.30-26/2022 [19]; постановления УФАС по Республике Мордовия от 30 марта 2020 г. по делу № 013/04/7.30-234/2020 [20]; постановления УФАС по Пензенской области от 27 марта 2020 г. по делу № 058/04/7.30-100/2020 [21], постановления УФАС Якутской области от 27 марта 2020 г. по делу № 058/04/7.30-100/2020 [22]; постановления УФАС по Московской области от 7 ноября 2022 г. по делу № 050/04/7.30-1783/2022 [23]) сформируем прогностическую типовую модель предполагаемого субъекта преступления.

Анализ материалов судебной и административной практики позволяет сделать вывод, что субъектом преступления преимущественно будет выступать работник контрактной службы. При этом руководитель или заместитель руководителя контрактной службы может вовсе не быть привлечен к уголовной ответственности, несмотря на возможную причастность к данному деянию, а также совершение, наравне со злоупотреблением в сфере закупок товаров,

работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, других преступлений. Так, по указанию руководителя контрактной службы его подчиненный может заключить государственный (муниципальный) контракт с подконтрольной руководителю контрактной службы организацией (например, приговор Интингского городского суда Республики Коми от 25 февраля 2021 г. по делу № 1-1/2021. Приведенный пример иллюстрирует очевидность участия в управлении коммерческой организацией через доверенное лицо (должностное лицо организовало руководство по месту нахождения коммерческой организации, т.е. фактически управляло ей через доверенное лицо) и предоставления данной организации преимуществ (обеспечение победы на аукционе). Несмотря на наличие множественности преступлений и осуществление виновным лицом, наравне со злоупотреблением в сфере государственных закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, незаконного участия в предпринимательской деятельности, не было возбуждено уголовное дело по признакам ст. 289 УК РФ. В приведенном примере представлены все признаки незаконного участия в предпринимательской деятельности. В то же время в процессе анализа материалов судебной практики установлено, что не отрабатываются следственные версии о возможном совершении, наравне с преступлением, предусмотренным ст. 200.4 УК РФ, иных противоправных деяний.

Субъектом преступления будет выступать конкретная личность, обладающая статусом работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок, лица, осуществляющего приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, либо иного уполномоченного лица, представляющего интересы заказчика в сфере государственных закупок, не являющаяся должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что анализируемое преступление совершается преимущественно мужчинами в возрасте от 30 до 55 лет, ранее не привлекаемыми к уголовной ответственности, положительно характеризующимися с места работы (учебы), имеющими высшее или среднее специальное образование (в большинстве случаев окончившими юридический, экономический факультет или факультет государственного и муниципального управления).

Преступники, как правило, имеют опыт участия в предпринимательской деятельности (выступали до поступления на государственную/муниципальную службу в роли участника, учредителя, исполнительного органа коммерческой организации).

2. Предмет преступного посягательства. К предмету преступного посягательства относятся безналичные денежные средства, предоставляемые из бюджетной системы Российской Федерации и иных источников. Преимущественным предметом преступного посягательства выступают денежные средства, предоставляемые из муниципальных бюджетов (48%). Показатели федерального бюджета составляют 33%, регионального – 19%.

Приведенные показатели получены на основании изучения выявленных преступлений и могут не в полной мере соответствовать действительности ввиду латентного характера рассматриваемого преступления. Так, в связи со сложившейся экономической и политической обстановкой со стороны государства выделяется большое количество денежных средств на обеспечение различных секторов экономики (например, по сравнению с 2022 г. в 2023 г. планируется увеличение финансирования гособоронзаказа в 1,5 раза [24]). Таким образом, очевидна необходимость усиления криминалистических мер профилактики совершения рассматриваемого преступления.

3. Обобщенные данные об обстановке, месте и времени совершения преступления. Место подготовки к совершению преступления может выступать рабочее место и место проживания преступника, место нахождения подконтрольной организации (например, приговор Металлургического районного суда г. Челябинска по уголовному делу № 1-217/2019).

Немаловажным элементом обстановки совершения должностных преступлений выступает «должностная среда» – внутренняя система жизни органа или учреждения публичной власти, в котором лицо исполняет свои служебные обязанности, включающая нормативные правовые отношения, субординацию, дисциплину, психологический и нравственно-этический климат, специфические особенности отношений между членами коллектива, систему и уровень совершаемых правонарушений, а также реакцию на них со стороны коллектива и руководства» [25, с. 71–72]. Так, согласно приговору Интинского городского суда Республики Коми от 25 февраля 2021 г. по делу № 1-1/2021 вовлеченным в совершение злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обе-

спечения государственных или муниципальных нужд был подчиненный виновного лица, реализующий преступный умысел последнего.

Наличие у преступника властных полномочий и соответствующая должностная среда благоприятствуют совершению злоупотребления в сфере государственных закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.

4. Механизм и способы совершения преступления. Знание механизма способствует определению направления поиска преступников, следов преступления, тактики проведения отдельных следственных действий, формы использования специальных знаний и т.п. [26].

Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд выражаются в сложно организованной системе действий преступника.

Подготовка к совершению преступления заключается в составлении фиктивной документации (иногда в подготовительные действия входит учреждение либо поиск уже созданной коммерческой/некоммерческой организации, а также организаций-конкурентов, разработка проекта коммерческого предложения) и ее подаче в конкурсную комиссию.

Совершение преступления – действия преступника по обеспечению конкурентных преимуществ (в том числе недопущение иных участников, создание условий, не позволяющих принимать участие в государственных закупках посредством установления фактически невыполнимых критериев) и победы в аукционе (конкурсе), подготовка соглашения о предоставлении субсидий из бюджета соответствующего уровня и т.д.

Соккрытие преступления может выражаться как в подлоге документов, так и в уничтожении имеющейся документации, флеш-накопителей, информации с облачных серверов и удалении данных с персональных компьютеров, мобильных (планшетных) устройств, переписки в электронной почте, мессенджерах и т.д.

На практике организации, в которых лицо, совершившее анализируемое противоправное деяние, ранее состояло в роли учредителя/участника или исполнительного органа, могут быть вовлечены в осуществление государственных закупок [27]. В таком случае для них создаются наиболее выгодные условия для победы на конкурсе (аукционе) и, напротив, формируются преграды для победы иных участников торгов. При этом с целью искусственного создания видимой конкуренции в участии в го-

сударственных закупках могут быть привлечены несколько подконтрольных организаций (в том числе фирмы-однодневки) (например, приговор Центрального районного суда г. Оренбурга от 12 февраля 2020 г. по делу № 1-416/2019 [28]) Примечательно, что подобные действия следует квалифицировать как незаконное участие в предпринимательской деятельности, однако результаты проведенного исследования свидетельствуют об отказе от квалификации действий подозреваемого должного лица как предоставляющего льготы, преимущества или оказывающего покровительство в иной форме подконтрольной организации. Подобная ситуация может объясняться, во-первых, идеальным составом преступления, во-вторых, недостаточным уровнем знаний следователя о механизме незаконного участия в предпринимательской деятельности.

6. Типичные следы и иные фактические данные. Способы совершения рассматриваемого преступления определяют механизм образования следов. Их обнаружение осуществляется при проверке различных документов: подтверждающих статус и компетенцию преступника, сопровождающих процедуру участия в государственных закупках (например, договор оказания услуг по доставке между муниципальным образованием и коммерческой организацией, соглашение на предоставление субсидий из бюджета соответствующего уровня, государственный (муниципальный) контракт, техническое задание, акты о выполнении работ (оказании услуг) и т.д.).

При проведении обысков и выемок бухгалтерской и технической документации, содержащей криминалистически значимую информацию по уголовному делу, для участия в соответствующем процессуальном действии необходимо привлечь специалиста с целью оказания следователю содействия в изучении обнаруженных документов для определения их относимости к расследованию экономических преступлений и целесообразности их изъятия.

1. *Уголовно-правовые меры противодействия злоупотреблениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022.*

2. *Расследование преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.*

Таким образом, криминалистическая характеристика злоупотреблений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд – это совокупность обобщенных криминалистически значимых сведений об элементах материальной структуры, иных признаках и свойствах данного преступления, позволяющих выдвинуть версии о событии совершенного деяния, субъекте преступления и его иных структурных элементах. Знание элементов криминалистической характеристики злоупотреблений в сфере государственных закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд и установление корреляционных связей между ними способствуют своевременному выявлению и расследованию рассматриваемых преступлений.

С целью недопущения совершения злоупотреблений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд следует повышать уровень правовой грамотности следователя в области государственных закупок, а также активно использовать такую форму специальных знаний, как консультативная и справочная деятельность специалиста.

Кроме того, очевидна потребность в разработке специальных учебных программ и баз данных, позволяющих следователю своевременно ознакомиться с необходимой нормативной и технической информацией (так, автором – А.С. создана база данных, содержащая информацию о должностных лицах, нормативных правовых и локальных актах, регламентирующих их компетенцию и законодательный запрет на осуществление должностными лицами предпринимательской деятельности [29], которая была внедрена в практическую деятельность Следственного управления Следственного комитета РФ по Краснодарскому краю). Подобные базы целесообразно сформировать и в отношении злоупотреблений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.

1. *Criminal-legal measures to counteract abuses in the field of procurement of goods, works, services for state or municipal needs: auth. abstr. ... Candidate of Sciences in Jurisprudence. Krasnodar, 2022.*

2. *Investigation of crimes in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs: diss. ... Candidate of Sciences in Jurisprudence. Moscow, 2018.*

3. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений коррупционной направленности в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

4. Сердюк А.Ю. Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. признаки объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ // Эпомен. 2020. № 41. С. 387–399.

5. Хлус А.М. Криминалистическая классификация и ее значение для формирования общей методики расследования коррупционных преступлений // Эпомен. 2022. № 74. С. 110–123.

6. Приговор Интинского городского суда Республики Коми от 25 февр. 2021 г. № 1-1/2021. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Данные о назначенном наказании по статьям УК РФ // Статистика агентства правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 01.07.2023).

8. Сводный аналитический отчет по результатам осуществления мониторинга закупок, товаров, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» по итогам 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2021/05/main/44-FZ.pdf> (дата обращения: 01.07.2023).

9. Сводный аналитический отчет по результатам осуществления мониторинга закупок, товаров, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» по итогам 2018 года [Электронный ресурс]. URL: <https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2019/05/main/44-FZ.pdf> (дата обращения: 01.07.2023).

10. Павлов Н.В., Очаковский В.А. К вопросу формирования финансово-экономической основы института местного самоуправления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 3. С. 121–124.

11. Лейба И.П., Павлов Н.В., Очаковский В.А. Бюджет муниципального образования как ключ-

3. Criminal-legal and criminological characteristics of corruption-related crimes in the field of procurement for state and municipal needs: diss. ... Candidate of Sciences in Jurisprudence. Moscow, 2021.

4. Serdyuk A.Yu. Abuses in the field of procurement of goods, works, services for state or municipal needs. signs of the objective side of the crime under Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation // Epomen. 2020. No. 41. P. 387–399.

5. Khlus A.M. Criminalistic classification and its significance for the formation of a general methodology for investigating corruption crimes // Epomen. 2022. No. 74. P. 110–123.

6. Sentence of the Inting City Court of the Komi d. d. Feb. 25, 2021 No. 1-1/2021. Access from the legal reference system "ConsultantPlus".

7. Data on the punishment imposed under the articles of the Criminal Code of the Russian Federation // Statistics of the Agency of Legal Informatio [Web resource]. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (date of access: 01.07.2023).

8. Summary analytical report on the results of monitoring purchases, goods, services for state and municipal needs in accordance with Federal Law No. 44-FZ d.d. 05.04.2013 "On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs" by the end of 2020 [Web resource]. URL: <https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2021/05/main/44-FZ.pdf> (date of acces: 01.07.2023).

9. Summary analytical report on the results of monitoring purchases, goods, services for state and municipal needs in accordance with Federal Law No. 44-FZ d.d. 05.04.2013 "On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs" according to the results of 2018 [Web resource]. URL: <https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2019/05/main/44-FZ.pdf> (date of access: 01.07.2023).

10. Pavlov N.V., Ochakovsky V.A. On the formation of the financial and economic basis of the Institute of Local Self-government // Humanities, socio-economic and social sciences. 2019. No. 3. P. 121–124.

11. Leiba I.P., Pavlov N.V., Ochakovsky V.A. Municipal education budget as a key element of the economic foundations of local self-government (municipal-legal aspect) // Humanities, socio-economic and social sciences. 2019. No. 7. P. 94–97.

12. Zelensky V.D., Kuemzhieva S.A. General provisions of criminalistic methodology. Krasnodar, 2015.

13. Appellate ruling of the Ulyanovsk Regional Court d.d. Sept. 22, 2021. No. 22-1704/2017. Access

чевой элемент экономических основ местного самоуправления (муниципально-правовой аспект) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 7. С. 94–97.

12. Зеленский В.Д., Куемжиева С.А. Общие положения криминалистической методики. Краснодар, 2015.

13. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 22 сентября 2021 г. по делу № 22-1704/2017 Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Апелляционное определение Московского городского суда от 13 дек. 2019 г. и приговор Солнцецкого районного суда г. Москвы от 13 сент. 2019 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Приговор октябрьского районного суда г. Краснодара от 12 марта 2010 г. № 12/2010. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Приговор Батайского городского суда Ростовской области от 20 апр. 2023 г. № 1-19/2013. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Приговор Металлургического районного суда г. Челябинска от 2 февр. 2019 г. № 1-217/2019. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Приговор Октябрьского районного суда г. Красноярска от 3 февр. 2017 г. № 1-61/2017. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

19. Постановления Управления ФАС по Кировской области от 31 янв. 2022 г. № 043/04/7.30-26/2022. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

20. Постановления УФАС по Республике Мордовия от 30 марта 2020 г. № 013/04/7.30-234/2020. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

21. Постановления УФАС по Пензенской области от 27 марта 2020 г. № 058/04/7.30-100/2020. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

22. Постановления УФАС Якутской области от 27 марта 2020 г. № 058/04/7.30-100/2020. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

23. Постановления УФАС по Московской области от 7 нояб. 2022 г. № 050/04/7.30-1783/2022. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

24. Шойгу: в 2023 году финансирование гособоронзаказа увеличится в 1,5 раза // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/11/30/shojgu-v-2023-godu->

[from the reference legal system "ConsultantPlus".](https://rg.ru/2022/11/30/shojgu-v-2023-godu-)

14. The appeal ruling of the Moscow City Court d.d. 13 Dec. 2019 and the appeal ruling of the Solntsevsky District Court of Moscow d.d. Sept. 13, 2019. Access from the reference legal system "ConsultantPlus".

15. Sentence of the Oktyabrsky District Court of Krasnodar d.d. March 12, 2010. No. 12/2010 Access from the reference legal system "ConsultantPlus".

16. Sentence of the Bataisk City Court of the Rostov d.d. Apr 20, 2023 in case No. 1-19/2013. Access from the reference legal system "ConsultantPlus".

17. Sentence of the Metallurgical District Court of Chelyabinsk d.d. Feb. 2, 2019 No. 1-217/2019 Access from the reference legal system "ConsultantPlus".

18. Sentence of the Oktyabrsky District Court of Krasnoyarsk d.d. Feb. 3, 2017 No. 1-61/2017. Access from the reference legal system "ConsultantPlus".

19. Resolution of the FAS Department for the Kirov d.d. Jan. 31, 2022 No. 043/04/7.30-26/2022. Access from the reference legal system "ConsultantPlus".

20. Sentence of the Federal Antimonopoly Service for the Republic of Mordovia d.d. Mar 30, 2020 No. 013/04/7.30-234/2020. Access from the reference legal system "ConsultantPlus".

21. Sentence of the Federal Antimonopoly Service for the Penza in case d.d. Mar 27, 2020. No. 058/04/7.30-100/2020. Access from the reference legal system "ConsultantPlus".

22. Resolutions of the Federal Antimonopoly Service of the Yakut Region d.d. March 27, 2020 No. 058/04/7.30-100/2020. Access from the reference legal system "ConsultantPlus".

23. Sentence of the Federal Antimonopoly Service for the Moscow d.d. Nov. 7, 2022 No. 050/04/7.30-1783/2022. Access from the reference legal system "ConsultantPlus".

24. Shoigu: in 2023, the financing of the state defense order will increase by 1.5 times // Rossiyskaya Gazeta [Web resource]. URL: <https://rg.ru/2022/11/30/shojgu-v-2023-godu-finansirovanie-gosoboronzakaza-uvlichitsia-v-15-raza.html> (date of access: 01.07.2023).

25. Khalikov A.N. Elements of criminalistic characteristics of official crimes // South Ural forensic reading: call. of reports of the All-Russian sci. and pract. conf. 2016. P. 69–74.

26. Dashin A.V., Malin P.M., Piven A.V. Offset of the time of detention, house arrest and prohibition of certain actions during the term of punishment in the aspect of progressive systems of execution

finansirovanie-gosoboronzakaza-velichitsia-v-15-raza.html (дата обращения: 01.05.2023).

25. Халиков А.Н. Элементы криминалистической характеристики должностных преступлений // Южно-уральские криминалистические чтения: сб. докладов Всерос. науч.-практ. конф. 2016. С. 69–74.

26. Дашин А.В., Малин П.М., Пивень А.В. Зачет времени содержания под стражей, домашнего ареста и запрета определенных действий в срок наказания в аспекте прогрессивных систем исполнения и отбывания уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 1(32). С. 45–50.

27. Обзор статистических данных по уголовным делам, рассмотренным судами Российской Федерации в 2019 году. М., 2020.

28. Приговор Центрального районного суда г. Оренбурга от 12 февр. 2020 г. № 1-416/2019 Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

29. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022622465 Российская Федерация. Незаконное участие в предпринимательской деятельности: реестр должностей, локальных и трудовых актов, актов, устанавливающих запрет на осуществление предпринимательской деятельности и компетенцию должностных лиц; № 2022622402: заявл. 09.10.2022 : опубли. 11.10.2022 / А.С. Усенко.

and serving of criminal penalties and measures of a criminal legal nature // Bulletin of the Samara Law Institute. 2019. No 1(32). P. 45–50.

27. Review of statistical data on criminal cases considered by the courts of the Russian Federation in 2019. Moscow, 2020.

28. Sentence of the Central District Court of Orenburg d.d. Feb 12, 2020. No. 1-416/2019/ Access from the reference legal system "ConsultantPlus".

28. Certificate of state registration of the database No. 2022622465 Russian Federation. Illegal participation in entrepreneurial activity: register of positions, local and labor acts, acts establishing a ban on entrepreneurial activity and the competence of officials: No. 2022622402: application Oct 9, 2022: publ. Oct 11, 2022 / A.S. Usenko.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Очаковский Виктор Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина; e-mail: viktor.ochakovsky@list.ru;

Усенко Анатолий Сергеевич, преподаватель кафедры криминалистики Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина; e-mail: ceo@epomen.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

V.A. Ochakovskii, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Administrative and Financial Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; e-mail: viktor.ochakovsky@list.ru;

A.S. Usenko, Lecturer of the Department of Criminalistics, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; e-mail: ceo@epomen.ru

Бондарева Анастасия Анатольевна

Криминалистические особенности субъектов преступлений, направленных на побуждение несовершеннолетнего к совершению самоубийства

В статье рассматриваются особенности личности субъектов, совершающих действия, направленные на побуждение несовершеннолетнего к совершению самоубийства, учет которых необходим в целях повышения эффективности раскрытия и расследования данной категории преступлений. На основе анализа типичных личностных характеристик данных субъектов, а также избираемого ими механизма действий при совершении исследуемых преступлений предлагается выделение отдельных категорий, каждая из которых имеет отличительные особенности.

Ключевые слова: личность преступника, криминалистика, категории субъектов преступления, склонение к совершению самоубийства, несовершеннолетний, побуждение к совершению самоубийства, криминальный суицид, криминалистическая характеристика.

Criminalistic features of subjects committing crimes aimed at forcing a minor to commit suicide

The article examines the personality features of the subjects who commit actions aimed at forcing a minor to commit suicide, accounting for which is necessary in order to increase the effectiveness of disclosure and investigation of this category of crimes. Based on the analysis of the typical personal characteristics of such subjects, as well as the mechanism of action chosen by them when committing crimes under study, it is proposed to identify separate categories, each of which has distinctive features.

Keywords: criminal identity, criminalistics, categories of subjects of crime, inducement to commit suicide, minor, inducement to commit suicide, criminal suicide, criminalistic characteristics.

Результаты раскрытия и расследования противоправных деяний отдельных видов за последние пять лет демонстрируют устойчивое сохранение уровня преступлений, квалифицируемых по ст. 110, 110.1 и 110.2 УК РФ. В 2017 г. зарегистрировано 333 подобных преступления, в 2018 г. – 383, в 2019 г. – 313, в 2020 г. – 388, в 2021 г. – 417, в 2022 г. – 327 [1]. Проведенный анализ результатов рассмотрения сообщений о фактах побуждения несовершеннолетних к совершению суицида, совершения ими действий суицидального характера, а также расследования уголовных дел, возбужденных по факту побуждения несовершеннолетнего к совершению самоубийства, позволяет констатировать, что в трех из четырех случаев жертвами преступных посягательств, квалифицируемых по ст. 110, 110.1 и 110.2 УК РФ, становятся несовершеннолетние. Показатель раскрываемости таких преступлений крайне низкий и не превышает 8% [1], что обусловлено двумя основными факторами:

недостаточной разработанностью криминалистической характеристики преступлений, направленных на побуждение несовершеннолетних к совершению самоубийства;

отсутствием эффективного научно обоснованного алгоритма действий сотрудников при поступлении сообщения о насильственной смерти несовершеннолетнего в условиях, позволяющих предполагать факт совершения самоубийства.

Одним из шагов на пути преодоления обозначенных проблем выступает криминалистическая разработка вопросов, связанных с определением личностных особенностей субъектов преступлений, направленных на побуждение несовершеннолетних к совершению самоубийства.

Сведения о личности преступника всегда являлись одним из центральных элементов криминалистической характеристики преступления. В первую очередь это обусловлено ценностью таких сведений для целей планирования расследования, выдвижения следствен-

ных версий на первоначальном этапе расследования любого преступления.

Личность преступника находится в неразрывной связи с избираемым им способом реализации преступных намерений. Подобная взаимосвязь наглядно продемонстрирована в одном из исследований, проведенном Л.В. Телешовой и А.А. Протасевичем на примере совершения серийных убийств [2]. Так, в зависимости от темперамента, имеющихся умений и навыков, ценностных ориентаций и некоторых иных личностных характеристик преступник выбирает наиболее приемлемый для него способ достижения противоправного результата. Некоторые свойства субъекта преступления (например, наличие психических расстройств, возраст, пол и некоторые другие) находят отражение в следах совершенного противоправного деяния. Изложенное позволяет установить определенную корреляционную связь между личностью преступника и способом совершения преступления, механизмом слеодообразования. Учет такой связи будет иметь вспомогательное значение в условиях информационного дефицита, когда следователю приходится действовать без фактически имеющейся доказательственной информации относительно личности субъекта, причастного к совершению преступления.

Так, И.Ф. Герасимов обратил внимание на то, что знание об особенностях субъекта преступления, необходимое в процессе его выявления, раскрытия и расследования, представляет собой совокупность сведений о субъекте преступления, формируемых с позиции криминалистики, криминологии и психологии [3, с. 5]. Полагаем возможным согласиться с данным утверждением. Оно предусматривает необходимость при разработке криминалистической характеристики преступления и ее отдельных элементов, в особенности личности преступника, использования комплекса инструментов, относимых к различным научным областям. Только такой подход позволит сформировать исчерпывающее знание о личности преступника, выделить ее особенности, которые будут иметь непосредственное криминалистическое значение.

В то же время, как отмечает Р.Л. Ахмедшин, при формировании криминалистической характеристики личности преступника следует исключать сведения, которые не несут никакой ценности для расследования, так как излишняя информация приведет лишь к снижению криминалистической ценности данных о личности преступника [4, с. 101]. К значимым сведениям автор предлагает относить те, которые могут быть использованы для поиска лица, совершившего противоправное деяние, а также обеспечения последующей эффек-

тивности следственных действий, производимых с участием подозреваемого (обвиняемого) [4, с. 104].

Структура личности преступника предполагает выделение трех групп признаков (свойств), присущих индивиду:

физиологические – включающие свойства организма, которые обусловлены его происхождением, биологической природой;

социально-демографические – отражающие возрастные, половые, семейные, образовательные и некоторые другие особенности;

психологические – раскрывающие жизненные и поведенческие установки, моральные ценности, черты характера, мотивационную направленность и ряд других поведенческих характеристик.

Анализ физиологических, социально-демографических и психологических признаков и определение особенностей личности являются основой создания криминалистического профиля, категоризации преступников с определением возможных поведенческих паттернов.

Рассмотрение отдельных признаков личности преступника вне их взаимосвязи со способом реализации преступных намерений представляется в должной мере эффективным, так как существенно снижает криминалистическую ценность такой информации, делает невозможным ее практическое использование на первоначальном этапе расследования при выдвижении следственных версий и планировании деятельности следователя. Анализ существующей практики расследования фактов побуждения несовершеннолетних к совершению самоубийства, а также результатов проведенного опроса сотрудников следственных подразделений и органов дознания позволил выделить категории таких преступников с присущим для каждой из них комплексом признаков.

1. Законные представители несовершеннолетнего, а также иные проживающие совместно с ним лица.

К данной категории следует отнести таких субъектов, как отец и мать несовершеннолетнего, его бабушки и дедушки, отчим, мачеха, братья и сестры, а также иные лица из числа родственников.

Субъекты, относимые к данной категории, характеризуются склонностью к совершению преступных действий, направленных на доведение до самоубийства. Их действия зачастую носят импульсивный, внезапный характер, но при этом реализуются на протяжении длительного времени, приобретая системность, многократную повторяемость. Субъектом преступления в числе данной категории лиц могут выступать как мужчины, так и женщины.

Совершение преступлений данной категорией субъектов весьма часто связывается со злоупотреблением в течение длительного времени алкоголем и наркотическими средствами [5, с. 92]. Такой образ жизни нередко приводит к комплексному изменению личности человека, которое внешне выражается в снижении уровня самоконтроля, повышении агрессивности, частом проявлении жестокости, склонности к демонстрации ревности, раздражительности в общении с близкими, замкнутости, мнительности и мстительности.

В качестве доминирующих мотивов совершения преступления выступают личная неприязнь и корысть.

2. Лица, осуществляющие образовательную, педагогическую или тренерскую (спортивную) деятельность в отношении несовершеннолетнего.

Специфика выделения данной категории субъектов связана с ведением ими профессиональной деятельности, природа которой предполагает воспитание и развитие несовершеннолетних, оказание им педагогической помощи на пути совершенствования, формирования нравственно значимых личностных качеств. Вместе с тем не все лица, вовлеченные в образовательную, педагогическую или тренерскую деятельность, соответствуют высокому критерию педагогического работника.

Для данной категории лиц характерны следующие отличительные свойства и признаки: низкая стрессоустойчивость, склонность к агрессии и садизму, а также демонстрации личной неприязни, недостаточный уровень социального интеллекта, вовлеченности в решение проблем своих воспитанников и безразличное отношение к их судьбе, искаженное понимание принципов воспитания и неумение использовать педагогические приемы воспитания несовершеннолетних, наличие неразрешенных проблем, влияющих на профессиональную деятельность.

В качестве доминирующих мотивов совершения преступления выступают личная неприязнь и желание манипулировать другими.

3. Лица из числа друзей, одноклассников или иных знакомых, с которыми несовершеннолетний по собственному желанию или в силу своего распорядка дня проводит время.

Взаимосвязь данной категории лиц с несовершеннолетним, ставшим жертвой преступления, предполагает наличие общения между ними, вызванного либо желанием несовершеннолетнего, либо обстоятельствами, не зависящими от его воли (посещение одной секции, нахождение в классе на уроке в школе, дворовой коллектив на спортивной площадке придомовой территории и т.д.).

Так как посягательства в подобных случаях зачастую носят характер буллинга и кибер-

буллинга, то и для субъектов, склонных к ним, свойственны определенные признаки. В качестве примера можно привести стремление выделиться, поднять свой социальный статус за счет подавления воли жертвы преступления, оказания на нее психического и физического воздействия, унижения. Нередко они уже занимают авторитетные позиции в социальной группе, наделены лидерскими качествами, постоянно стремятся оставаться в центре внимания. При этом им свойственны ценностно-ориентационные дефекты воспитания, выраженные в получении удовлетворения от ощущения власти над другими, причинения им вреда, стремлении решить любой вопрос силой.

Как показывают профильные исследования, в половине случаев агрессивного поведения в школах их инициаторами выступают жертвы семейного террора [6, с. 240–274].

В качестве доминирующих мотивов совершения преступления выступают стремление самоутвердиться и поднять свой престиж, личная неприязнь, хулиганство, желание манипулировать другими, любопытство и ложное понимание товарищества.

4. Лица, чья связь с несовершеннолетним ограничивается дистанционным общением с использованием возможностей современных информационно-телекоммуникационных систем.

С.В. Золотарева предлагает относить их к манипулятивному типу преступников [7, с. 46], что полностью соответствует их образу, формируемому личностными особенностями и преследуемыми мотивами. Преимущественно это лица в возрасте от 16 до 30 лет, ранее не судимые, предпочитающие антисоциальный, нелюдимый образ жизни, не разделяющие семейных ценностей, не состоящие в браке. В основном они имеют средний и средний специальный уровень образования, при этом отличаются высоким уровнем интеллекта, развитым аналитическим мышлением, в то же время склонны к переоценке своих способностей. Как правило, не имеют постоянного места работы, проживают совместно с родственниками.

Такие лица увлекаются изучением манипулятивных психотехник, психологических и практических вопросов совершения суицида, позволяющих воздействовать на психику других людей, побуждая их к заранее определенным действиям по совершению самоубийства; владеют навыками создания сайтов, ведения социальных групп в сети Интернет; являются активными пользователями современных средств телекоммуникации. Для них свойственны обидчивость, ранимость, раздражительность, мстительность, проявление эгоизма, наличие невротических расстройств, асоциальные взгляды. У лиц данной катего-

рии весьма развиты волевые качества и чувство собственного достоинства, что побуждает к стремлению доказать себе и окружающим значимость занятой социальной позиции. Наблюдается выраженное желание продемонстрировать свое превосходство над другими людьми, в том числе путем побуждения их к выполнению заданий, совершению суицидальных действий.

В качестве доминирующих мотивов совершения преступления выступают стремление прославиться или самоутвердиться, любопытство, корысть, хулиганские побуждения, желание манипулировать другими, вовлечь мак-

симальное количество несовершеннолетних в действия деструктивного характера и избавиться от «биомусора».

Как показало проведенное исследование, к преступлениям, направленным на побуждение несовершеннолетних к совершению самоубийства, причастны лица с абсолютно разным набором личностных особенностей. Их разделение по степени взаимосвязи «преступник – жертва преступления» позволило выделить четыре категории субъектов, каждая из которых характеризуется определенным закономерно повторяющимся набором признаков, учет которых представляет несомненное криминалистическое значение.

1. Статистические данные ГИАЦ МВД России: формы статистической отчетности 491 «1-ЕГС», 493 «3-ЕГС» и 445 «5-ЕГС» с 2017 по 2022 г.

2. Телешова Л.В., Протасевич А.А. Взаимосвязь и взаимозависимость свойств личности с механизмом и способом совершения преступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. № 2(8). С. 257–267.

3. Герасимов И.Ф. Криминалистические характеристики преступлений в структуре частных методик // Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений. Свердловск, 1987.

4. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника. Томск, 2005.

5. Битшева А.В., Кузнецова А.Н. Особенности личности преступника в преступлении, связанном с доведением несовершеннолетних до самоубийства // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 5. № 2(10). С. 90–95.

6. Лэнд Д.А. Школьная травля (буллинг) // Детская и подростковая психотерапия. СПб., 2001.

7. Золотарева С.В. Особенности личности преступника, совершившего доведение до самоубийства // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2021. № 3(84). С. 45–47.

1. Statistical data of the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia: statistical reporting forms 491 "1-EGS", 493 "3-EGS" and 445 "5-EGS" from 2017 to 2022.

2. Teleshova L.V., Protasevich A.A. Interrelation and interdependence of personality traits with the mechanism and method of committing crimes // Siberian criminal procedural and criminalistic readings. 2015. No. 2(8). P. 257–267.

3. Gerasimov I.F. Criminalistic characteristics of crimes in the structure of private methods // Criminalistic characteristics in the methodology of crime investigation. Sverdlovsk, 1987.

4. Akhmetshin R.L. Criminalistic characteristics of the criminal's personality. Tomsk, 2005.

5. Biisheva A.V., Kuznetsova A.N. Features of the criminal's personality in a crime related to bringing minors to suicide // Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. Vol. 5. No. 2(10). P. 90–95.

6. Land D.A. School bullying (bullying) // Child and adolescent psychotherapy. St. Petersburg, 2001.

7. Zolotareva S.V. Personality features of a criminal who committed suicide // Eurasian Union of Scientists (EUU). 2021. No. 3(84). P. 45–47.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бондарева Анастасия Анатольевна, адъюнкт кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России; e-mail: ribalo4ka@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.A. Bondareva, Adjunct of the Department of Forensic Science; Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: ribalo4ka@yandex.ru

Железняк Николай Семенович
Рыдченко Кирилл Дмитриевич

Об особенностях административно-правового регулирования запрета на оборот недостоверной общественно значимой информации

Статья содержит сравнительно-правовое исследование информационного и административно-законодательства, обеспечивающего возможность применения мер административной ответственности за распространение в средствах массовых коммуникаций недостоверной общественно значимой информации, а также внесудебного блокирования доступа к информационным ресурсам сети Интернет, содержащим соответствующие сведения. Авторами вносятся предложения по уточнению юридического терминологического аппарата, используемого в рамках нормативного правового регулирования противодействия злоупотреблению свободой массовой информации. Особое внимание уделяется соотношению конституционных оснований ограничения прав и свобод граждан с основаниями внесудебного блокирования информации в сети Интернет, по итогам которого предлагается оптимизировать отдельные нормы Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Ключевые слова: свобода слова, информация, административная ответственность, блокирование доступа к информации, Интернет, общественно значимая информация, недостоверная информация, угроза причинения вреда имуществу, угроза массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности.

On peculiarities the administrative and legal regulation of the ban on the circulation of unreliable socially significant information

The article contains a comparative legal study of information and administrative legislation that provides the possibility of applying administrative liability measures for the dissemination of unreliable socially significant information in the media, as well as extrajudicial blocking of access to Internet information resources containing relevant information. The authors make and justify proposals to clarify the legal terminological apparatus used within the framework of normative legal regulation of countering the abuse of freedom of mass information. Particular attention is paid to the correlation of constitutional grounds for restricting the rights and freedoms of citizens with the grounds for extrajudicial blocking of information on the Internet, as a result of which proposals were made to optimize certain provisions of the Federal Law dated July 27, 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection".

Keywords: freedom of speech, information, administrative responsibility, blocking access to information, Internet, socially significant information, false information, threat of damage to property, threat of mass violation of public order and (or) public safety.

Изучение отечественного законодательства, регламентирующего порядок оборота информации, позволяет выделить несколько разновидностей недостоверных сведений, передача и (или) распространение которых признаются недопустимыми и наказуемыми. С уверенностью можно утверждать, что основным методом правового регулирования в рассматриваемой сфере является

императивный, а сами правоотношения в первую очередь подпадают под действие норм административного права. Определение проблем административно-правового противодействия обороту недостоверной информации, а также поиск путей их решения требуют подробного изучения правовой природы и особенностей ограничения (запрета) оборота той или иной разновидности недостоверной информации.

Предметом исследования настоящей статьи выступает «недостоверная общественно значимая информация, распространяемая под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи», выявление факта распространения которой, согласно ч. 1 ст. 15.3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ № 149) [1], требует от Роскомнадзора внесудебного ограничения доступа к соответствующему информационному ресурсу.

Помимо указанного закона основными нормативными регуляторами в данной сфере являются Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (далее – Закон № 2124-1) [2], а также федеральные законы от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [3], от 28 декабря 2012 г. № 72-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» [4], от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» [5]. Основными субъектами государственного управления в рассматриваемой сфере являются Роскомнадзор [6], органы прокуратуры [7], Правительственная комиссия по развитию производства и распространения отечественного аудиовизуального контента [8] и ряд иных федеральных и региональных органов исполнительной власти.

Следует обратить внимание на юридический термин «недостоверная общественно значимая информация, распространяемая под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи», который

был введен Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 31-ФЗ [9], известным как «закон о фейковых новостях».

Примечательно, что ни сам этот закон, ни пояснительная записка к нему, ни разъясняющие порядок его применения приказ Генпрокуратуры России от 26 августа 2019 г. № 596 [10] и приказ Роскомнадзора от 5 декабря 2016 г. № 308 [11] не раскрывают содержание данного термина. Законодатель посчитал достаточным для ограничения конституционной свободы связи и информации следующее обоснование: «В современных условиях развития информационных технологий неконтролируемое распространение недостоверной информации, распространяемой под видом достоверных сообщений, может иметь широкий спектр последствий, связанный не только с репутационными потерями граждан и организаций, манипулированием общественным мнением и извлечением финансовой выгоды, но создать реальную опасность жизни и здоровью граждан, привести к массовым беспорядкам, создать угрозу государственной, общественной или экологической безопасности. Осознание негативных аспектов распространения ложной информации побуждает государственные институты многих стран к поиску механизмов ее пресечения. В частности, Еврокомиссия разрабатывает общеевропейскую стратегию противостояния онлайн-дезинформации» [12].

Юридическое содержание данного обоснования позволяет высказать некоторые рекомендации и ремарки.

Во-первых, остается открытым вопрос о соотношении потенциального ущерба от распространяемой недостоверной информации с ущербом, который могут претерпеть субъекты публичного информирования в результате применения закона, так как размер налагаемого на юридические лица административного штрафа, согласно ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ, закрепляющей ответственность за распространение рассматриваемой категории сведений, достаточно существенен – до 500 000 рублей.

Во-вторых, утверждение о поиске мировым сообществом «механизмов пресечения» подобной информации еще не оправдывает ее внесудебное ограничение в России. Юридическая практика ЕС в современных политико-экономических условиях также вряд ли может быть ориентиром для подражания.

В-третьих, до настоящего времени неопределенной остается формулировка «общественно значимая информация», поскольку законодателем не установлены критерии оценки ее значимости. Доктринальное толкование рассматриваемого термина предложено И.Д. Мотровичем и Н.Л. Васильевой: это предназначенная для неопределенного круга лиц и являющаяся общедоступной информация о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления (за исключением сведений рекламного характера и социальной рекламы), а также об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств [13]. При этом согласно п. 1 ст. 1 Федерального закона от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (далее – ФЗ № 8) [14] под информацией о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления понимаются сведения, созданные в пределах своих полномочий государственными органами, их территориальными органами, органами местного самоуправления или организациями, подведомственными государственным органам, органам местного самоуправления, либо поступившие в указанные органы и организации.

Отмечая научную проработанность приведенной выше дефиниции, все же следует усомниться в отнесении любой не ограниченной в доступе информации о деятельности органов публичной власти к общественно значимой. Скорее следовало бы обратить внимание на деятельность таких органов по реализации возложенных на них внешнеуправленческих, а не внутриорганизационных полномочий. Более того, искажение далеко не каждой категории общедоступной информации о деятельности органов публичной власти создает перечисленные в Законе № 2124-1 и ст. 13.15 КоАП РФ угрозы и риски, что оставляет квалификацию рассматриваемых действий на субъективное усмотрение должностного лица, уполномоченного возбуждать производство по делу об административном правонарушении. Решение исследуемой проблемы видится авторам в легальном уточнении категории «общественно значимая информация о деятельности орга-

нов публичной власти» посредством отсылки к категориям сведений, которые не могут быть ограничены в доступе (ч. 4 ст. 8 ФЗ № 149) или подлежат обязательному опубликованию самими органами в порядке, определяемом ФЗ № 8. Подобное уточнение существенно сузит юрисдикционную дискрецию, обеспечив надлежащую защиту прав и свобод граждан.

В-четвертых, не свободно от юридико-технических недостатков и словосочетание «недостоверная... информация, распространяемая под видом достоверных сообщений», ведь неясно, как эта лексема соотносится с устоявшимися терминами «заведомо ложная информация» и «заведомо недостоверная информация». Как соотносится с «видом достоверной информации» ее форма и стилистика подачи? Решает ли использованная формулировка проблему верификации иносказаний, суждений и мнений, предположений, риторических вопросов и саркастических высказываний? Полагаем, что вряд ли.

Для правоприменителя приведенная формулировка оставляет открытым вопрос и о форме вины распространителя информации: должно ли ему быть известно о ее недостоверности или неблагоприятные последствия будут наступать даже при неосторожной форме вины? Полагаем, рассматриваемую лексическую конструкцию возможно было бы сократить и упростить, сведя ее до общеупотребимого понятия «заведомо недостоверная (ложная) информация».

Складывающийся сегодня опыт правоприменения ст. 207.3 УК РФ демонстрирует, что признак «заведомой ложности» вменяется недостоверным сведениям: 1) достоверная версия которых была придана гласности в официальных выступлениях Президента РФ и уполномоченных должностных лиц Министерства обороны РФ; 2) которые не публиковались официально и не имеют, по данным Министерства обороны РФ, объективного подтверждения. Применение подобной правовой фикции хотя и является вынужденной мерой в условиях современного информационного общества, может быть распространено по аналогии на рассматриваемую категорию информации.

В-пятых, вызывает вопросы соотношение объектов посягательства онлайн-дезинформации с указанными в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ ценностями, посягательство на которые оправдывает ограничение прав и свобод (табл. 1).

Соотнесение конституционных оснований ограничения прав и свобод с основаниями внесудебного блокирования информации в сети Интернет

№ п/п	Часть 3 статьи 55 Конституции РФ	ФЗ «Об информации»
1	Защита основ конституционного строя	Угроза причинения вреда имуществу (в контексте ч. 2 ст. 8 Конституции РФ, согласно которой защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности)
2	Защита нравственности	<i>Нет упоминания</i>
3	Защита здоровья	Угроза причинения вреда жизни и здоровью граждан
4	Защита прав и законных интересов других лиц	<i>Нет упоминания</i>
5	Оборона страны (внешняя защищенность)	<i>Нет упоминания</i>
6	Безопасность государства (внутренняя защищенность)	Угроза массового нарушения общественной безопасности
		Угроза создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи
		Угроза массового нарушения общественного порядка

Итак, имея возможность взять под правовую защиту от информационных посягательств все основы конституционного строя, законодатель ограничился только неприкосновенностью собственности. По какой причине без соответствующей правоохраны остались такие основы конституционного строя, как социальное государство (ст. 7), единство экономического пространства (ст. 8), самостоятельность законодательной, исполнительной и судебной власти (ст. 10), а также самостоятельность местного самоуправления (ст. 12), идеологическое и политическое многообразие (ст. 13), светское государство (ст. 14), высшая юридическая сила Конституции РФ (ст. 15)? Является ли распространение недостоверной информации об этих основах конституционного строя безвредным и несущественным для социума? Полагаем, это пробел в правовом регулировании, который следовало бы устранить, указав в соответствующих нормах ФЗ № 149 все без исключения основы конституционного строя.

Далее, требует внимания отсутствие материально-правовой основы правоохраны от воз-

действия недостоверной информации на права и законные интересы других лиц, а также от распространения подобных сведений, создающих угрозу для обороны страны, в то время как активность законодателя за последние два года демонстрирует особое внимание к вопросам защиты военнослужащих и населения страны от вредоносного информационно-психологического воздействия, осуществляемого в связи с проведением специальной военной операции.

Подводя итог проведенному исследованию, следует сделать вывод о необходимости устранения отдельных лексико-юридических недостатков, имеющих место при определении оснований внесудебного блокирования недостоверных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях. Также нужно указать на наличие некоторых противоречий между нормами информационного законодательства, определяющего основания блокирования указанных информационных материалов, и отечественными конституционно-правовыми нормами.

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант», 2023.

2. О средствах массовой информации: закон РФ от 27 дек. 1991 г. № 2124-1. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант», 2023.

1. On information, information technologies and information protection: fed. law d.d. July 27, 2006 No. 149-FZ. Access from the reference legal system "Garant", 2023.

2. On the media: law of the Russian Federation d.d. Dec. 27, 1991 No. 2124-1. Access from the reference legal system "Garant", 2023.

3. О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант», 2023.

4. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации: федер. закон от 28 дек. 2012 г. № 272-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант», 2023.

5. О связи: федер. закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант», 2023.

6. О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: постановление Правительства РФ от 16 марта 2009 г. № 228. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант», 2023.

7. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант», 2023.

8. О Правительственной комиссии по развитию производства и распространения отечественного аудиовизуального контента: постановление Правительства РФ от 28 мая 2020 г. № 770. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант», 2023.

9. О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: федер. закон от 18 марта 2019 г. № 31-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант», 2023.

10. Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения уведомлений о распространяемой с нарушением закона информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет»: приказ Генпрокуратуры России от 26 авг. 2019 г. № 596. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант», 2023.

11. Об утверждении формы и порядка направления уполномоченными государственными органами требования о принятии мер по прекращению распространения новостным агрегатором фальсифицированных общественно значимых сведений, недостоверной общественно значимой новостной информации под видом достоверных сообщений, новостной информации, распространяемой с нарушением законодательства Российской Федерации: приказ Роскомнадзора от 5 дек. 2016 г. № 308. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант», 2023.

3. About personal data: fed. law d.d. July 27, 2006 No. 152-FZ. Access from the reference legal system "Garant", 2023.

4. On measures of influence on persons involved in violations of fundamental human rights and freedoms, the rights and freedoms of citizens of the Russian Federation: fed. law d.d. Dec. 28, 2012 No. 272-FZ. Access from the reference legal system "Garant", 2023.

5. About communication: fed. law d.d. July 7, 2003 No. 126-FZ. Access from the reference legal system "Garant", 2023.

6. On the Federal Service for Supervision in the Field of Communications, Information Technologies and Mass Communications: decree of the Government of the Russian Federation d.d. March 16, 2009 No. 228. Access from the reference legal system "Garant", 2023.

7. About the prosecutor's office of the Russian Federation: fed. law d.d. Jan. 17, 1992 No. 2202-1. Access from the reference legal system "Garant", 2023.

8. On the Government Commission for the Development of Production and Distribution of Domestic Audiovisual Content: decree of the Government of the Russian Federation d.d. May 28, 2020 No. 770. Access from the reference legal system "Garant", 2023.

9. On amendments to article 15.3 of the Federal Law "On information, information technologies and information protection": fed. law d.d. March 18, 2019 No. 31-FZ. Access from the reference legal system "Garant", 2023.

10. On approval of the Instruction on the procedure for considering notifications of information distributed in violation of the law in information and telecommunication networks, including the Internet: order of the Prosecutor General's Office of Russia d.d. Aug. 26, 2019 No. 596. Access from the reference legal system "Garant", 2023.

11. On approval of the form and procedure for sending by authorized state bodies a request to take measures to stop the dissemination by a news aggregator of falsified socially significant information, unreliable socially significant news information under the guise of reliable messages, news information distributed in violation of the legislation of the Russian Federation: order of Roskomnadzor d.d. Dec. 5, 2016 No. 308. Access from the reference legal system "Garant", 2023.

12. System for supporting legislative activities [Web resource]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/606593-7> (date of access: 12.09.2023).

13. Motrovich I.D., Vasilyeva N.L. Socially significant information: problems of terminology

12. Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/606593-7> (дата обращения: 12.09.2023).

13. Мотрович И.Д., Васильева Н.Л. *Общественно значимая информация: проблемы терминологии в российском законодательстве* // *Административное право и процесс*. 2022. № 10. С. 39–42.

14. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: федер. закон от 9 февр. 2009 г. № 8-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант», 2023.

in Russian legislation // Administrative law and process. 2022. No. 10. P. 39–42.

14. *On ensuring access to information about the activities of state bodies and local governments: fed. law d.d. Febr. 9, 2009 No. 8-FZ. Access from the reference legal system "Garant", 2023.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Железняк Николай Семенович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности в органах внутренних дел Краснодарского университета МВД России; e-mail: kadovd@yandex.ru;

Рыдченко Кирилл Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административной деятельности органов внутренних дел Краснодарского университета МВД России; e-mail: rkd7@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

N.S. Zheleznyak, Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Operational Investigative Activities in the Internal Affairs Bodies, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; e-mail: kadovd@yandex.ru;

K.D. Rydchenko, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Chief of the Department of Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: rkd7@yandex.ru

Луговик Виктор Федорович
Волков Кирилл Сергеевич

О требованиях, предъявляемых к внутренним управленческим решениям органов внутренних дел

Предметом исследования выступают нормативные правовые акты и иные правовые предписания МВД России, его территориальных органов, содержащие требования, которые предъявляются к внутренним (внутриорганизационным) управленческим решениям, а также правоприменительная практика, складывающаяся в связи с принятием указанных решений, оценкой их законности и эффективности в ходе ведомственного контроля. Основной целью исследования является разработка предложений, направленных на совершенствование управления в территориальных органах МВД России. Их реализация на практике позволит повысить качество принимаемых управленческих решений. Авторы приходят к выводу о необходимости расширения показателей документационного обеспечения управления на основе таких императивных положений, как логичность, обоснованность, объективность, компетентность субъекта управления, своевременность, реалистичность, обеспеченность трудовыми, материальными и финансовыми ресурсами, оптимальность, непрерывность, оперативность и разумный риск.

Ключевые слова: органы внутренних дел, административный акт, управленческое решение, методики, ведомственный контроль, законность, конкретность.

On the requirements for internal management decisions of internal affairs bodies

The subject of the study are regulatory legal acts and other legal regulations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, its territorial bodies, containing requirements that are imposed on internal (intra-organizational) management decisions, as well as law enforcement practice that develops in connection with the adoption of these decisions, the assessment of their legality and effectiveness during departmental control. The main purpose of the study is to develop proposals aimed at improving management in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Their implementation in practice will improve the quality of management decisions. The authors come to the conclusion that it is necessary to expand the indicators of management documentation on the basis of such imperative provisions as consistency, reasonableness, objectivity, competence of the subject of management, timeliness, realism, availability of labor, material and financial resources, optimality, continuity, efficiency and reasonable risk.

Keywords: internal affairs bodies, administrative act, management decision, methods, departmental control, legality, concreteness.

В системе федеральных органов исполнительной власти Министерство внутренних дел Российской Федерации выделяется прежде всего своей исполнительно-распорядительной многофункциональностью, обуславливающей весьма сложную разветвленную структуру, которая включает в себя большое количество органов, организаций и подразделений. Эффективная управленческая деятельность невозможна без надлежащего правового контроля. Она по-прежнему, независимо от внутренних структурных перестроев, остается крупной стратегической проблемой функционирования органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД). При этом основной целью контроля как

разновидности управленческой деятельности выступает повышение качества принятия управленческих решений. «Контрольная деятельность играет роль своеобразного барьера, направляющего процесс управленческих решений по идеальному, конструктивному, технологическому каналу» [1, с. 31–32]. Профессор Ю.А. Тихомиров справедливо отмечает, что «ключевая проблема для всех отраслей права – оптимизация управленческого решения» [2, с. 5].

Под управленческим решением в специальной литературе понимается «социальный акт, подготовленный на основе вариативного анализа и оценки, принятый в установленном порядке, имеющий директивное общеобязательное значение, содержащее постановку целей и

обоснование средств осуществления, организующее практическую деятельность субъектов и объектов управления» [3, с. 35]. Оно может быть рассмотрено с двух сторон: 1) как сознательный акт субъекта управления, связанный с выбором цели действия, путей, способов и средств ее достижения; 2) как директивный документ, организующий, направляющий и стимулирующий совместную деятельность коллектива [4, с. 102]. По сфере управленческой деятельности управленческие решения подразделяются на внутренние (внутриорганизационные) и внешние. Примером первых может стать, в частности, привлечение должностного лица (служащего, работника) к дисциплинарной ответственности. К внешним мы отнесем влекущие правовые последствия, а также иные юридически значимые решения, вынесенные субъектом управления в отношении определенных лиц за рамками должностного взаимодействия.

Высокое качество внутреннего управленческого решения подразумевает его законность, логичность, обоснованность, конкретность и непротиворечивость, объективность, компетентность субъекта управления, своевременность, реалистичность, обеспеченность трудовыми, материальными и финансовыми ресурсами, оптимальность, непрерывность, оперативность, целесообразность и разумный риск. Как видим, требований много, но последнее исключает проявление отрицательных последствий и издержек при достижении поставленных целей, т.е. действует вопреки известной формуле: «цель оправдывает средства». Уточним также, что административное усмотрение реализуется посредством выбора оптимального варианта поведения должностного лица, принимающего управленческое решение, в случае нерешенности определенного вопроса, требующего своего разрешения, двоякого толкования нормы, иного правового предписания при отсутствии соответствующих разъяснений. Административное усмотрение должно быть сжато в крепкие тиски целесообразности. Последняя рассматривается в рамках учета условий и обстоятельств разрешаемого дела и преследует определенную в правовом предписании цель [5, с. 32].

Внутреннее управленческое решение в ОВД – это всегда процесс выбора руководителем наиболее оптимального варианта действий в конкретной ситуации при известных обстоятельствах. Оно основано на строго определенных, научно обоснованных требованиях, игнорирование которых, упрощенный подход к которым в погоне за достижением желаемого результата в виде мнимого повышения эффективности оперативно-служебной деятельности ОВД приводят к дефектности управленческого

цикла и всей системы управления. Последняя, как верно отмечено А.А. Гайдамакиным, «...не рушится только благодаря гибкости исполнителей и официальных предписаний», поскольку «...на каком-то этапе реализация властных указаний становится невозможной без нарушения законов логики, природы или общества». Обозначенному явлению дефектности административного стиля управления ученый дал свое название – фрактализация. Суть данного явления раскрывается автором следующим образом: «...существование противоречивых инструкций или различное толкование некоторого термина в разное время или в разных местах одного и того же документа, очевидно, нарушает законы логики; выполнение работы, не обеспеченное ресурсами, невозможно в силу законов природы, равно как и требование выполнить ее "вчера"; оформление выполненного задания "задним числом" противоречит, как минимум, правилам делопроизводства, а как максимум – содержит состав мошенничества. Во всех этих и других подобных случаях попытка нижестоящей инстанции найти выход из безвыходной ситуации приводит к фрактализации порочного способа действия, его трансляции на нижние уровни иерархии, что имеет следствием некачественное выполнение работы, подделку отчетности, дачу взятки, превышение полномочий, служебный подлог и т.п. А поскольку ЛППР (лица, принимающие решение) не часто вникают в такие проблемы исполнителей, как ограниченные трудовые, материальные, психические, физиологические и временные ресурсы, условия для возникновения "цунами" и "фрактализации абсурда" сохраняются и, более того, даже поддерживаются системой – ведь часто в итоге, с точки зрения ЛППР, цель управления так или иначе достигается» [6, с. 182]. К сожалению, данное явление носит не единичный характер и уже поэтому заслуживает внимания в части исследования его причин и последствий.

Анализ нарушения требований, допускаемого при принятии внутренних управленческих решений, показал, что наиболее часто встречающимся упущением является несоблюдение законности, которое выражается в превышении ОВД и их должностными лицами своей компетенции, либо злоупотребление правом. Как правило, такие решения принимаются органом или лицом, не наделенным властью и соответствующими правами (полномочиями), либо носят необоснованно широкий дискреционный характер. По сути, речь можно вести об административном произволе [7, с. 55].

Наглядным примером являются выявленные комиссией МВД России в ходе проведенной в 2022 г. комплексной проверки одного

из территориальных органов МВД России на региональном уровне факты издания начальниками структурных подразделений десяти распорядительных актов, определяющих зоны ответственности субъектов зонального контроля, полномочиями по изданию которых исходя из положений о деятельности этих подразделений они не обладали. В результате комиссией МВД России был сделан закономерный вывод о юридической ничтожности указанных распоряжений и невозможности их применения в служебной деятельности.

Пренебрежение требованием логичности, предполагающей соблюдение юридической техники, последовательность, непротиворечивость и обоснованность изложения текста правового документа, приводит к тому, что в практической деятельности сотрудники нередко сталкиваются с решениями, которые вступают в противоречие друг с другом, вызывают сложность, а порой и невозможность их применения. «Отсутствие четкой регламентации действий сотрудников ОВД затрудняет принятие верных решений в правоприменительной деятельности» [8, с. 162].

В качестве примера можно привести отдельные положения Руководства по изучению деятельности инспектируемого территориального органа МВД России к Инструкции по организации и проведению инспектирования, контрольных и целевых проверок деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 3 февраля 2012 г. № 77, которое предписывает не оценивать деятельность руководства проверяемого органа до истечения одного года нахождения в должности¹, в то время как в Методике изучения и оценки управленческой деятельности в территориальном органе МВД России, утвержденной распоряжением МВД России от 28 августа 2019 г. № 1/9711 (далее – Методика изучения управленческой деятельности), относительно данного вопроса содержится другая позиция, предлагающая оценивать его деятельность экспертным путем². Вполне очевидно, что нормы приказа МВД России от 3 февраля 2012 г. № 77 имеют более высокую юридическую силу над не имеющими нормативно-правового характера положениями Методики изучения управленческой деятельности. Напомним, что согласно приказу МВД России от 27 июня 2003 г. № 484 «Об утвержде-

нии Правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России» запрещается издание актов управления, содержащих правовые нормы, в виде распоряжений, писем, телеграмм, телефонограмм, указаний, протоколов, актов, заключений, планов и других служебных документов.

Другой проблемой нарушения законности, несмотря на прямой запрет МВД России, являются отдельные случаи ориентирования руководителями личного состава подразделений ОВД на достижение количественных показателей в рамках так называемой «палочной системы». Вскрытие таких фактов и их публичное обсуждение в средствах массовой информации неминуемо ведет к умалению авторитета органов охраны правопорядка, поскольку является одной из ключевых причин нарушения прав, свобод и законных интересов граждан и их организаций. Действие «палочной системы» подкрепляется практикой привлечения сотрудников к дисциплинарной ответственности за недостижение определенных показателей по конкретным направлениям без выяснения причин и условий, способствовавших их снижению.

Так, в ходе совещания при временно исполняющем обязанности начальника одного из территориальных органов МВД России на районном уровне подполковником полиции С. негативно отмечена работа старшего участкового уполномоченного полиции указанного отдела майора полиции Р. и участкового уполномоченного полиции старшего лейтенанта полиции В., которые «имеют низкий показатель выявления административных правонарушений...». Сама формулировка, заложенная в управленческом решении совещания, – «выявление административных правонарушений», не соответствует закрепленному в п. 2 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон о полиции) основному направлению деятельности полиции, а именно предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений. Более того, в Законе о полиции вообще не предусмотрена обязанность выявлять административные правонарушения. Выявлению и раскрытию согласно данному закону подлежат только преступления.

В результате приказом указанного руководителя сотрудники полиции были привлечены к дисциплинарной ответственности, им объявлено дисциплинарное взыскание – выговор. Аналогичные управленческие решения выявлены в том же территориальном органе МВД России в 2022 г. в отношении других сотрудников. Логично предположить, что подобного рода правовые акты управления могут быть с успехом оспорены во внесудебном порядке либо в суде.

¹ Сноска 1 подп. 4.3 п. 4 Руководства к Инструкции, утвержденной приказом МВД России от 3 февр. 2012 г. № 77.

² Абзац 2 подп. 11.5 п. 11 Методики изучения и оценки управленческой деятельности в территориальном органе МВД России (приложение к распоряжению МВД России от 28 авг. 2019 г. № 1/9711).

На практике исполнение подобных управленческих решений, принимаемых руководителями на основании абсолютно необоснованных дискреционных полномочий, приводит не просто к искажению и приукрашиванию проводимой работы, что влечет невозможность понимания реального положения дел, но прежде всего побуждает к грубому нарушению законности.

Подобные примеры довольно многообразны, при этом не ограничиваются только сферой административной деятельности ОВД. Они также связаны с нацеливанием личного состава на достижение определенных количественных показателей и в сфере оперативно-розыскной деятельности, что требует заведения дел оперативного учета, формального привлечения к конфиденциальному содействию граждан. Как правило, исполнение таких решений зачастую сопряжено с фальсификацией, поскольку объективно их реализация без служебного подлога просто невозможна по причине ограниченности имеющихся трудовых, временных, материальных и других ресурсов, которые должностными лицами, принимающими управленческие решения, попросту не учитываются или игнорируются. В дальнейшем все это приводит к фактам возбуждения уголовных дел в отношении сотрудников полиции, поскольку выявляется, например, что лица, якобы оказывающие содействие ОВД в раскрытии преступлений, давно мертвы или длительное время находятся в районе проведения специальной военной операции и, соответственно, не могут сотрудничать с оперативными подразделениями полиции.

Отсутствие должного внимания к такому требованию, как конкретность, приводит к тому, что принимаемые управленческие решения содержат ни к чему не обязывающие формулировки, не имеющие практической формы их реализации, сроков и лиц, которым они адресованы («обеспечить контроль...», «обеспечить должное взаимодействие...», «организовать надлежащий уровень взаимодействия...», «принять меры по повышению эффективности...», «организовать на постоянной основе...» и проч.). Как результат в отчетных документах о выполнении этих решений указывается информация, аналогичная поставленным задачам (решениям): «обеспечить контроль – обеспечен контроль», «принять меры – приняты меры», «организовать – организовано» и т.д. При таком подходе значительно снижается качество управленческого решения, формализм постепенно способствует профессиональной деформации должностных лиц ОВД.

Приведенные случаи несоблюдения требований, предъявляемых при принятии управ-

ленческих решений, являются основными аспектами, на которые обращается внимание в системе МВД России при определении их эффективности в ходе инспекторских, целевых и контрольных проверок.

Методика изучения управленческой деятельности раскрывает показатель «Документационное обеспечение управления» (п. 5.4) с помощью следующих индикаторов: а) удельный вес документационных управленческих решений, принятие которых не обусловлено действующими нормативными правовыми актами, (или) документами, указаниями, поручениями МВД России, (или) сложившейся оперативной обстановкой, в общем числе проверенных; б) удельный вес документальных управленческих решений, принятых не уполномоченным на то лицом (с превышением возложенных полномочий и в нарушение требований нормативных правовых актов), в общем числе проверенных; в) удельный вес документальных управленческих решений, оформленных и отправленных в нарушение действующих правил делопроизводства, в общем числе проверенных; г) выявлено действующих документальных управленческих решений, поступивших в изучаемый период на исполнение в подчиненные органы и требующих периодическое предоставление информации, не предусмотренной действующими нормативными актами и ведомственной статистической отчетностью; д) удельный вес содержащихся в документально принятых управленческих решениях поручений неконкретного содержания, (или) не имеющих срока выполнения, (или) повторяющих содержание регламентов, инструкций и иных нормативных правовых актов, в общем числе проверенных.

Нетрудно заметить, что они охватывают только такие требования, как научная обоснованность, законность, целесообразность, конкретность и непротиворечивость. При этом не учитываются немаловажные для управленческих решений требования логичности, обоснованности, объективности, компетентности субъекта управления, своевременности, реалистичности, обеспеченности трудовыми, материальными и финансовыми ресурсами, оптимальности, непрерывности, оперативности и разумного риска. Несоблюдение этих требований негативным образом сказывается на всей системе управления ОВД.

На наш взгляд, назрела необходимость оптимизации показателей документационного обеспечения управления. Потребность в пересмотре индикаторов документационного обеспечения управления обусловлена «сложной структурой процессов управления, предполагающей развитие методологии, обеспечиваю-

щей эффективное решение проблем, возникающих в процессе функционирования организации» [9, с. 21]. Наличие в Методике изучения управленческой деятельности более широкого перечня индикаторов документационного обеспечения управления, позволяющих оценить соблюдение указанных требований, которые

предъявляются к внутренним управленческим решениям, а также должное внимание контролирующих субъектов к обозначенному вопросу позволит выявить и устранить многочисленные примеры дефектности управленческих решений и предполагаемых или уже наступивших в результате их применения последствий.

1. Горшенев В.М., Шахов И.Б. *Контроль как правовая форма деятельности*. М., 1987.

2. Тихомиров Ю.А. *Систематика в праве в условиях глобальной нестабильности* // Журнал российского права. 2022. № 5. С. 5–18.

3. Тихомиров Ю.А. *Управленческое решение*. М., 1972.

4. Бавсун И.Г. *Основы управления в органах внутренних дел: учеб.* М., 2023.

5. Жеребцов А.Н., Чабан Е.А. *Соотношение административного усмотрения и целесообразности при принятии решения по административному делу* // Административное право и процесс. 2018. № 8. С. 28–32.

6. Гайдамакин А.А. *Фракталы в структуре юридического и административного дискурса* // Государство и право. 2019. № 10. С. 181–187.

7. Жеребцов А.Н., Чабан Е.А. *Административное усмотрение, административный произвол и административное (чиновничье) обыкновение: теоретические и практические вопросы соотношения* // Административное право и процесс. 2014. № 4. С. 53–58.

8. Воронина Т.Н. *Нормативные правовые акты МВД России в механизме правового регулирования деятельности органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук*. М., 2001.

9. Демин Г.А. *Методы принятия управленческих решений: учеб. пособие*. Пермь, 2019.

1. Gorshenev V.M., Shakhov I.B. *Control as a legal form of activity*. Moscow, 1987.

2. Tikhomirov Yu.A. *Systematics in law in conditions of global instability* // Journal of Russian Law. 2022. No. 5. P. 5–18.

3. Tikhomirov Yu.A. *Management decision*. Moscow, 1972.

4. Bavsun I.G. *Fundamentals of management in internal affairs bodies: textbook*. Moscow, 2023.

5. Zherebtsov A.N., Chaban E.A. *The relationship between administrative discretion and expediency when making a decision in an administrative case* // Administrative law and process. 2018. No. 8. P. 28–32.

6. Gaidamakin A.A. *Fractals in the structure of legal and administrative discourse* // State and law. 2019. No. 10. P. 181–187.

7. Zherebtsov A.N., Chaban E.A. *Administrative discretion, administrative arbitrariness and administrative (bureaucratic) custom: theoretical and practical issues of correlation* // Administrative law and process. 2014. No. 4. P. 53–58.

8. Voronina T.N. *Regulatory legal acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the mechanism of legal regulation of the activities of internal affairs bodies: diss. ... Candidate of Sciences in Jurisprudence*. Moscow, 2001.

9. Demin G.A. *Methods for making management decisions: study aid*. Perm, 2019.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Луговик Виктор Федорович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России; e-mail: vlug@yandex.ru;

Волков Кирилл Сергеевич, заместитель начальника штаба УМВД России по Омской области – начальник инспекции; e-mail: volkov-kirill-sergeevich@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

V.F. Lugovik, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Operational and Investigative Activities of Internal Affairs, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Leading Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; e-mail: vlug@yandex.ru;

K.S. Volkov, Deputy Chief of Staff of the Russian Ministry of Internal Affairs for the Omsk Region – Head of Inspectorate; e-mail: volkov-kirill-sergeevich@yandex.ru

О систематизации правового регулирования административной деятельности полиции по защите несовершеннолетних от вредоносной информации

В статье исследуются подходы к формированию отечественного административного законодательства, регламентирующего правоохранительную деятельность полиции по защите несовершеннолетних от вредоносной информации. Выявляются тенденции, пробелы и противоречия в формировании нормативной основы обеспечения органами внутренних дел информационно-психологической безопасности несовершеннолетних. Высказываются предложения по унификации законодательства, способствующей согласованному функционированию государственной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также государственной системы защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию.

Ключевые слова: несовершеннолетние, вредоносная информация, органы внутренних дел, полиция, административная деятельность, информационно-психологическая безопасность, защита детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию.

On systematization of legal regulation of administrative activities of the police to protect minors from malicious information

The article examines approaches to the formation of domestic administrative legislation regulating the law enforcement activities of the police to protect minors from harmful information. Trends, gaps and contradictions are identified in the formation of a regulatory framework for ensuring the information and psychological safety of minors by internal affairs bodies. Proposals are made to unify legislation that would facilitate the coordinated functioning of the state system for the prevention of neglect and juvenile delinquency and the state system for protecting children from information harmful to their health and development.

Keywords: minors, harmful information, internal affairs bodies, police, administrative activities, information and psychological safety, protecting children from information harmful to their health and development.

Более чем десятилетие назад Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее – ФЗ «О защите детей от информации») [1] создал предпосылки формирования остро необходимой «правовой основы для защиты несовершеннолетних от деструктивного влияния информационной среды, охраны нравственного и психического здоровья детей» [2], однако изучение содержания этого нормативного правового акта и соотнесение его с зарубежными аналогами позволяют сделать вывод, что его основное назначение сводится к классификации соответствующей информации и информационной продукции, а также определению общих требований к обороту потен-

циально опасной для несовершеннолетнего информации.

По сути, рассматриваемый Федеральный закон в качестве основного объекта внимания имеет не несовершеннолетнего, а субъектов публичного информирования: средства массовой информации и коммуникации, журналистов, блоггеров и т.д. Именно их закон обязывает «фильтровать» информацию или проводить экспертизу информационной продукции с последующим размещением предупреждения об ограничениях ее распространения. В то же время следует отметить, что в законе содержатся предпосылки формирования единой государственной политики в сфере защиты несовершеннолетних от вредоносной информации, однако эти нормы (например, п. 1, 2 ч. 1 ст. 4 ФЗ

«О защите детей от информации») не получили должной реализации и широкого толкования.

Практически любую норму рассматриваемого нормативного документа можно перенести в Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» [3], при этом степень урегулированности информационных правоотношений не изменится. Подобное положение вещей, как нам представляется, указывает на нарушение требований юридической техники при классификации и определении наименования нормативного акта, поскольку если одной и той же цели можно добиться как путем внесения изменений в действующее законодательство, так и посредством издания нового нормативного акта, следует идти по первому пути. Для того чтобы в полной мере реализовать поставленные в законе задачи, на его базе должна быть построена функционально оптимальная и соответствующая конституционным принципам общественно-государственная система обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних, позволяющая своевременно предупреждать негативное информационное воздействие на ребенка, выявлять и пресекать правонарушения в данной сфере, а также способствующая ресоциализации несовершеннолетнего посредством минимизации неблагоприятных последствий восприятия им вредоносной информации.

Напомним, что одна из главных целей государственной политики в интересах детей была сформулирована в п. 1 ст. 4 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [4], под которой понимается действие физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей. Одна из ведущих ролей в данной сфере принадлежит органам внутренних дел, которые в соответствии со ст. 20 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [5] уполномочены осуществлять деятельность по предупреждению правонарушений несовершеннолетних. С учетом того, что между девиацией ребенка и восприятием им вредоносной информации существует прямая и очевидная связь, следует заключить, что и в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности несовершеннолетних полиция должна участвовать наравне с иными органами власти и общественными субъектами.

Деятельность органов внутренних дел на основании ее содержания, целей и форм тради-

ционно разделяют на оперативно-розыскную, уголовно-процессуальную и административную. Первые два направления связаны с категорией «преступление» и различаются по цели (раскрытие преступления и осуществление предварительного расследования по уголовным делам) и формам реализации (гласно-негласные и исключительно публичные). Административная деятельность полиции отличается от иных видов деятельности тем, что имеет существенно больший нормативный базис и осуществляет в первую очередь не охранительную, а регулятивную функцию государственного управления. Основываясь на таких категориях, как «общественный порядок» и «общественная безопасность», данный вид полицейской работы скорее превентивный, нежели карательный. Обладая широким инструментарием государственно-принудительных мер, административная деятельность полиции строится на презумпции приоритета убеждения над принуждением.

Применительно к рассматриваемой сфере правоотношений также следует отметить, что общественный порядок, представляя собой «регулируемую нормами морали и права систему социальных связей, свойственных для систематического или эпизодического присутствия людей в общественных местах (публичном пространстве), обеспечивающих реализацию индивидуальной и коллективной безопасности в публичном общении между людьми, а также охрану их чести, достоинства, жизни и здоровья» [6, с. 22], наиболее близок по своему содержанию к состоянию защищенности несовершеннолетних от негативного информационного воздействия, ведь лишь в этом случае возможно социально ориентированное воспитание личности, имеющей высокую правовую культуру и способной обеспечить поступательное развитие общества. Кроме того, категории «информационная безопасность» и «общественная безопасность» являются смежными, причем провести между ними однозначную границу, особенно если речь идет об информационной безопасности детей, удается далеко не всегда. Указанные факторы обуславливают рассмотрение административной деятельности полиции в качестве основного средства защиты несовершеннолетних от воздействия вредоносной информации, так как оперативно-розыскная и уголовно-процессуальная деятельность органов внутренних дел реализуется в случаях, когда административно-правовыми методами не удалось предупредить или пресечь угрозу информационно-психологической безопасности ребенка на более ранних этапах ее формирования.

Изложенное выступает общетеоретическим базисом для построения системы реализации государственной политики в области внутренних дел, которая воплощается в рамках конкретных нормативных правовых актов, правоприменительной практики и актов судебного толкования. Первостепенное значение здесь, что логично, имеет именно нормативная база административно-правовой защиты полицией детей от воздействия вредоносной информации, которую можно структурировать по юридической силе и значимости на следующие блоки.

1. Конституция РФ и нормы конституционного законодательства. Согласно нормам ст. 38 Основного закона материнство и детство, семья находятся под защитой государства, а забота о детях, их воспитание являются равным правом и обязанностью родителей. Внесенные в 2020 г. изменения в Конституцию РФ также не обошли стороной предметную сферу настоящего исследования: в соответствии с п. 4 ст. 67.1 Конституции РФ дети признаются важнейшим приоритетом государственной политики России, а государству предписано создавать условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Применительно к правоохранительной деятельности полиции следует отметить положения ч. 3 ст. 55 и ч. 1 ст. 56 Конституции РФ.

2. Федеральное законодательство в рассматриваемой сфере представляется правильным разделить на регулятивное и охранительное. Первое устанавливает порядок и правила реализации полицией соответствующих полномочий и представлено в первую очередь нормами Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции») [7]. Осуществляя общую, групповую и индивидуальную профилактику с несовершеннолетними, их родителями и иными законными представителями, а также действуя в рамках контрольно-надзорной и административно-юрисдикционной деятельности, должностные лица органов внутренних дел исполняют обязанности и используют специальные правовые полномочия, многие из которых являются уникальными. Помимо закрепленных в ФЗ «О полиции» общих полномочий данного органа в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, отдельные специальные права и обязанности устанавливаются иными законодательными актами. Так, существенное дополнение правового статуса органов внутренних дел в рассматриваемой сфере осуществлено Федеральным законом от 24 июня

1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних») [8].

Во-первых, в ст. 5 данного нормативного акта произведена категоризация лиц, в отношении которых осуществляется индивидуальная профилактическая работа, в том числе полицией. Необходимость и допустимость организации в их отношении индивидуальной профилактической работы, как нам представляется, во многом обусловлены следующими факторами: 1) наличием существенной психологической деформации, связанной с избранием асоциальной модели поведения; 2) предположением о возможности корректировки поведения данных лиц посредством целенаправленного воспитательного воздействия.

Во-вторых, рассматриваемым нормативным актом определены организационные основы и процедура осуществления надзора за поведением перечисленных категорий граждан, а также профилактической работы с ними, при этом существенная часть правовых норм касается именно деятельности органов внутренних дел.

В-третьих, нормами ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» определяются специальный правовой статус центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей и подразделений по делам несовершеннолетних, а также превентивные полномочия иных подразделений полиции в рассматриваемой сфере.

Соотнесение норм федеральных законов «О полиции» и «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» с положениями ФЗ «О защите детей от информации» позволяет сделать вывод об отсутствии прямых связей между ними. На основании изложенного может сложиться ложное впечатление, что профилактика виктимности и деликтности несовершеннолетних никак не соотносится с противодействием негативному информационному воздействию на несовершеннолетнего, хотя взаимозависимость этих сфер очевидна.

Охранительное федеральное законодательство в сфере защиты полицией несовершеннолетних от воздействия вредоносной информации обеспечивает реализацию позитивных (регулирующих) норм права посредством установления за их нарушение или несоблюдение уголовной или административной ответственности.

3. Указы Президента РФ в рассматриваемой сфере имеют особое значение, так как МВД Рос-

сии непосредственно подчинено и подконтрольно Президенту РФ. По целевому назначению и содержанию их можно разделить на две группы:

3.1. Статусные указы Президента РФ, определяющие структуру органов внутренних дел, а также содержание и порядок реализации административной деятельности полиции. В первую очередь речь идет об Указе Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» [9], который определяет цели, полномочия, систему и структуру, а также особенности организации деятельности МВД России и его территориальных органов на региональном уровне. Помимо этого, объектом президентской регламентации могут выступать отдельные направления деятельности подразделений органов внутренних дел. Так, согласно п. «р» ч. 11 Положения о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденного Указом Президента РФ от 15 июня 1998 г. № 711 «О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения» [10], Госавтоинспекция обязана участвовать в пропаганде правил дорожного движения, в первую очередь среди несовершеннолетних, которые в силу возрастных особенностей психики быстрее и глубже воспринимают осуществляемое на них воспитательное воздействие.

3.2. Указы Президента РФ, определяющие основы деятельности полиции в сфере защиты несовершеннолетних от вредоносной информации. Примерами таковых выступают указы Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» [11] и от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» [12]. Нормы последнего акта к основным угрозам безопасности детей относят в том числе: а) вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, совершение преступлений в отношении детей; б) распространение информации, представляющей опасность для детей, в том числе посредством сети Интернет; в) изменение представлений о традиционных духовно-нравственных, в том числе семейных, ценностях.

4. Нормативные правовые акты Правительства РФ в большей степени обеспечивают выполнение заложенных в федеральном законодательстве и управленческих актах Президента РФ положений, регламентирующих

рассматриваемую сферу, а не устанавливают или дополняют правовой статус полиции. В качестве примера можно привести принятое во исполнение Указа Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 распоряжение Правительства РФ от 23 января 2021 г. № 122-р «Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года» [13], согласно которому МВД России обязано реализовать ограничение доступа к сайтам (страницам сайтов) в сети Интернет, содержащим информацию, распространение которой в России запрещено (п. 114).

5. Ведомственные нормативные правовые акты наиболее конкретно детализируют административно-правовые полномочия полиции в сфере защиты детей от воздействия вредоносной информации, а также устанавливают «горизонтальные» связи между соответствующими подразделениями органов внутренних дел и иными органами исполнительной власти федерального, регионального и местного уровней. Анализ данного блока нормативных документов следует начать с определения перечня и структуры служб и подразделений полиции, которые уполномочены реализовывать государственную политику в рассматриваемой сфере.

Подразделения по делам несовершеннолетних, безусловно, являются в составе органов внутренних дел основным субъектом реализации государственной ювенальной политики в целом и обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в частности. Правовой статус данного подразделения определен в ст. 21 ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и приказе МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» [14].

С учетом того, что девиация несовершеннолетнего во многом обусловлена восприятием вредоносной информации, которая формирует у ребенка идею о допустимости или даже желательности противоправного или иного асоциального поведения, подобные полномочия возможно разделить на следующие группы: а) надзорно-превентивные (например, проведение индивидуальной профилактической работы); б) охранительно-пресекающие (например, выявление лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступления и (или) антиобщественных действий); в) обеспечивающие (например, обработка и хранение полученных в ходе выполнения должностных обязанностей персональных данных).

В приведенную классификацию нами умышленно включены не все полномочия подразделений по делам несовершеннолетних, так как некоторые из них носят организационно-управленческий или административно-процедурный характер и не оказывают существенного влияния на степень защиты несовершеннолетних от воздействия вредоносной информации.

Примечательно, что соотношение норм рассматриваемого нормативного акта с утратившими силу приказами МВД России [15, 16] позволяет заключить, что формулировка и объем основных полномочий подразделений по делам несовершеннолетних за последние 23 года практически не изменились.

Уровень развития современных информационно-телекоммуникационных технологий и экономического благосостояния населения в России существенно изменился, вследствие чего трансформировались причины, условия и мотивы девиантного поведения несовершеннолетних. Если согласно Инструкции 2000 г. на одного сотрудника ПДН должны быть выделены компьютер, микрокалькулятор и телефонный аппарат или стационарная радиостанция, то сегодня для эффективного мониторинга уровня детской девиации инспектору требуются высокоскоростное подключение к сети Интернет, доступ к широкому перечню информационных ресурсов, в том числе баз и банков данных МВД России. Сотрудник подразделения по делам несовершеннолетних должен говорить с ребенком на одном языке, а значит, владеть современным компьютерным и молодежным сленгом, уметь производить сбор значимой информации в социальных сетях, квалифицировать правонарушения, связанные с негативным информационным воздействием на ребенка третьих лиц.

Следующими подразделениями полиции, имеющими специальные полномочия в сфере профилактики девиации и виктимности несовершеннолетних, являются центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, чей правовой статус определен в ст. 22 ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и приказе МВД России от 1 сентября 2012 г. № 839 «О совершенствовании деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей» [17]. Одной из основных задач данных центров является проведение индивидуальной профилактической работы с доставленными несовершеннолетними, выявление среди них лиц, причастных к совершению преступлений, и общественно опасных деяний, а также уста-

новление обстоятельств, причин и условий, способствующих их совершению, информирование об этом соответствующих органов внутренних дел и других заинтересованных органов и учреждений.

Подводя итог, выделим наиболее существенные выводы и замечания.

1. Защита несовершеннолетних от воздействия вредоносной информации органами внутренних дел осуществляется преимущественно в рамках административной деятельности, так как именно эта разновидность полицейской работы характеризуется регулирующей и профилактической направленностью, тогда как оперативно-розыскная и уголовно-процессуальная деятельность имеет дело с уже свершившимся правонарушением.

2. Соотнесение рассмотренной нормативной правовой базы административной деятельности полиции в сфере обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних с положениями ФЗ «О защите детей от информации» и принятыми в целях его исполнения подзаконными нормативными актами демонстрирует существенное рассогласование их терминологического аппарата. На сегодняшний день в России, несмотря на очевидность связи между восприятием ребенком вредоносной информации и его девиацией либо виктимизацией, подтверждение подобной связи отсутствует. Если для «полицейского права» характерны определения «профилактика правонарушений» или «пропаганда правовых знаний», то для информационно-правовых норм свойственно использование терминов «защита от информации», «оборот информационной продукции» и т.д. В связи с этим может сложиться ложное впечатление, что профилактика виктимности и деликтности несовершеннолетних не соотносится с противодействием негативному информационному воздействию на несовершеннолетнего, хотя взаимозависимость этих сфер очевидна.

3. Ретроспективное исследование правовой регламентации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних и центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей позволяет предполагать, что формулировка и объем основных превентивных полномочий за последние 23 года изменились незначительно. Уровень развития современных информационно-телекоммуникационных технологий и экономического благосостояния населения в России изменился, вследствие чего трансформировались причины, условия и мотивы девиантного поведения несовершеннолетних.

1. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федер. закон от 29 дек. 2010 г. № 436-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

2. Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации и признании утратившим силу Распоряжения Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-р: распоряжение Правительства РФ от 28 апр. 2023 г. № 1105-р. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

3. О средствах массовой информации: закон РФ от 27 дек. 1991 г. № 2124-1. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

4. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

5. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

6. Административная деятельность полиции: учеб.: в 2 ч. / под ред. М.Е. Труфанова и К.Д. Рыдченко. Краснодар, 2022. Ч. 1.

7. О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

8. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

9. Об утверждении положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: указ Президента РФ от 21 дек. 2016 г. № 699. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

10. О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения: указ Президента РФ от 15 июня 1998 г. № 711. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

11. Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

12. О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

1. On the protection of children from information that harms their health and development: feder. the law d.d. Dec. 29, 2010 No. 436-FZ. Access from the legal reference system "Garant".

2. On the approval of the Concept of Information Security of Children in the Russian Federation and the invalidation of the Decree of the Government of the Russian Federation dated 02.12.2015 No. 2471-r: decree of the Government of the Russian Federation d.d. Apr. 28, 2023 No. 1105-R. Access from the legal reference system "Garant".

3. On mass media: the Law of the Russian Federation d.d. Dec. 27, 1991 No. 2124-1. Access from the legal reference system "Garant".

4. On the basic guarantees of the rights of the child in the Russian Federation: feder. Law No. 124-FZ d.d. July 24, 1998. Access from the legal reference system "Garant".

5. About the basics of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency: feder. Law No. 120-FZ d.d. June 24, 1999. Access from the legal reference system "Garant".

6. Administrative activity of the police: textbook: in 2 parts / ed. by M.E. Trufanov and K.D. Rydchenko. Krasnodar, 2022. Part 1.

7. About the police: feder. law d.d. Feb. 7, 2011 No. 3-FZ. Access from the legal reference system "Garant".

8. On the basics of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency: feder. Law d.d. June 24, 1999 No. 120-FZ. Access from the legal reference system "Garant".

9. On approval of the Regulations on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Model Regulations on the Territorial Body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the subject of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation d.d. Dec. 21, 2016 No. 699. Access from the legal reference system "Garant".

10. On additional measures to ensure road safety: Decree of the President of the Russian Federation d.d. June 15, 1998 No. 711. Access from the legal reference system "Garant".

11. About the announcement of the Decade of Childhood in the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation d.d. May 29, 2017 No. 240. Access from the legal reference system "Garant".

12. On the Strategy of Comprehensive Child Safety in the Russian Federation for the period up to 2030: decree of the President of the Russian Federation d.d. May 17, 2023 No. 358. Access from the legal reference system "Garant".

13. Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года: распоряжение Правительства РФ от 23 янв. 2021 г. № 22-р. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

14. Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 15 окт. 2013 г. № 845. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

15. Об утверждении Инструкции по организации работы подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел: приказ МВД России от 26 мая 2000 г. № 569 (утратил силу). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

16. Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: приказ от 15 дек. 2010 г. № 860 (утратил силу). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

17. О совершенствовании деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей: приказ МВД России от 1 сент. 2012 г. № 839. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

13. On approval of the plan of the main activities carried out within the framework of the Decade of Childhood for the period up to 2027: decree of the Government of the Russian Federation d.d. Jan. 23, 2021 No. 122-r. Access from the legal reference system "Garant".

14. On approval of the Instructions on the organization of the activities of the juvenile affairs units of the internal Affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of the Interior of Russia d.d. Oct. 15, 2013 No. 845. Access from the legal reference system "Garant".

15. On approval of the Instructions on the organization of the work of the juvenile affairs units of the internal Affairs bodies: order of the Ministry of the Interior of Russia d.d. May 26, 2000 No. 569 (expired). Access from the legal reference system "Garant".

16. On approval of the Instructions on the organization of the activities of the juvenile affairs units of the Internal Affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of the Interior of Russia d.d. Dec. 15, 2010 No. 860 (expired). Access from the legal reference system "Garant".

17. On improving the activities of temporary detention centers for juvenile offenders: order of the Ministry of the Interior of Russia d.d. Sept. 1, 2012 No. 839. Access from the legal reference system "Garant".

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Динисламова Айза Зубаировна, адъюнкт кафедры административной деятельности ОВД Краснодарского университета МВД России; e-mail: kadovd@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A. Z. Dinislamova, Adjunct of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kadovd@yandex.ru

Куручкин Анатолий Васильевич

Соотношение норм партийного и парламентского законодательства на примере партийных фракций

Рассмотрены нормы, призванные упорядочить деятельность политических партий в Государственной Думе РФ, выделены некоторые дефекты правового регулирования данных отношений, а также сопоставлены юридические коллизии с предметом партийного и парламентского права. Выявлены противоречия между парламентским и партийным законодательством в части регламентации статуса партийных фракций и возможности правового ограничения форм и методов партийной деятельности. Проанализирована конструкция норм о партийных фракциях в Государственной Думе РФ. В результате установлен такой дефект права, как «мертвая норма», для устранения которого предложены варианты консолидации партийного и парламентского законодательства.

Ключевые слова: политические партии, партийное право, партийное законодательство, парламентское право, институт политических партий, парламентские фракции, партийные фракции.

Correlation between the norms of party and parliamentary legislation on the example of party factions

The author analyzed the rules on the activities of political parties in the State Duma of the Russian Federation, some defects in the legal regulation of these relations were identified, and legal conflicts were compared with the subject of party and parliamentary law. The author also managed to determine how legislative restrictions on the forms and methods of party activity are allowed. The structure of the norms on party factions in the State Duma of the Russian Federation was analyzed. As a result, the so-called "dead norm" was revealed. The author proposed options for eliminating this defect of law by consolidating party and parliamentary legislation.

Keywords: political parties, party law, party legislation, parliamentary law, institution of political parties, parliamentary factions, party factions.

Правовые нормы, призванные упорядочить отношения с участием российских политических партий, рассредоточены в разных законах, что предопределило формирование различных дефектов партийного права.

В отечественном правоведении недостатки правового регулирования принято рассматривать в трех плоскостях:

в качестве факторов, препятствующих развитию правоотношений [1, с. 83; 2, с. 151];

в качестве ошибок в применении юридической техники [3, с. 138; 4, с. 21];

в качестве формы рассогласованности норм, имеющих разную отраслевую или институциональную принадлежность [5, с. 10; 6, с. 72].

При этом ученые расходятся во мнении о назначении, целях и принципах партийного права в его соотношении со смежными подотраслями конституционного права, прежде всего с избирательным и парламентским правом.

Ряд авторов отмечают зависимость партийного права от сложившейся системы партийных правоотношений [7, 8], что наделяет законодательство исключительно формализующей функцией [9, 10]. Другие теоретики подчеркивают главенствующую роль правовых норм в регулировании партийной деятельности, обосновывая тем самым усиление государственного контроля над политической системой [11, 12]. В наиболее обобщенном виде данный подход сводит понимание политических партий до рамок специализированных организаций, обладающих особыми правами и обязанностями в политической сфере [13].

Консолидация в праве понимается как вид систематизации правовых норм и нормативных правовых актов, направленных на устранение дефектов правового регулирования посредством унификации [14, 15]. В более

широком смысле консолидация является способом устранения противоречий между правовыми нормами, регулируемыми однородные или смежные общественные отношения. Подобная трактовка в полной мере может быть спроецирована на партийные и парламентские правоотношения, находящиеся в тесной взаимосвязи.

Так, некоторые исследователи констатируют, что система парламентских правоотношений выступает продолжением партийной деятельности по достижению власти и публичному управлению [16, с. 63; 17, с. 480]. Другие авторы, не отрицая общую конституционно-правовую природу данных общественных отношений, отмечают их специфику и различия, что позволяет обосновать несоответствие источников правового регулирования [18, с. 57; 19, с. 53].

Проблема неконсолидированности норм о партийной деятельности в Государственной Думе РФ имеет институциональный характер. Так, при обращении к Регламенту Государственной Думы РФ [20] и Федеральному закону от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [21] (далее – Федеральный закон № 3-ФЗ) можно выявить отдельные несогласованные положения.

Непосредственно партиям в рассматриваемом законе посвящена ст. 7.1 об условиях функционирования фракций. В частности, Федеральный закон № 3-ФЗ регулирует деятельность фракций, которые сформированы из федерального списка кандидатов, допущенных до участия в парламентских выборах. Однако в п. 1 ст. 16 Регламента Государственной Думы РФ, помимо этого, под фракцией понимается также объединение депутатов-одномандатников, а в п. 1.1 ст. 16 детализированы специальные права депутатов, которые избраны от одномандатного округа, но выдвинуты политической партией.

Указанное дублирование норм можно рассматривать в качестве дефекта правового регулирования, поскольку именно Регламент призван упорядочить подобные отношения, которые одновременно подчинены устаревшим нормам, содержащимся в федеральном законе. Примечательно, что данные нормативные правовые акты являются источниками парламентского права, т.е. должны быть гармонизированы друг с другом и не вступать во внутренние противоречия.

Часть 3 ст. 7.1 Федерального закона № 3-ФЗ, регламентирующая деятельность думских фракций, имеет бланкетный характер, в том числе отсылая к нормам Федерального закона от 11 июля г. 2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» [22] (далее – Федеральный закон № 95-ФЗ). Изложенное фактически привело к такому дефекту права, как «мертвая норма», поскольку в содержании Федерального закона № 95-ФЗ не прослеживаются никаких условий деятельности партийных фракций. Напротив, эти правоотношения являются предметом регулирования парламентского законодательства.

Вместе с тем в Федеральном законе № 95-ФЗ сформулированы гарантии реализации субъективных прав партий, которые не представлены в Государственной Думе РФ, а равно в законодательных собраниях субъектов Российской Федерации. В то же время каких-либо иных норм, призванных урегулировать партийную деятельность в парламентском направлении, в анализируемом законе нет.

Указанная особенность обусловлена несоответствием предмета регулирования парламентского и партийного законодательства. Таким образом, можно предположить, что доминирующее в конституционно-правовой доктрине представление о политических партиях как о комплексном правовом институте [23; 24], не подтверждается коллизиями и пробелами в правовом регулировании партийной и парламентской деятельности.

Для преодоления выявленных противоречий достаточно определить правовые рамки между политическими партиями и парламентскими объединениями депутатов посредством корректировки соответствующих положений в Федеральном законе № 3-ФЗ и Регламенте Государственной Думы РФ. Одним из инструментов достижения баланса в правовом регулировании исключительно партийной деятельности является консолидация законодательства о политических партиях с парламентским законодательством в части выработки оптимального механизма партийного участия в организационных парламентских единицах.

В связи с этим ст. 7.1 Федерального закона № 3-ФЗ очевидным образом представляется негармонично структурированной, поскольку большинство ее частей посвящено особенностям партийного статуса депутата, входящего во фракцию. Между тем особенности сохранения партийного и фракционного положения члена политической партии должны оставаться

ся предметом внутривнутрипартийного регулирования. В противном случае нормы, регламентирующие данные правоотношения, должны устанавливаться исключительно партийным законодательством.

В частности, в п. 1 ст. 8 Федерального закона № 95-ФЗ подчеркивается, что партии свободны в определении форм и методов своей деятельности, если какое-либо ограничение не установлено этим же нормативным актом. Примечательно, что возможность ограничительного воздействия на партийную деятельность (в том числе в парламентских формах) может быть закреплена не любым федеральным законом, к которому, например, относится Федеральный закон № 3-ФЗ, а лишь Федеральным законом № 95-ФЗ. Иначе п. 1 ст. 8 Федерального закона № 95-ФЗ должен быть скорректирован и изложен в следующем виде: «Политические партии свободны в определении своей внутренней структуры, целей, форм и методов деятельности, за исключением ограничений, установленных федеральным законом».

Другим аспектом в соотношении партийного и парламентского законодательства является правовой статус депутата и сенатора, состоящий из системы прав и обязанностей. Так, ч. 2.3 ст. 6 Федерального закона № 3-ФЗ содержит, по существу, одно субъективное право, разделенное на два механизма реализации. Это право на участие в управлении некоммерческими организациями, к числу которых относятся политические партии.

Ключевым условием реализации парламентариями данного права служит безвозмездный характер участия в некоммерческих организациях. При этом единственное отличие заключается в наличии или отсутствии необходимости предварительного уведомления палаты Федерального Собрания РФ.

В частности, если депутат и сенатор участвуют в управлении политической партией, то не возникает юридической обязанности уведомления об этом факте. Напротив, при схожем участии в управлении другими некоммерческими организациями, не указанными в п. «а» ч. 2.3 ст. 6 Федерального закона № 3-ФЗ, такое уведомление становится обязательным.

В обобщенном виде можно признать, что депутат и сенатор имеют право участвовать в управлении любыми некоммерческими организациями при условии уведомления об этом соответствующей палаты Федерального Собрания РФ, если иное не установлено законом.

В качестве исключения выступает участие депутата и сенатора в управлении политической партией, профессиональным союзом, жилищным, жилищно-строительным и гаражным кооперативом, товариществом собственников недвижимости. Что касается участия в аналогичной деятельности общественных организаций, то п. «а» ч. 2.3 ст. 6 Федерального закона № 3-ФЗ содержит особую оговорку, которая сужает его до съезда (конференции) или общего собрания данных видов юридических лиц.

Изложенное позволяет утверждать, что право на участие в управлении некоммерческими организациями депутат и сенатор могут реализовать посредством трех механизмов, которые зависят от организационно-правовой формы юридического лица:

без ограничений в отношении политической партии и некоммерческих кооперативов, а также товарищества собственников жилья;

с ограничением форм такого участия до определенных органов управления в отношении общественных организаций;

с ограничением самого участия в виде обязанности уведомления палат парламента.

Примечательно, что в нормах Федерального закона № 95-ФЗ данные ограничения не регулированы, хотя они предполагаются во внутривнутрипартийных отношениях. В частности, в п. 3 ст. 10 определен круг лиц, которые не вправе реализовывать интересы политической партии в силу своего членства в ней непосредственно в служебной и профессиональной деятельности (публичные служащие, государственные и муниципальные должностные лица). Исключение составляют депутаты всех уровней, которые могут быть связаны партийными решениями. В силу этого возникает вопрос о возможности политической партии устанавливать иные ограничения на фоне тех, которые определены в ч. 2.3 ст. 6 Федерального закона № 3-ФЗ в отношении депутатов, состоящих в партийном членстве.

Кроме того, в п. 3 ст. 10 Федерального закона № 95-ФЗ не названы сенаторы в качестве лиц, на которых очевидным образом могут распространяться решения политической партии, в том числе посвященные непосредственной парламентской деятельности.

Предполагается, что указанные вопросы должны регулироваться во внутривнутрипартийном механизме, а не нормами законодательства с учетом того, что уведомление соответствующей палаты Федерального Собрания РФ носит

преимущественно информационный, а не ограничительный характер. Данный факт позволяет констатировать, что приведенный пример из парламентского законодательства демонстрирует избыточность правового регулирования и вмешательства государства в партийную деятельность.

Таким образом, можно сделать вывод, что в российском законодательстве назрела потребность в консолидации партийного и парламентского права для устранения ряда коллизий и минимизации негативных последствий влия-

ния образовавшихся дефектов правового регулирования («мертвых норм», диссиметрии, дублирования и т.д.). На первом этапе систематизации норм права достаточно провести разграничение между предметом регулирования проанализированных федеральных законов, а именно решить вопрос о возможности политических партий самостоятельно регулировать статус своих членов в парламентских фракциях либо перенести данную группу правоотношений в плоскость партийного законодательства.

1. Кожокар И.П. Неполнота правовой регламентации как дефект системы российского права // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2019. № 5. С. 82–87.

2. Милинчук Д.С. Правовая неопределенность в системе дефектов права // *Государственно-правовые исследования*. 2021. № 4. С. 149–152.

3. Кутафин О.Е. Пробелы, аналогия и дефекты в конституционном праве // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2016. № 9(25). С. 134–149.

4. Рязанова М.Н. Виды дефектов права: к истории проблемы // *Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия*. 2021. Т. 17. С. 18–24.

5. Овсепян Ж.И. Пробелы и дефекты как категории конституционного права // *Конституционное и муниципальное право*. 2007. № 15. С. 10–17.

6. Шарнина Л.А. Усмотрение в конституционном праве: границы между допустимым средством упорядочение общественных отношений и правовым дефектом // *Вестник Московского университета*. Сер. 11: Право. 2018. № 6. С. 67–79.

7. Решетников О.М. О партийном праве // *Актуальные проблемы современной науки*. 2014. № 5(79). С. 55–56.

8. Писарев А.Н. Совершенствование правового положения политических партий в Российской Федерации с учетом зарубежного опыта партийного строительства // *Российское государственное управление*. 2017. № 2. С. 18–30.

9. Берляевский Л.Г., Махова А.В. Роль избирательного законодательства в эволюции российской партийной системы // *Избирательное законодательство и практика*. 2019. № 4. С. 3–9.

1. Kozhokar I.P. Incompleteness of legal regulation as a defect in the system of Russian law // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2019. No. 5. P. 82–87.

2. Milinchuk D.S. Legal Uncertainty in the System of Law Defects // *State Legal Research*. 2021. No. 4. P. 149–152.

3. Kutafin O.E. Gaps, analogy and defects in constitutional law // *Bulletin of the O.E. Kutafin (MSUA)*. 2016. No. 9(25). P. 134–149.

4. Ryzanova M.N. Types of law defects: to the history of the problem // *Scientific notes of the Kazan branch of the Russian State University of Justice*. 2021. Vol. 17. P. 18–24.

5. Ovsepyan Zh.I. Gaps and defects as categories of constitutional law // *Constitutional and municipal law*. 2007. No. 15. P. 10–17.

6. Sharnina L.A. Discretion in constitutional law: the boundaries between the permissible means of ordering public relations and legal defect // *Moscow University Bulletin. Ser. 11: Right*. 2018. No. 6. P. 67–79.

7. Reshetnikov O.M. On party law // *Actual problems of modern science*. 2014. No. 5(79). P. 55–56.

8. Pisarev A.N. Improving the legal status of political parties in the Russian Federation, taking into account the foreign experience of party building // *Russian State Studies*. 2017. No. 2. P. 18–30.

9. Berlyavsky L. G., Makhova A. V. The role of the electoral legislation in the evolution of the Russian party system // *Electoral legislation and practice*. 2019. No. 4. P. 3–9.

10. Nikiforov A.Yu. Development of party legislation in Russia (late XX – early XXI centuries) // *Legal state: theory and practice*. 2015. No. 3(41). P. 34–38.

11. Kleshchar E.A. The role of law in the formation of the party system of modern Russia // *Legal Thought*. 2009. No. 1(51). P. 41–45.

10. Никифоров А.Ю. Развитие партийного законодательства в России (конец XX – нач. XXI вв.) // *Правовое государство: теория и практика*. 2015. № 3(41). С. 34–38.
11. Клещарь Е.А. Роль права в формировании партийной системы современной России // *Юридическая мысль*. 2009. № 1(51). С. 41–45.
12. Долгих Ф.И. Партийное право в системе российского права // *Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал*. 2015. № 5. С. 8–12.
13. Головинов А.В. Особенности реализации конституционного принципа идеологического многообразия в законодательстве о политических партиях // *Известия Алтайского государственного университета*. 2016. № 3(91). С. 43–46.
14. Зарьков Д.С. Соотношение и взаимосвязь консолидации с другими формами систематизации законодательства // *Право и государство: теория и практика*. 2020. № 4(184). С. 11–13.
15. Реутов В.П., Ваньков А.В. К вопросу о консолидации как форме систематизации законодательства // *Право и современные государства*. 2013. № 3. С. 16–20.
16. Кошель А.С. Конституционно-правовые основы парламентского права России // *Lex Russica (Русский закон)*. 2019. № 1(146). С. 62–69.
17. Ерыгина В.И. Правовые ограничения в избирательном и парламентском праве как средство защиты общественных интересов // *Юридическая техника*. 2018. № 12. С. 480–483.
18. Коновалова Л.Г. Источники парламентского права: дискуссионные вопросы конституционно-правовой теории // *Алтайский вестник государственной и муниципальной службы*. 2018. № 16. С. 57–60.
19. Булаков О.Н. Парламентское право России: место в правовой системе // *Образование и право*. 2020. № 9. С. 51–54.
20. О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22 янв. 1998 г. № 2134-II ГД (ред. от 28.02.2023) // *Собр. законодательства РФ*. 1998. № 7. ст. 801; 2023. № 10. ст. 1618.
21. О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федера-
12. Dolgikh F.I. Party law in the system of Russian law // *Business in law. Economic and legal journal*. 2015. No. 5. P. 8–12.
13. Golovinov A.V. Features of the implementation of the constitutional principle of ideological diversity in the legislation on political parties // *Bulletin of the Altai State University*. 2016. No. 3(91). P. 43–46.
14. Zarkov D.S. Correlation and relationship of consolidation with other forms of systematization of legislation // *Law and State: Theory and Practice*. 2020. No. 4(184). P. 11–13.
15. Reutov V.P., Vankov A.V. On the issue of consolidation as a form of systematization of legislation // *Law and Modern States*. 2013. No. 3. P. 16–20.
16. Koshel A.S. Constitutional and legal foundations of Russian parliamentary law // *Lex Russica (Russian Law)*. 2019. No. 1(146). P. 62–69.
17. Erygina V.I. Legal restrictions in electoral and parliamentary law as a means of protecting public interests // *Legal Technique*. 2018. No. 12. P. 480–483.
18. Konovalova L.G. Sources of parliamentary law: debatable issues of constitutional and legal theory // *Altai Bulletin of the State and Municipal Service*. 2018. No. 16. P. 57–60.
19. Bulakov O.N. Parliamentary law of Russia: a place in the legal system // *Education and law*. 2020. No. 9. P. 51–54.
20. On the Rules of Procedure of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: decree of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation d.d. Jan. 22, 1998 N 2134-II GD (as amended on 28.02.2023) // *Coll. legislation of the Russian Federation*. 1998. No. 7. Art. 801; 2023. No. 10. Art. 1618.
21. On the status of a member of the Federation Council and the status of a deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: fed. law d.d. May 8, 1994 No. 3-FZ (as amended on 06.02.2023) // *Coll. legislation of the Russian Federation*. 1994. No. 2. Art. 74; 2023. No. 6. Art. 919.
22. On Political Parties: fed. law d.d. July 11, 2001 No. 95-FZ (as amended on 05.12.2022) // *Coll. legislation of the Russian Federation*. 2001. No. 29. Art. 2950; 2022. No. 50 (Part III). Art. 8792.
23. Puzentsova Yu.A. Constitutional and legal regulation of the institute of public associations and political parties in the Russian Federation // *Agrarian and land law*. 2020. No. 10(190). P. 7–11.

ции: федер. закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ (ред. от 06.02.2023) // Собр. законодательства РФ. 1994. № 2. ст. 74; 2023. № 6. ст. 919.

22. О политических партиях: федер. закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 29. ст. 2950; 2022. № 50 (Ч. III). ст. 8792.

23. Пузенцова Ю.А. Конституционно-правовое регулирование института общественных объединений и политических партий в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2020. № 10(190). С. 7–11.

24. Головин А.Г. Политические партии как один из институтов, обеспечивающих реализацию права граждан Российской Федерации участвовать в управлении делами государства // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 8. С. 2–6.

24. Golovin A.G. *Political parties as one of the institutions that ensure the implementation of the right of citizens of the Russian Federation to participate in managing the affairs of the state* // *Constitutional and municipal law*. 2008. No. 8. P. 2–6.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Курочкин Анатолий Васильевич, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры конституционного, административного и международного права Набережночелнинского института Казанского федерального университета; e-mail: Kurochkin.tolik@bk.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.V. Kurochkin, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional, Administrative and International Law of the Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University; e-mail: Kurochkin.tolik@bk.ru

Савченко Марина Станиславовна
Опарин Виталий Николаевич

Правовая культура в условиях социокультурных и социокоммуникативных трансформаций общества

В статье отмечается, что правовая культура является одним из ключевых элементов системы социокультурной регуляции общества. Потенциал правовой культуры в аспекте обеспечения социального порядка и стабильности общества весьма высок, однако в период масштабных трансформаций социальной системы институциональные функции правовой культуры могут нивелироваться. Развитие информационно-компьютерных технологий формирует новые условия для культуры предпринимателей, которые одновременно можно рассматривать и как угрозы, и как перспективы развития.

Ключевые слова: общество, государство, право, правовая культура, социальный порядок, социокультурные и социокоммуникативные трансформации, угрозы и риски.

Legal culture in the context of socio-cultural and sociocommunicative transformations of society

The article notes that legal culture is one of the key elements of the system of sociocultural regulation of society. The potential of legal culture in the aspect of ensuring social order and stability of society is very high, however, in the period of large-scale transformations of the social system, the institutional functions of legal culture can be leveled. The development of information and computer technologies is creating new conditions for an entrepreneurial culture, which can simultaneously be considered both threats and prospects for development.

Keywords: society, state, law, legal culture, social order, sociocultural and sociocommunicative transformations, threats and risks.

Правовая культура – один из основных элементов системы социокультурной регуляции поведения людей. Правовая культура, укореняясь в сознании граждан, оказывает мягкое воздействие на их социальные практики, достигает эффектов добровольного, осознанного, зачастую инициативного следования нормам права. Правовая культура является объектом изучения различных общественных наук. В связи с этим вполне закономерно, что в современном научном дискурсе представлено множество различных трактовок понятия «правовая культура».

По мнению Л.А. Петручак, правовая культура представляет собой «исторически сложившуюся, обусловленную экономическим, политическим, социальным и духовным уровнем развития общества разновидность культуры, которая материализуется в формировании, передаче, сохранении правовых ценностей, служащих ориентиром юридически значимого поведения, и представляет собой качественное состояние правовой системы, степень правового развития личности и общества» [1,

с. 55]. Согласно данному определению правовая культура выступает элементом более сложной системы культуры, в свою очередь, тесно связанной с обществом в качестве одного из ключевых социальных институтов. Такое позиционирование правовой культуры соответствует интегративному социокультурному междисциплинарному подходу.

С.В. Куклин полагает, что правовая культура представляет собой «состояние правовой жизни общества, обусловленное политическим и социально-экономическим строем, которое выражается в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридической техники, и правосознания субъектов» [2, с. 78]. Такое понимание правовой культуры акцентирует внимание на государственно-правовой сфере жизни общества. В данном ракурсе анализа правовая культура выполняет вспомогательную роль в функционировании государства и «позитивного» права. Сходная смысловая направленность прослеживается и в определении правовой культуры, сформулированном Е.В. Богатовой: «это качественные характе-

ристики социальных и правовых ценностей и предписаний, которые, в определенной мере являясь правовыми средствами, обеспечивают эффективное достижение личностью, общественными объединениями, иными участниками правоотношений своих прав, свобод и законных интересов, а также выполнение (соблюдение) возложенных на них обязанностей (запретов)» [3, с. 32].

В целом среди множества подходов к определению правовой культуры выделяются широкий и узкий. Исследователи указывают на то, что в первом случае «правовая культура – это все то, что было создано человеком в правовой сфере (например, право, правовая наука, правосознание и т.д.). Соответственно, уровень правовой культуры определяет состояние юридической науки, уровень разработанности различных нормативно-правовых актов, состояние законности и правопорядка, которое присуще для государства» [4, с. 23]. В то же время согласно узкому подходу правовая культура рассматривается «в качестве уровня знаний права различными членами общества, поэтому она воспринимается как развитие у них уважительного отношения к праву и закону» [4, с. 24].

В целом анализ множества различных определений правовой культуры не позволяет прийти к однозначному выводу о формировании устойчивого непротиворечивого понимания данного общественного явления. Даже отнесение правовой культуры либо к аполитической, либо к социальной и духовной сферам является свидетельством существенной дифференциации во взглядах ученых. Как представляется, основная гносеологическая проблема состоит в том, что изучение правовой культуры происходит в междисциплинарном ракурсе, вследствие чего становятся неизбежными противоречия в позиционировании данного явления, в том числе по причине существенных различий в используемой методологии и методах анализа.

В настоящее время правовая культура серьезным образом интегрирована именно в духовную сферу общества. Посредством правовой культуры во многом происходит формирование личностной системы социокультурных координат, что в дальнейшем предопределяет склонность человека к правомерному или отклоняющемуся поведению. Механизм действия правовой культуры непосредственно связан с ее содержанием, где ключевую роль играют ценности, идеалы, идеологии, мировоззренческие комплексы, социальные чувства, обусловленные правовым пониманием и отношением

к праву. Посредством правовой культуры право маркируется в системе координат личности с рациональной и эмоциональной точки зрения (при этом их соотношение глубоко индивидуально). В случае различных проявлений дисфункциональности как на этапе становления правовой культуры, так и в процессе ее развития наблюдаются деструктивные явления. По мнению Л.А. Петручак, речь идет о своеобразном «антиподе правовой культуры, объединяющем разнообразные формы проявления, в том числе правовой нигилизм, правонарушения, коррупционные проявления, технико-юридические дефекты законодательства, юридические ошибки и др., которые отрицательно влияют на уровень эффективности права и состояние правопорядка» [1, с. 72].

Деструктивные явления в сфере правовой культуры имеют достаточно давнюю историю. Однако в последние десятилетия в связи с глубокими трансформациями социума усилилось действие именно макросоциальных факторов на состояние правовой культуры. Современное общество, именуемое в том числе «обществом постмодерна», демонстрирует «разрушительные тенденции в неудержимой нацеленности homo economicus на рост экспансии человека в отношениях с природой, ее полное подчинение потребностям человека – представителя «золотого миллиарда». В то же время постмодерн выявляет структуры власти, которая в новых – знаково-символических – формах доминирует над психикой и поведением масс» [5, с. 8].

Происходящие трансформации существенно изменяют систему социальной коммуникации. Нередко исследователи констатируют общее состояние неопределенности, информационного вакуума, хаоса ценностно-нормативных оценок и т.п. Это происходит в условиях «цифровизации» социума, информатизации его основных сфер и подсистем. Как отмечает И.Л. Честнов, в современном обществе на передний план выходит «принцип неопределенности, характеризующий ситуацию постмодернити. Этот принцип ограничивает возможности человеческого разума по описанию, объяснению, предсказанию и преобразованию социального мира. Социальная реальность (включая, конечно, и правовой ее момент, аспект), определяемая существующими сегодня социальными представлениями, принципиально вероятностна, нестабильна и сложна, подвержена рискам саморазрушения» [6, с. 812].

Одной из основных причин развития социокультурной неопределенности, непосредственно воздействующей на состояние правовой

культуры, является коммуникативный парадокс общества постмодерна. На фоне интенсификации информационно-коммуникационных процессов нарастает «хаос» мировосприятия у отдельной личности. Это происходит под воздействием информационной перегрузки, информационной энтропии и т.п. В таких условиях полноценное усвоение правовой культуры становится все менее вероятным. Представления о праве у современного человека все более фрагментарны и противоречивы, как и сама картина мира. В связи с этим французский социолог А. Моль еще во второй половине XX в. выдвинул тезис о фрагментарности, мозаичности человеческого восприятия. Сознание человека все больше напоминает «лохмотное одеяло», так как получение частичных, противоречивых сведений способствует кризису мировосприятия [7].

Сходный образ мыслей демонстрировал и Э. Тоффлер. Его концепция «блип-культуры» состоит в том, что многочисленные акты социальной коммуникации реализуются в современном обществе в текучей, бессвязной, парадоксальной форме. Мировосприятие человека постиндустриального общества мозаично, фрагментарно, что является следствием именно блип-культуры [8]. В результате сложившейся ситуации сознание людей воспринимает окружающую действительность, в том числе правовую, с определенным искажением. Ненадежность, противоречивость, низкое качество, а порой и «вредоносность» информации в век информационных технологий и общества постмодерна ведет к распространению манипулятивных и пропагандистских технологий, искажению мировосприятия. В общественном дискурсе наличествует множество слухов, заблуждений, стереотипов, дезинформации и т.п. В связи с этим общая ситуация в коммуникационной системе общества постмодерна не соответствует полноценному усвоению права как социокультурного феномена, а следовательно, и формированию правовой культуры.

Еще одной проблемой современного общества постмодерна становится виртуализация социального пространства. Виртуальные коммуникационные системы, опирающиеся на информационно-компьютерные технологии и глобальную сеть Интернет, оказывают существенное воздействие на сознание людей. С точки зрения С.С. Православского, «развитие коммуникационных технологий, выразившееся в улучшении каналов связи и совершенствовании пользовательских интерфейсов, привело к расширению спектра возможностей

коммуникации. Современные социальные сети предлагают еще более широкий набор коммуникационных инструментов. Фактически сетевая коммуникация, проходящая в виртуальном пространстве, стала настолько успешной и востребованной, что само это лишенное пространственности пространство стало составлять конкуренцию реальному пространству» [9, с. 107].

Вместе с тем для полноценного формирования правовой культуры у человека ему требуется более-менее четкая картина мира. Как известно, право – один из наиболее сложных объектов для усвоения обыденным сознанием. Фрагментация информации, манипулятивные технологии, информационная перегрузка и другие негативные явления современности приводят к генезису барьеров на пути освоения правовой информации и, соответственно, негативно воздействуют на формирование и развитие правовой культуры.

Институт государства в настоящее время оказывается в весьма сложном положении. С одной стороны, система государственного управления нацелена на преодоление проблем, связанных с уровнем правовой информации. С другой стороны, речь идет об объективных факторах, в результате действия которых наблюдаются эти негативные эффекты. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что запретительно-ограничительный комплекс мер, выполняемый государством с позиций принуждения к исполнению норм права, должен применяться дозированно и весьма осторожно, так как правовая культура выступает в качестве добровольной и осознанной установки человека относительно права и института государства. Чрезмерное использование возможностей запретов и принуждений может привести к обратному эффекту.

Помимо информационной перегрузки и захламленности, проблемой является злоупотребление свободой информационного обмена со стороны коммуникаторов, которые благодаря развитию интернет-технологий получили доступ к общемировой глобальной сети. Подобная ситуация способствовала широкому распространению в общественном дискурсе информации, продвигающей криминальные, антисоциальные, антигосударственные идеи и установки. Принимая форму произведений массовой культуры, ведения блогов, сетевой активности, такая информация влияет на восприятие права как феномена духовной жизни общества и, безусловно, способствует деформации правовой культуры.

Подводя некоторые итоги, следует подчеркнуть, что правовая культура в условиях социокультурных и социокоммуникативных трансформаций общества претерпевает существенные изменения. Это касается прежде всего не столько содержательного облика предпринимательской культуры, который остается в целом достаточно стабильным, сколько социального, духовного и коммуникативного контекстов, в которых она актуализируется. Государство и право выступают в качестве основных институциональных структур, от которых зависят социальный порядок и стабильность социума. В обществе постмодерна кардинальных изменений положения государства и права не произошло. Положение правовой культуры, находящейся в тесной взаимосвязи с государством и правом, также не претерпело серьезных корректировок. В то же время наблюдаются некоторые достаточно тревожные тенденции, которые свидетельствуют о начале активизации деструктивных процессов, способных при определенных условиях в будущем создать серьезные риски для правовой системы в целом и правовой культуры в частности. В первую очередь меняются духовная сфера общества и ее основные элементы: образование, наука, искусство, право и т.д. Прежние модели образования и социализации подрастающих поколений уже не позволяют достичь целей полноценного формирования правовой культуры на основе правовых знаний. Более того, ряд элементов духовной сферы нередко выглядит дисфункциональным по отношению к процессу формирования правовой культуры. Так, массовая культура, общее образо-

вание периодически транслируют установки и практики криминального мира. Кроме того, серьезный кризис испытывает и коммуникационная система общества. Возникшие в последние десятилетия информационная неопределенность, перегрузка, захламленность информацией ведут к генезису искаженных представлений о социальных явлениях, в том числе относительно правовой культуры. Помимо этого, существенные изменения в сфере социальных коммуникаций приводят к трансформации социокультурной реальности. Имеют место виртуализация, фрагментация, мозаичность культурной жизни социума. Это также создает риски для правовой культуры, которая тесным образом связана с системой культуры общества. Описанная проблемная ситуация, безусловно, нуждается в эффективных государственно-управленческих решениях, которые должны приниматься с учетом специфики правовой культуры. Отличительной чертой правовой культуры выступает ее принятие гражданами на основе добровольности и осознанной необходимости как для себя, так и для общества в целом. В этом аспекте попытки применения принудительной силы государства, системы государственной политики относительно воспитания, в частности правового, могут привести как к позитивным, так и к негативным эффектам. Существенной проблемой в настоящее время выступает наличие системы принятия управленческих решений без учета мнений, оценок, установок самих носителей правовой культуры, а также категории населения, которая только начинает осваивать правовую культуру.

1. Петручак Л.А. *Правовая культура современного российского общества: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.*

2. Куклин С.В. *Правовая культура и правовое мышление в современном обществе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2017. № 4. С. 75–83.*

3. Богатова Е.В. *Правовая культура: статика и динамика понимания // Философия права. 2017. № 4. С. 30–34.*

4. Бялт В.С., Демидов А.В. *Правовая культура общества: теоретико-правовая характеристика // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 1. С. 19–26.*

5. Честнов И.Л. *Право в контексте культуры постмодерна // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 2. С. 4–16.*

1. Petrushak L.A. *Legal culture of modern Russian society: theoretical and legal research: diss. ... Dr of Sciences in Jurisprudence. Moscow, 2012.*

2. Kuklin S.V. *Legal culture and legal thinking in modern society // Bulletin of the South Ural State University. Ser.: Law. 2017. № 4. P. 75–83.*

3. Bogatova E.V. *Legal culture: statics and dynamics of understanding // Philosophy of Law. 2017. № 4. P. 30–34.*

4. Byalt V.S., Demidov A.V. *Legal culture of society: theoretical and legal characteristics // Leningrad juridical journal. 2018. № 1. P. 19–26.*

5. Chestnov I.L. *Law in the context of postmodern culture // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2002. № 2. P. 4–16.*

6. Chestnov I.L. *Legal Policy in the Postmodern Situation // Legal Technique. 2015. № 9. P. 809–817.*

6. Честнов И.Л. *Правовая политика в ситуации постмодерна* // *Юридическая техника*. 2015. № 9. С. 809–817.

7. Моль А. *Социодинамика культуры* / пер. с фр., предисл. Б.В. Бирюкова. 3-е изд. М., 2008.

8. Тоффлер Э. *Третья волна*. М., 2010.

9. Православский С.С. *Трансформация социальной коммуникации в информационном обществе* // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2014. № 4. С. 105–109.

7. Mol A. *Sociodynamics of culture* / transl. from fr., foreword. B.V. Biryukov. 3rd. ed. Moscow, 2008.

8. Toffler E. *The Third Wave*. Moscow, 2010.

9. Pravoslavsky S.S. *Transformation of social communication in the information society* // *Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East*. 2014. № 4. P.105–109.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Савченко Марина Станиславовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и международного права Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина; e-mail: savchenkoa@bk.ru;

Опарин Виталий Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и международного права Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина; e-mail:oparin_05@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

M.S. Savchenko, Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Chief of the Department of State and International Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, e-mail: savchenkoa@bk.ru;

V.N. Oparin, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of State and International Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, e-mail: oparin_05@mail.ru

Самойлов Сергей Фёдорович
Дудко Алексей Сергеевич

Политическая предыстория возникновения запрещенной террористической организации полк «Азов»*

В статье рассматривается актуальная для исследований современного экстремизма проблема раскрытия предпосылок возникновения запрещенной в Российской Федерации террористической организации полк «Азов». Анализируются как собственно политические, так и идеологические предпосылки ее возникновения.

Ключевые слова: праворадикализм, национализм, «Спадщина», студенческое братство, объединение «Свобода» (организация, запрещенная на территории Российской Федерации).

The political background of the emergence of the banned terrorist organization Azov Regiment

The article deals with the problem of revealing the prerequisites for the emergence of the Azov Regiment, a terrorist organization banned in the Russian Federation, which is relevant for the research of modern extremism. Both the actual political and ideological prerequisites for the emergence of this terrorist organization are analyzed.

Keywords: right-wing radicalism, nationalism, "Spadshchina", student fraternity, association "Svoboda".

Противодействие угрозе, создаваемой националистическими формированиями на территории Украины, не может быть реализовано без подробного раскрытия предпосылок возникновения соответствующих объединений экстремистского и террористического характера, в частности полка «Азов» (организация, запрещенная на территории Российской Федерации). Такого рода знание позволит осуществлять профилактику появления экстремистских организаций на ранних стадиях.

Возникновение полка «Азов» (организация, запрещенная на территории Российской Федерации) напрямую связано с новейшим этапом развития украинского праворадикализма (конец 80-х гг. XX в.). Указанный феномен обусловлен в первую очередь политикой демократизации и гласности советского общества, которая, помимо целого ряда положительных моментов, спровоцировала рост националистических и сепаратистских настроений практически во всех союзных республиках. В Украинской ССР эпицентром националистических

и сепаратистских настроений стали области Западной Украины, в особенности город Львов. Во многом данное обстоятельство объясняется рядом исторических причин:

долгим нахождением данных областей в Австро-Венгерской империи (1772–1918 гг.) и Второй Речи Посполитой (1919–1939 гг.);

существованием на данных территориях в течение долгого времени украинской праворадикальной традиции;

сохранением исторической памяти о националистическом украинском движении, связанной с террористической деятельностью и партизанской войной, ведшейся ОУН (организация, запрещенная на территории Российской Федерации) и УПА (организация, запрещенная на территории Российской Федерации) как против Польши, так и против Советского Союза;

существованием на Западе значительной украинской иммиграции, героизировавшей террористическую деятельность ОУН (организация, запрещенная на территории Российской Федерации) и УПА (организация, запрещенная на территории Российской Федерации);

высокой степенью религиозности населения данных территорий и широким использованием праворадикально настроенными силами религиозного фактора для пропаганды и распространения националистических идей;

наличием большого числа ветеранов ОУН (организация, запрещенная на территории

* В определении от 2 августа 2022 г. № АКПИ22-411С (вступило в силу 10 сентября 2022 г.) Верховный Суд РФ вынес решение «признать украинское военизированное националистическое объединение "Азов" (другие используемые наименования: батальон "Азов", полк "Азов") террористической организацией и запретить его деятельность на территории Российской Федерации»

Российской Федерации) и УПА (организация, запрещенная на территории Российской Федерации), а также лиц, пострадавших от политических репрессий, и их родственников.

Следует подчеркнуть, что существовавшая на территориях Западной Украины серьезная поддержка со стороны населения была использована праворадикально настроенными силами в полной мере, в силу чего националистическая идеология стала активно распространяться во многих других регионах Украины, включая русскоязычные области.

Первоначально праворадикальные идеи распространялись в форме «классического» интегрального национализма. По этой причине политические организации, из которых в итоге вырос полк «Азов» (организация, запрещенная на территории Российской Федерации), опирались на идеи социал-национализма, который в указанный период еще не был сформирован. Вместе с тем в первичных политических формах будущих социал-националистических организаций четко прослеживается идея необходимости радикализации интегрального национализма и главное – перехода от идеологической к реальной политической борьбе, а также насильственному свержению еще действовавшей Советской власти.

Полк «Азов» (организация, запрещенная на территории Российской Федерации) ведет свою историю от организации украинской молодежи «Спадщина» (Наследие), в числе первых участников которой был Андрей Порубий – один из лидеров Евромайдана и государственного переворота 2013–2014 гг. В идеологии и политической практике организация украинской молодежи «Спадщина» позиционировала себя в качестве прямой наследницы ОУН-УПА (организация, запрещенная на территории Российской Федерации). Помимо идеологической преемственности ОУН-УПА (организация, запрещенная на территории Российской Федерации), «Спадщина» стремилась к установлению непосредственной связи с бандеровским движением. По этой причине организация привлекала к идеологической работе бывших участников ОУН-УПА (организация, запрещенная на территории Российской Федерации).

Несмотря на подчеркнутую преемственность традиций украинского национализма, его идеологии, символики и социально-политической стратегии, большое влияние на организацию украинской молодежи «Спадщина» (Наследие) оказал немецкий национал-социализм. Внешними проявлениями воздействия идей национал-социализма на организацию украинской молодежи «Спадщина» следует признать:

название организации («Наследие»), которое отсылает к одной из организационных структур НСДАП – «Аненербе» – государственной структуре третьего рейха, отвечавшей за псевдоисторическое и псевдонаучное превосходство арийской расы;

использование организацией в качестве символа графического изображения, близкого к «балочному кресту» вермахта;

принятие в качестве девиза организации лозунга «Украина превыше всего», являвшегося подражанием лозунгу немецких националистов «Германия превыше всего»;

ориентация организации на ведение уличных боев, что сближает ее с штурмовыми отрядами (СА);

ориентация на так называемые традиционные ценности, которые противопоставлялись идеалам коммунистической идеологии и имели иррационалистический характер, свойственный мировоззрению фашизма в целом и НСДАП;

ярко выраженный антикоммунистический характер идеологии организации, который в полной мере соответствовал программе НСДАП.

Смысл существования организации украинской молодежи «Спадщина» заключался в идеологической и физической подготовке молодежи к будущей вооруженной борьбе с советской властью. В реальных социально-политических условиях эта борьба принимала форму противостояния с сотрудниками правоохранительных органов во время проведения многочисленных националистических митингов. Такого рода противостояние требовало особой физической подготовки, которая осуществлялась в рамках спортивных секций. Наибольшую известность получила школа боевого гопака, изобретенная В. Пилатом. Данное боевое искусство было заимствовано у «Спадщины» другими националистическими организациями.

Следует подчеркнуть, что в конце 1980-х – начале 1990-х гг. ОУМ «Спадщина» являлась одной из значительного числа националистических организаций и групп, возникших во Львове и в других крупных городах Западной Украины, среди которых особо следует выделить следующие радикальные объединения:

«Варта руха»;

Львовское «Студенческое братство»;

Украинские ветераны Афганистана.

Самой влиятельной организацией того времени являлся Народный Рух Украины (организация, запрещенная на территории Российской Федерации), который объединял представителей различных идеологий, что делало данную организацию, с одной стороны, массовой, с другой – аморфной. Большую роль в организа-

ции данного общественно-политического движения играли советские диссиденты – участники Украинской Хельсинской группы. В целом украинское руководство Народного Руха Украины (организация, запрещенная на территории Российской Федерации) придерживалось национал-демократических взглядов.

Данная идеология воспринималась националистическими группами и организациями, входившими в состав Руха (организация, запрещенная на территории Российской Федерации), довольно скептически. Во многом это было связано с тем, что национал-демократия выступала с позиций либерально-демократических ценностей, т.е. умеренного национализма, тогда как романтизация ОУН-УПА (организация, запрещенная на территории Российской Федерации), характерная для львовских праворадикальных групп, предполагала наличие тоталитарных политических взглядов и приверженность насильственным методам борьбы.

Наиболее радикально настроенные лица в Народном Рухе Украины (организация, запрещенная на территории Российской Федерации) образовали в 1989 г. так называемую «Варту Руха», которая выполняла функции охранных отрядов данного общественно-политического объединения. Формально новую организацию возглавил Валерий Шмидт, однако подлинное руководство ею осуществлял студент-медик Юрий Криворучко, который в 1990 г. стал ее официальным лидером. Значительную роль в руководстве организации играл львовский психиатр, один из первых популяризаторов карате во Львове Ярослав Андрушків, отвечавший за спортивную (военную) подготовку ее членов.

Первоначально руководство и члены «Варты Руха» не интересовались идеологическими нюансами различных течений украинского национализма, свою задачу они видели в подготовке к будущей войне за независимость Украины. Согласно ряду источников, членом «Варты Руха» был будущий лидер Всеукраинского движения «Свобода» (организация, запрещенная на территории Российской Федерации) Олег Тягнибок, который в это время учился в медицинском институте и являлся одним из руководителей «Студенческого братства», активно участвовавшего в протестном движении. Однако по определенным причинам Олег Тягнибок и официальные историки партии «Свобода» (организация, запрещенная на территории Российской Федерации) отрицают данный факт.

«Варта Руха» представляла собой парамилитарную организацию, члены которой часто носили военную форму, в ее состав входили:

центральный штаб;

областные и районные штабы;

сотни;

четы;

рои.

Военной подготовкой членов организации руководили бывшие участники вооруженного конфликта в Афганистане, а сама организация активно занималась попытками приобрести оружие и созданием филиалов в других областях Западной Украины. Следует подчеркнуть, что далеко не во всех областях данного региона эти попытки увенчались успехом, однако организации удалось создать филиалы в Закарпатье, Волынской и Хмельницкой областях. При этом статус филиалов являлся спорным, поскольку «Варта Руха» оставалась львовской общественной организацией.

Наиболее резонансными акциями, осуществленными «Вартой Руха», стали:

участие в праздничных мероприятиях по поводу 500-летия украинского казачества (1990 г.);

попытка срыва посещения Патриархом Алексием II Софийского собора в Киеве (1990 г.);

митинг в честь памяти павших казаков в битве под Берестечком во время восстания Богдана Хмельницкого (1991 г.);

охрана торжественных мероприятий по возвращению на Украину председателя Украинской греко-католической церкви Мирослава Ивана Любавичевского (1991 г.).

В апреле 1990 г. один из лидеров Руха (организация, запрещенная на территории Российской Федерации) В.М. Черновол стал главой Львовского областного совета, что означало победу протестного движения на Западе Украины. На территории Львовской области в качестве символики были признаны сине-желтый флаг и тризуб. После августовского путча Рух (организация, запрещенная на территории Российской Федерации) имел статус фактически единственной реальной власти в западных областях Украины. Одновременно с этим руководство Руха (организация, запрещенная на территории Российской Федерации), ссылаясь на отсутствие необходимости в силовой защите движения, приняло решение о роспуске «Варты Руха», которое во многом было продиктовано желанием дистанцироваться от радикалов. Указанное решение участниками «Варты Руха» принято не было, и организация продолжила самостоятельное существование, окончательно став на путь воинственного национализма.

Еще одной крупной радикальной организацией конца 80-х – начала 90-х гг. XX в., сыгравшей значительную роль как в отделении Украины от Советского Союза, так и в распространении националистических идей, следует признать «Студенческое братство Львовской

области», сформировавшееся на базе Студенческого братства Львовского государственного университета. Данная организация возникла в мае 1989 г. и стала образцом и «законодателем мод» для подобных сообществ по всей Украине. Идеология братства носила ярко выраженный протестный, антикоммунистический и сепаратистский характер. Позднее она послужила идеологической платформой для фактически первого украинского майдана, прошедшего в октябре 1990 г. и получившего название Студенческой революции на граните. Данное протестное движение вылилось в проведение пикетов и массовые голодовки как студентами, так и учащимися техникумов и ПТУ. Основные протестные акции проходили в Киеве на площади Октябрьской революции, которая в настоящее время называется майданом Незалежности. Помимо столицы, протестные акции проводились во многих крупных городах Украины, в том числе Львове. Важнейшими требованиями протестующих являлись:

- отмена однопартийной системы в УССР и проведение перевыборов в Верховный Совет Республики;

- передача имущества компартии Украины государству;

- отказ властей УССР от участия в так называемом Новогаревском процессе, предполагающем подписание нового союзного договора;

- отставка руководства УССР;

- прохождение призывниками службы в пределах УССР.

В целом проведение протестных акций в рамках Студенческой Гранитной революции следует признать успешным, поскольку большинство требований ее участников было удовлетворено. Важнейшим итогом революции стала подготовка к выходу Украины из состава СССР, по крайней мере сепаратистская тенденция части украинского общества была зафиксирована и, несмотря на наличие широких слоев населения, несогласных с ней, позднее стала определяющей.

Студенческое братство Львовской области приняло активное участие в этих событиях, а также акциях, проведенных в Киеве и Львове. Олег Тягнибок отвечал за медицинскую сторону проводимых голодовок, в частности консультировал их участников.

В октябре 1991 г. львовские националистические группы и организации «Спадщина», «Варта Руха», «Студенческое братство Львовщины» при участии Украинского союза участников войны в Афганистане образовали Социал-национальную партию Украины (СНПУ). Официально организация была зарегистрирована значительно позже – в октябре 1995 г. Данное

обстоятельство не помешало ее активности. Так, уже в 1993 г. партия продемонстрировала свою силу, что привело к манифестации у здания Верховной Рады.

Ряд исследователей полагают, что процесс образования новой, первоначально региональной по своим масштабам, партии не был лишен определенного драматизма. Так, наименее радикальная из трех образовавших партию организаций «Студенческое братство Львовщины» вошла в нее благодаря ее тогдашнему лидеру Олегу Тягнибоку, который, используя боевиков «Спадщины», подавил оппозицию внутри своей организации. Боевики «Спадщины» разогнали отделение Львовского Политехнического института, проявлявшее своеволие по отношению к лидеру. Возможно, этот разгон был результатом определенной сделки между «Спадщиной» и Тягнибоком. Так или иначе «Студенческое братство» вошло в состав Социал-националистической партии, первым главой которой стал Ярослав Андрушків.

Название партии, ее символика, сходство с символикой одной из дивизий СС, упоминание лидера партии о необходимости отказа от европейских ценностей и сохранения белой расы, подозрения общественности в ее неонацистском характере – данные обвинения Андрушків отводил указанием на преемственность традиций «классического» украинского национализма, в частности присутствующей в нем идеи о необходимости соединения национального и социального движения в борьбе за независимость страны. Аналогично объяснялось и сходство символики партии с нацистской. Создателем символики был объявлен Нестор Пронюк, который объяснил характер партийного символа стремлением наглядно представить центральное понятие интегрального национализма Д. Донцова и Н. Сциборского – «идею нации».

Данные объяснения никого не могли убедить в отсутствии у партии симпатии к идеологии и социально-политической практике национал-социализма. Об этом, в частности, свидетельствуют как ночные факельные шествия сторонников СНПУ, так и создание парамилитарной структуры партии – «Охранных отрядов», которые выполняли функции гитлеровских штурмовиков – СА, что не могло не вызывать ассоциаций с партийной гвардией НСДПА – СС.

В целом политическая ситуация на Украине начиная с последних лет Перестройки все более походила на Веймарскую республику 1918–1933 гг., для которой также были характерны постоянный рост политической активности радикалов на фоне экономического кризи-

са в стране и создание ими парамилитарных структур для борьбы с идеологическими противниками и оказания постоянного воздействия на власть. Необходимо отметить, что популярность националистических партий за пределами Западной Украины была невысокой. В связи с этим на первоначальном этапе своего существования СНПУ развернула борьбу за переход с регионального на всеукраинский уровень.

Первые попытки данного перехода оказались крайне неудачными. Отсутствие официальной регистрации послужило причиной того, что члены СНПУ, принявшие участие в парламентских и местных выборах 1994 г., действовали либо как самовыдвиженцы, либо как представители других партий. Суммарное количество голосов, отданных за членов партии, значительно уступало количеству голосов избирателей, проголосовавших за другие националистические партии. Кроме того, ни одному члену организации не удалось пройти в Верховную Раду. Из числа всех партийцев, принявших участие в выборах, самым успешным оказался Олег Тягнибок, обошедший по числу голосов как главу, так и замглавы СНПУ. Несмотря на полный провал на общем украинском уровне, партия добилась значительных успехов на местных выборах, ее представители вошли как в городской совет Львова, так и в областной совет Львовской области. Таким образом, спустя три года после создания СНПУ удалось добиться определенного присутствия во властных структурах, пусть и местного уровня.

Примечательна риторика партии во время предвыборной компании, в полной мере соответствовавшая ее фашистскому характеру, который мог быть не вполне понятен рядовому избирателю. Так, СНПУ в духе межвоенного периода развития фашистской и нацистской идеологии позиционировала себя как представительница так называемого «третьего пути», избегающего крайностей коммунизма и демократии. В период полного разочарования широких слоев населения в коммунистической идеологии и мгновенности получения благоприятных результатов от либерально-демократических реформ данная позиция могла и получила определенную поддержку.

Следующим весьма ощутимым успехом СНПУ стало получение партией государственной регистрации в 1995 г. Данное достижение практически совпало с двумя другими не менее важными событиями: потерей одним из конкурентов социал-националистов – партией УНА-УНСО регистрации и получением Олегом Тягнибоком должности руководителя Львов-

ской партийной организации. Таким образом, наметилась перспектива постепенного завоевания лидерства среди праворадикального электората. Данную претензию партии нужно было подтвердить понятными для него средствами. В этом отношении вполне закономерным явилось участие партии в массовых беспорядках, прошедших во Львове 7 ноября 1997 г., во время которых боевики СНПУ вместе с представителями других националистических партий напали на митинг левых сил. За активное участие в потасовке, подтвержденное фото- и видеоматериалами, был арестован Андрей Парубий.

Вместе с тем к 1998 г. наметился давно назревавший раскол в националистическом движении, связанный не столько с идеологией, сколько с методами политической борьбы. В частности, Народный Рух (организация, запрещенная на территории Российской Федерации) окончательно стал на путь исключительно парламентской борьбы, в связи с чем ориентировался на умеренный националистический электорат, используя при этом социальную риторику. В то же время лозунги крайних националистических партий не встречали поддержки избирателей. Так, очередные выборы в органы государственной власти, прошедшие в 1998 г., оказались для СНПУ не совсем удачными: блок «Меньше слов!», в который вошла партия, не прошел в парламент. В то же время лично для Олега Тягнибока выборы оказались удачными, и он был избран в Верховную Раду, оказавшись первым депутатом партии в парламенте страны. Позже Олег Тягнибок вошел во фракцию Народного Руха (организация, запрещенная на территории Российской Федерации).

После этой значимой победы Олег Тягнибок переехал из Львова в Киев, где возглавил столичное отделение партии, руководство которым складывалось не совсем удачно. К этому времени у Олега Тягнибока, вероятно, сформировался план новой стратегии партии, который предполагал учет опыта Народного Руха (организация, запрещенная на территории Российской Федерации) и широкое применение социальных лозунгов. Вместе с тем киевская партийная структура состояла преимущественно из не-скинхедов, которые не восприняли «изменения курса на национальную революцию» и стали массово покидать партию. Несмотря на это, новому руководителю столичного отделения удалось наладить его работу, осуществить набор новых членов, а также отстроить партийный офис.

В целом «погромный путь» развития партии оставался неизменным. Так, в 1999 г. произо-

шло реформирование парамилитарного крыла организации «Охранные отряды СНПУ», которое в конце 1999 г. было переименовано в организацию «Патриот Украины» (организация, запрещенная на территории Российской Федерации). Как в свое время «Варта Руха» и «Охранные отряды СНПУ», «Патриот Украины» (организация, запрещенная на территории Российской Федерации) прославился уличными потасовками с милицией и левыми активистами. Следует подчеркнуть, что радикальность идеологии и социально-политической практики СНПУ не являлась для политических реалий Украины того времени чем-то исключительным. В этот период в стране возник целый ряд праворадикальных организаций, каждая из которых создавала собственную парамилитарную структуру. Можно привести целый список таких «парных» националистических объединений:

«Украинская национальная ассамблея» (УНА) (организация, запрещенная на территории Российской Федерации) и «Украинская народная самооборона» (УНСО) (организация, запрещенная на территории Российской Федерации);

«Конгресс украинскиx националистов» (КУН) – «Тризуб им. Степана Бандеры» (организация, запрещенная на территории Российской Федерации);

«Держава самостийность Украины» (ДСУ) – «Варта ДСУ».

К 1999 г. смысл существования этих структур постепенно утрачивался, в ряде случаев их наличие отталкивало обывателя. По этой причине Украинская Национальная Ассамблея (УНА) (организация, запрещенная на территории Российской Федерации) отказалась от своего боевого крыла – Украинской народной самообороны (УНСО) (организация, запрещенная на территории Российской Федерации), однако данный шаг не повысил популярности организации, она потерпела сокрушительное поражение на выборах.

В связи с этим СНПУ не пошла по данному пути, предпочитая осуществить реформу силового крыла, а не его роспуск. Смысл проводимой реформы заключался в смене акцентов с узкопартийного на государственный. Официальное название вновь созданной структуры звучало как «Общество содействия Вооруженных сил и военно-морского флота «Патриот Украины» (организация, запрещенная на территории Российской Федерации). Таким образом партия заявляла о своем стремлении реализовывать общенациональные задачи. Именно указанное название и позиционирование боевого крыла партии позволили начать процесс его регистрации.

В то же время экстремистская и неонацистская сущность реформированной организации осталась неизменной, что нашло отражение как в ее идеологии и социально-политической практике, так и в атрибутике. Члены организации носили черную форму и значок с эмблемой организации, которая являлась вариантом партийной символики. Так, если символом СНПУ служил «зеркальный» (по отношению к эсэсовскому) «волчий крюк», выполненный синим цветом на желтом поле, то «волчий крюк» «Патриота Украины» (организация, запрещенная на территории Российской Федерации) был выполнен черным цветом на том же желтом фоне. Руководителем организации стал «прославившийся» в уличных манифестациях и боях бывший участник «Спадщины» Андрей Парубий.

В событиях 2001–2002 гг., связанных с компанией оппозиции «Украина без Кучмы», партия приняла недостаточно активное участие, что впоследствии позволило ее противникам обвинить ее в тайном сотрудничестве с властями. В выборах 2002 г. СНПУ не принимала участие, поэтому лидеры и активисты партии выступали в качестве самовыдвиженцев. Те из них, кому удалось пройти в Верховную Раду, присоединились к двум фракциям расколовшегося к тому времени Народного Руха (организация, запрещенная на территории Российской Федерации). В числе прошедших в парламент оказался и Олег Тягнибок. К 2004 г. в партии назрели существенные перемены, обусловленные целым рядом причин, важнейшими из них следует признать следующие:

разочарование лидера партии Андрушкива в политике и его решение в ближайшем будущем покинуть ее;

необходимость отказаться от односторонней националистической риторики;

невозможность в сложившихся социально-политических условиях достижения и удержания власти насильственным путем;

освоение новых методов политической агитации и пропаганды;

потребность в опоре на более широкие слои населения, поддержка которых обеспечила бы прохождение представителей партии в парламент.

По этим причинам на очередном, восьмом по счету, съезде партии, прошедшем осенью 2003 г., было принято решение в ближайшее время осуществить ее реформирование, в том числе смену названия и символики. Эти задачи были достигнуты уже в начале следующего года на девятом съезде СНПУ. В итоге в феврале 2004 г. в новейшей истории украинского праворадикализма произошло круп-

ное событие – была создана новая националистическая партия «Свобода» (организация, запрещенная на территории Российской Федерации).

На первый взгляд могло показаться, что произошла формальная смена названия партии, которая не повлияла на идеологию и социально-политическую стратегию организации, однако случившиеся вскоре после партийного съезда события подтвердили большую значимость принятых на нем решений как для партии, так и для украинского праворадикального движения в целом.

Итак, в феврале 2004 г. на девятом съезде СНПУ были приняты следующие решения:

главой партии вместо ушедшего в отставку Андрушкива стал наиболее известный в стране ее член народный депутат Олег Тягнибок;

партия получила новое название – Всеукраинское объединение «Свобода» (организация, запрещенная на территории Российской Федерации);

символикой новой партии вместо зеркального вольфгангла стало изображение трех поднятых вверх пальцев, давно применявшееся в украинском националистическом движении и имевшее название «Тризуб-Воля», выполненное в сине-желтых цветах;

боевое крыло партии «Патриот Украины» (организация, запрещенная на территории Российской Федерации) было распущено, вместо него создана молодежная организация под традиционным для украинского национализма названием «Сокол».

Все перечисленные меры предпринимались для улучшения имиджа партии, превращения ее в уважаемую организацию, которая могла бы получить признание не только в западных областях, но и по всей стране, способное обеспечить устойчивое представительство в парламенте. По сути все изменения были связаны с сокрытием неонацистского содержания партийной идеологии и социально-политической практики.

Следует подчеркнуть, что в целом стратегия на легализацию праворадикализма, выбранная Олегом Тягнибоком, продемонстрировала свою эффективность и привела к формированию в Верховной Раде фракции украинского движения «Свобода» (организация, запрещенная на территории Российской Федерации). Олег Тягнибок в 2004–2014 гг. стал одним из наиболее узнаваемых украинских политиков. Вместе с тем попадание «Свободы» (организация, запрещенная на территории Российской Федерации) в украинский политический истеблишмент не означало отказа от националистической и

откровенно ксенофобской программы социал-национализма. К числу наиболее одиозных пунктов программы партии Олега Тягнибока относились:

построение на Украине исключительно этнически однородного государства;

введение национальных квот во всех основных сферах социальной жизни;

осуществление функционирования образовательных организаций исключительно на украинском языке;

изъятие из библиотек всей литературы советского периода;

юридическое закрепление понятия «антиукраинская деятельность»;

реабилитация ОУН (организация, запрещенная на территории Российской Федерации), УПА (организация, запрещенная на территории Российской Федерации);

уголовная ответственность за отрицание геноцида как преступления исключительно украинского народа.

Несмотря на ярко выраженный националистический характер всего украинского объединения «Свобода» (организация, запрещенная на территории Российской Федерации), предложенная Олегом Тягнибоком стратегия использования парламентских методов борьбы и популистской риторики встретила достаточно серьезную оппозицию внутри партии. В связи с этим житомирское и харьковское отделения «Патриота Украины» (организация, запрещенная на территории Российской Федерации) отказались от выполнения резолюции партии о самороспуске. Первоначально данный раскол казался несущественным, поскольку отделение в Харькове, не имевшее официальной регистрации, не насчитывало и десятка человек, однако возглавлявший данное отделение А.Е. Билецкий развернул бурную политическую деятельность, в результате которой «Патриот Украины» (организация, запрещенная на территории Российской Федерации) превратился в самостоятельную организацию.

Завершая краткий анализ политических предпосылок возникновения террористической организации полк «Азов» (запрещена на территории Российской Федерации), необходимо сделать следующие выводы:

1. Появление полка «Азов» (организация, запрещенная на территории Российской Федерации) не обусловлено свершившейся в результате государственного переворота «Евро-Майданной революцией», а выступает в качестве логического, хотя и не абсолютно неизбежного, но закономерного завершения

политики сначала попустительства, а затем и поощрения праворадикалов со стороны властей в течение всего постсоветского периода украинской истории.

2. Политические и идеологические истоки возникновения полка «Азов» (организация, запрещенная на территории Российской Федерации) следует искать на Западной Украине

(в наиболее националистически настроенном регионе страны).

3. Непосредственными политическими предшественниками рассматриваемой террористической организации стали праворадикально настроенные группы города Львова: «Спадщина», «Варта Руха» и «Студенческое братство Львовщины».

1. Буракова А.И. Проблема русофобии в украинских средствах массовой информации: способы проявления и последствия // Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности: материалы VII Междунар. науч. конф. СПб., 2019. С. 105–114.

2. Калашников С.М. Националистическая мифологизация истории Украины эпохи Великой Отечественной войны на примере деятельности нацистских пособников ОУН-УПА // Этих дней не смолкнет слава. Советская авиация в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: материалы Всерос. заочн. науч.-практ. конф. Краснодар, 2020. С. 83–86.

3. Клименко И.М., Ган О.И. Какие культурные стереотипы формирует школьный учебник истории Украины у учащейся молодежи // Историко-педагогические чтения. 2022. № 26. С. 278–281.

1. Burakova A.I. The problem of Russophobia in the Ukrainian mass media: manifestations and consequences // Russia in the global world: new challenges and opportunities: proc. of the VII Intern. sci. and practical conf. St. Petresburg, 2019. P. 105–114.

2. Kalashnikov S.M. Nationalist mythologization of the history of Ukraine during the Great Patriotic War on the example of the activities of the Nazi accomplices of the OUN-UPA // These days the glory will not cease. Soviet aviation during the Great Patriotic War of 1941–1945: proc. of the All-Russian correspondence sci. and practical conf. Krasnodar, 2020. P. 83–86.

3. Klimenko I.M., Gan O.I. What cultural stereotypes are formed by the school textbook of the history of Ukraine among students // Historical and pedagogical readings. 2022. No. 26. P. 278–281.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Самойлов Сергей Фёдорович, доктор философских наук, профессор, начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин Краснодарского университета МВД России; e-mail: samoilow111@yandex.ru;

Дудко Алексей Сергеевич, кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры огневой подготовки Краснодарского университета МВД России

INFORMATION ABOUT AUTHORS

S.F. Samoilov, Doctor of Sciences in Philosophy, Professor, Chief of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: samoilow111@yandex.ru

A.S. Dudko, Candidate of Sciences in Pedagogics, Assistant Professor, Chief of the Department of Physical Training and Sports, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia,

Взаимоотношения прокуратуры и судебных следователей в Российской империи

Рассмотрены юридические и фактические отношения между прокуратурой и судебными следователями в Российской империи после судебной реформы 1864 г. Проанализированы полномочия прокуратуры по надзору за предварительным следствием и различные взгляды современников на вопрос о наличии или отсутствии зависимости судебных следователей от прокуратуры. Показаны причины трансформации в практической деятельности нормативных предписаний о взаимоотношениях прокуратуры и следователей в уголовном процессе.

Ключевые слова: судебная реформа 1864 г., прокуратура, прокурорский надзор, судебный следователь, предварительное следствие.

Relationships of the Prosecutor's Office and judicial investigators in the Russian Empire

The legal and factual relations between the Prosecutor's Office and judicial investigators in the Russian Empire after the judicial reform of 1864 are considered. The author analyzes the powers of the Prosecutor's Office to supervise the preliminary investigation and the different views of contemporaries on the question of the presence or absence of dependence of judicial investigators on the Prosecutor's Office. The reasons for the transformation in practice of normative prescriptions on the relationship between the Prosecutor's Office and investigators in the criminal process are shown.

Keywords: judicial reform of 1864, Prosecutor's Office, prosecutor's supervision, judicial investigator, preliminary investigation.

Вопрос о взаимоотношениях прокуратуры и следователей является одним из фундаментальных в теории и практике уголовного процесса. От его решения во многом зависит эффективность досудебного производства. На разных этапах развития российского законодательства этот вопрос решался по-разному. Практическая деятельность нередко значительно трансформировала требования закона. В связи с этим полезным является изучение исторического опыта. Многочисленный материал для этого дает судебная реформа, которая была проведена в Российской империи в 1864 г. С учетом этого целью статьи является выяснение вопроса, как практическая деятельность прокуратуры и судебных следователей корректировала нормативные предписания об их взаимоотношениях в уголовном процессе.

В результате судебной реформы 1864 г. на прокуратуру был возложен надзор за производством предварительного следствия. Для этого чины прокуратуры были наделены необходимыми полномочиями. Они имели право присутствовать при производстве следственных действий, изучать уголовные дела и давать по ним указания следователю. Возникавшие разногласия между прокурором и следователем должны были разрешаться в судебном порядке.

В связи с прокурорским надзором за предварительным следствием возникали вопросы о юридических и фактических отношениях между прокуратурой и следователями.

Закон закрепил независимость судебных следователей от прокуратуры, установив, что все необходимые для производства следствия меры они предпринимают «собственной властью», кроме случаев, прямо предусмотренных законом (ст. 264 Устава уголовного судопроизводства). После проведения реформы правительственная комиссия под председательством сенатора Петерса в 1869 г. предложила поставить следователей в непосредственную зависимость от прокуратуры [1, с. 241]. Однако на законодательном уровне это предложение принято не было. В связи с этим неточными представляются утверждения о том, что юридически при производстве следствия следователи подчинялись прокуратуре [2, с. 70; 3, с. 208, 210].

У современников судебной реформы не было единого взгляда на вопрос о наличии или отсутствии зависимости следователей от прокуратуры. Возражая против мнения о такой зависимости и о давлении прокуратуры на следователей, бывший прокурор П.Н. Обнинский утверждал, что следователи и чиновники, исполнявшие обязанности следователей,

ревностно охраняли свою независимость, в том числе от прокуратуры. Анализируя в начале 1890-х гг. законодательство, он отмечал, что «зависимость следователя – явление не действительное, а лишь кажущееся». По его мнению, таким же «кажущимся» было и «давление» прокуратуры на свободу следователя. Для такого давления у прокуратуры было мало полномочий и физических возможностей из-за загруженности массой других обязанностей [4, с. 62–65]. Б.Л. Бразоль в 1914 г. также доказывал ошибочность распространенного в обществе взгляда «о подавленности следователей надзором за их деятельностью прокуратуры» [5, с. 95].

Юридическая пресса писала о примерах «неподатливых», «несговорчивых» следователей, которые не хотели действовать «в направлении, внушаемом» им прокуратурой [6, с. 2–3]. В первую очередь это касалось указаний прокуратуры, которые следователи считали незаконными, особенно если это были устные указания по делам, имевшим политический характер. В случаях таких устных указаний некоторые следователи требовали от прокуроров письменные предписания. Так, в 1911 г. по резонансному делу Бейлиса прокурор Киевской судебной палаты Г.Г. Чаплинский четыре дня убеждал следователя В.И. Фененко по своей инициативе привлечь Бейлиса в качестве обвиняемого в убийстве и не требовать прямого прокурорского приказа. Однако следователь, не находя оснований для этого, заявил прокурору, что по своей инициативе он этого не сделает. В результате прокурор дал следователю письменное предложение о привлечении Бейлиса в качестве обвиняемого и заключении его под стражу. После следователь исполнил это указание, сославшись на приказ прокурора [7, с. 101–102]. В дальнейшем суд оправдал подсудимого.

Пререкания между прокуратурой и следователями иногда возникали в связи с методами прокурорского надзора, которые не предусматривались законом. Например, закон не устанавливал обязанность следователей представлять в прокуратуру периодические сведения об общем движении дел по их участкам и не предусматривал право прокуратуры проверять у следователей настольные реестры дел (эти сведения следователь должен был представлять в суд, который и имел право ревизовать его деятельность). Несмотря на это, по свидетельству прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты, на практике это делалось на основании «безмолвного соглашения» между обоими органами. Однако при обострении в

некоторых случаях отношений между прокуратурой и судом возникал вопрос о том, что такой порядок создавал «противозаконный начальник-контроль прокуратуры над следователями» [8, с. 234, 240, 318, 395].

Иногда конфликты, возникавшие между следователями и прокуратурой, были связаны с личными качествами конкретных должностных лиц (их нетактичностью, мелочным самолюбием и т.п.) [8, с. 235, 306; 9, с. 4]. При этом, по свидетельству современников, обостренные отношения между следователями и чинами прокуратуры бывали гораздо реже, чем об этом утверждалось в печати [10, с. 106], «систематического антагонизма» между ними не было, а имевшиеся факты конфликтов были исключительным и временным явлением [11, с. 59].

Несмотря на имевшиеся взгляды о независимости следователей, многие современники утверждали, что фактически следователи были в большей зависимости от прокуратуры, чем это было предусмотрено законом; прокуроры стали относиться к следователям, как начальники к подчиненным, а следователи стали «выслуживаться» перед ними. Это признавали даже сами работники прокуратуры [8, с. 139, 147–148, 159]. По утверждению одного из следователей, прокуратура сделалась «полным распорядителем следствия» [12, с. 2]. В «Судебной газете» в 1883 г. утверждалось об «изуродованных» за 20 лет отношениях обвинительной и следственной властей, о почти полной самостоятельности следственной власти по букве закона и полной ее зависимости от прокуратуры в действительности [13, с. 3].

Закон ничего не говорил о руководстве следствием со стороны прокуратуры. Однако, по замечанию в 1886 г. И.Т. Тарасова, практика извратила смысл и дух закона до такой степени, что прокуроры нередко не только надзирали, но и руководили всеми следствиями и даже сами проводили следственные действия [14, с. 319]. И.Я. Фойницкий также утверждал, что руководство прокуратуры предварительным производством распространялось не только на дознание, но и на предварительное следствие [15, с. 539].

Фактическая зависимость судебных следователей от прокуратуры во многом объяснялась тем, что прокуроры могли влиять на их кадровый состав и карьеру. При подготовке судебной реформы некоторые члены комиссии предложили ограничить право прокурора высказывать свое мнение по вопросу замещения должностей судебных следователей. Другие члены комиссии, напротив, предложили рас-

ширить это право и предусмотреть, чтобы кандидаты на должности судебных следователей могли выдвигать не только окружные суды, но и прокуроры судебных палат по представлениям прокуроров окружных судов. Большинство членов комиссии высказались против этого предложения, так как именно в нем усматривалась возможность влияния прокуроров на следователей, назначенных по их предложению [16, с. 84–85, 109]. В результате законодатель не принял ни первое, ни второе предложение и установил, что вопрос о кандидатах на должности следователей должно решать общее собрание окружного суда при участии прокурора (ст. 205, 213 Учреждения судебных установлений; далее – УСУ). Однако прокурор только высказывал свое мнение, которое не было обязательным для суда.

Несмотря на такой установленный порядок, на практике при решении вопроса о назначении следователей роль прокуроров судов была значительно большей, чем это предусматривалось законом, так как они конфиденциально информировали прокуроров судебных палат о «нравственных качествах» и служебной деятельности кандидатов на должности [17, л. 3]. Данная информация влияла на принятие окончательного решения о назначении кандидата на должность следователя.

Практика выработала и другие формы влияния прокуратуры на назначение следователей. Несмотря на то что по закону прокурорам не было предоставлено право направлять в Министерство юстиции свои предложения (альтернативные предложениям суда) о кандидатах на утверждение в должности судебных следователей, фактически они делали это. Некоторые из предложенных прокурорами кандидатов по представлениям министра юстиции утверждались императором без учета мнения окружных судов [6, с. 1–2].

Продвижение по службе также зависело от характера отношений с местным прокурором, который давал Министерству юстиции свою характеристику следователей. Как свидетельствуют архивные материалы, сведения о служебных и нравственных качествах, познаниях и способностях судебных следователей Министерство собирало через прокуроров [17, л. 269–270; 18, л. 20, 30; 19, л. 42–43]. При этом некоторые прокуроры признавали, что следователи были поставлены в подчиненное отношение к прокуратуре, от которой зависела «вся дальнейшая их служебная карьера» [20, с. 7]. Кроме того, по предложению прокурора следователи могли быть переведены в другие следственные участки (ст. 227 УСУ).

Влияние прокуроров на следователей усилилось после введения практики назначения Министерством юстиции особых чиновников для исполнения обязанностей судебных следователей. По закону следователи на должность назначались императором и были несменяемыми. После проведения судебной реформы из-за недостатка подготовленных кадров на должности судебных следователей нередко назначались лица, которые не обладали необходимым опытом. Если в дальнейшем выяснялась неспособность таких следователей к исполнению возложенных на них обязанностей, их нельзя было снять с должности. В связи с этим министр юстиции К.И. Пален предложил приостановить назначение судебных следователей. После одобрения данного предложения императором должности следователей стали замещаться особыми чиновниками, командированными для производства следствий. В результате министр юстиции получил возможность в любое время удалять от должности лиц, «недостаточно опытных или благонадежных» [21, с. 126]. Таким образом, исполнение должности следователя стало временной службой, в ходе которой выяснялось, может ли конкретное лицо по характеру своей деятельности быть утверждено в должности; в противном случае оно отзывалось с места командировки в Министерство [22, с. 40].

Наряду с такими разъяснениями причин введения практики назначения лиц, исполнявших должность следователя, авторитетный чиновник прокуратуры М.Ф. Громницкий указал и дополнительную. В своих воспоминаниях он отметил, что, по мнению министра юстиции К.И. Палена, утвержденные императором судебные следователи были «слишком независимы и самостоятельны», в связи с чем прокуратура была лишена возможности воздействовать на них [23, с. 29–30].

Практика командирования для исполнения должности следователя была настолько широкой, что в 1878 г. утвержденные императором следователи составили только 6% от общего числа лиц, занимавших должности следователей [24, с. 154]. В начале 1880-х гг. Министерство юстиции стало возвращаться к прежнему порядку назначения следователей, предусмотренному законом. В то же время в должностях утверждались только лица, успешно исполнявшие свои обязанности в течение не менее 5 лет [25, с. 80]. В результате к 1898 г. несменяемостью пользовались только 10,4% следователей [5, с. 106]. По этому поводу А.Ф. Кони

отмечал, что, если на первоначальном этапе реформы командирование Министерством юстиции чиновников для исполнения обязанностей судебных следователей отчасти могло быть объяснено нехваткой опытных кадров, то в дальнейшем, когда судебная реформа была проведена на всей территории Европейской России, для назначения исполнявших обязанности следователей уже не было никакого основания [26, с. 348].

Относительно влияния прокуроров на лиц, командированных для исполнения обязанностей следователей, современники высказывали различные взгляды. Многие из них отмечали, что такие следственные чиновники фактически оказались в полном подчинении прокуратуре, несмотря на то что по закону следователь был непосредственно подчинен окружному суду, а прокурор не был уполномочен осуществлять общее руководство следственной частью [27, с. 2]. В прессе высказывалась преувеличенная мысль о том, что, по сути, следствие проводилось прокуратурой, а следственные чиновники только исполняли ее поручения и были «низведены на степень каких-то письмоводителей или секретарей при прокурорском надзоре» [28, с. 2]. Сторонники такого взгляда говорили о «тяжком ярме прокурорского надзора» [28, с. 2] и о том, что прокуроры могли ходатайствовать перед министром юстиции об отзыве командированных чиновников [8, с. 317]. Современники отмечали, что стоит только командированному чиновнику не поладить с прокурором или его товарищем, не исполнить их указания, и он неминуемо будет отозван без объяснения причин [28, с. 2]. Такие примеры встречались на практике. Сами прокуроры признавали, что между следственными чиновниками и прокуратурой установились не предусмотренные законом отношения, определенное подчинение следователя прокуратуре [8, с. 219, 316]. М.Ф. Громницкий в своих воспоминаниях отмечал, что исполнявшие должность судебного следователя «рисковали по капризу каждого товарища прокурора лишиться места, быть отозванным от должности», среди них господствовал «дух приниженности и неуверенности за свое положение», поэтому у многих из них «на первом месте было рабское угождение прокурорскому надзору» [29, с. 60].

В то же время другой бывший прокурор П.Н. Обнинский утверждал, что ни Министерство юстиции, ни прокуроры своим правом отзыва исполнявших обязанности следователей не злоупотребляли и что случаи «отозвания» вызывались исключительно невозможностью

оставить такого чиновника в должности следователя [4, с. 64]. Некоторые «отозванные» чиновники говорили о том, что причиной их отозвания являлись конфликты с прокуратурой. Например, Ф. Зайцев, отозванный в 1875 г. Министерством юстиции с должности судебного следователя Сумского окружного суда, объяснил такое решение столкновениями с прокуратурой, которая стремилась поставить следователей в подчиненное положение, а он, не боясь потерять должность, отстаивал свою независимость, не исполнял незаконные, с его точки зрения, указания товарища прокурора (например, еженедельно представлять информацию о ходе следствия по конкретным делам). В ответ на это прокурор разъяснил ему, что состоящие при Министерстве лица командированы для исполнения должности судебных следователей «лишь временно для испытания» и что в дальнейшем его неисполнительность повлечет отозвание от исполняемой должности. После различных столкновений с прокуратурой Ф. Зайцев был переведен в другой город, а затем вообще отозван министерством [30, с. 3]. Об аналогичных случаях имеются и другие сведения. Работники прокуратуры, не отрицая наличия таких единичных фактов, не соглашались с обобщающими на их основе негативными выводами и утверждали, что отношения прокуратуры и следователей в основном были «товарищеские, а не начальственные» [9, с. 3–4].

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

В результате проведения судебной реформы 1864 г. следователи были процессуально независимыми от прокуратуры. В то же время фактически они стали зависимыми, особенно после введения практики назначения чиновников для исполнения обязанностей следователя без утверждения их в должности императором. Это во многом объяснялось возможностью прокуратуры неформально влиять на кадровый состав следователей и их карьеру. Иногда между прокуратурой и следователями возникали конфликты, однако они не имели системного характера.

Имевшиеся процессуальные полномочия прокуратуры, а также фактическая зависимость от нее следователей давали возможность чиновникам прокуроры не только осуществлять надзор, но и руководить предварительным следствием. Однако эту возможность они реализовали в основном по наиболее важным делам, а в большинстве случаев в ходе производства следствия они по ряду объективных и субъективных причин не только не руководили им, но и не осуществляли надзор за его производством.

1. Материалы для пересмотра законоположений о порядке производства предварительных следствий. Приложение первое: Отчет Высочайше учрежденной в 1869 году комиссии для исследования недостатков современного состояния следственной части. СПб., 1883.
2. Артамонова С.Н. Об отечественном опыте реформирования военных следственных органов в рамках судебной модели организации предварительного следствия // Военное право: Электронное научное издание. 2017. № 1(41). С. 69–80 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voennoepravo.ru/node/6407>
3. Мхитарян Л.Ю. Предварительное следствие: организация, проблемы деятельности (на примере Пермской губернии) // Достижения вузовской науки. 2013. № 3. С. 207–214.
4. Обнинский П.Н. Предстоящая реформа в нашей следственной части, как средство устранения замечаемых в ней недостатков (из наблюдений бывшего прокурора) // Юридический вестник. 1891. Т. 7. Кн. 1. С. 60–84.
5. Бразоль Б.Л. Следственная часть // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет: в 3 т. Петроград, 1914. Т. 2. С. 65–114.
6. Прокурорский и председательский надзор за судебными следователями // Судебная газета. 1904. № 36. С. 1–3.
7. Тагер А.С. Царская Россия и дело Бейлиса: К истории антисемитизма / с предисл. А.В. Луначарского. М., 1933.
8. Материалы для пересмотра законоположений о порядке производства предварительных следствий: в 2 ч. СПб., 1882. Ч. 2.
9. Остр–ов Ив. По поводу статьи «К характеристике отношений прокурорского надзора к чиновникам, командируемым для производства следствий» // Судебный вестник. 1875. № 175. С. 3–4.
10. Левенстим А.А. Предварительное следствие по Судебным уставам, его недостатки и меры к улучшению // Журнал министерства юстиции. 1895. № 11. С. 103–166.
11. Даневский В.П. Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа. М., 1895.
12. Е.К. По поводу предложений прокурорского надзора о принятии против обвиняемых мер пресечения способов уклоняться от следствия и суда // Судебный вестник. 1872. № 158. С. 1–2.
13. Судебная реформа в западном крае // Судебная газета. 1883. № 20. С. 1–4.
14. Тарасов И.Т. Личное задержание как полицейская мера безопасности // Временник Демидовского юридического лицея. Кн. 39. 1886. С. 221–336.
15. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. 4-е изд. СПб., 1912.
1. Materials for the revision of legal provisions on the procedure for the production of preliminary investigations. Appendix One: Report of the commission established in 1869 to study the shortcomings of the current state of the investigative unit. St. Petersburg, 1883.
2. Artamonova S.N. On the domestic experience of reforming military investigative bodies within the framework of the judicial model of the organization of the preliminary investigation // Military Law : Electronic scientific publication. 2017. No. 1(41). P. 69–80 [Web resource]. URL: <http://www.voennoepravo.ru/node/6407>.
3. Mkhitaryan L.Yu. Preliminary investigation: organization, problems of activity (on the example of the Perm province) // Achievements of university science. 2013. No. 3. P. 207–214.
4. Obninsky P.N. The upcoming reform in our investigative unit, as a means of eliminating the shortcomings noticed in it (from the observations of the former prosecutor) // Legal Bulletin. 1891. Vol. 7. Book 1. P. 60–84.
5. Brazol B.L. Investigative part // Judicial statutes of November 20, 1864 for fifty years. In 3 vols. Vol. 2. Petrograd, 1914. P. 65–114.
6. Prosecutor's and chairman's supervision of judicial investigators // Judicial newspaper. 1904. No. 36. P. 1–3.
7. Tager A.S. Tsarist Russia and the Beilis case: On the History of Anti-Semitism / with a preface by A.V. Lunacharsky. Moscow, 1933.
8. Materials for the revision of legal provisions on the procedure for the production of preliminary investigations. Part 2. St. Petersburg, 1882.
9. Ostr–ov Iv. Concerning the article "On the characteristics of the relations of the Procurator's supervision to the officials seconded for the proceedings of the investigations" // Judicial Bulletin. 1875. No. 175. P. 3–4.
10. Levenstim A.A. Preliminary investigation on Judicial statutes, its shortcomings and measures for improvement // Journal of the Ministry of Justice. 1895. No. 11. P. 103–166.
11. Danevsky V.P. Our preliminary investigation, its shortcomings and reform. Moscow, 1895.
12. E. K. Concerning the proposals of the prosecutor's supervision on the adoption of preventive measures against the accused, ways to evade the investigation and the trial // Judicial Bulletin. 1872. No. 158. P. 1–2.
13. Judicial reform in the western region // Judicial newspaper. 1883. No. 20. P. 1–4.
14. Tarasov I. T. Personal detention as a police security measure // Chronicle of Demidovsky Legal Lyceum. Book 39. 1886. P. 221–336.
15. Foynitsky I.Ya. Course of criminal proceedings. Vol. 1. 4th ed. St. Petersburg: "Public benefit" printing house, 1912.
16. Explanatory note to the draft of the Establishment of judicial places. St. Petersburg, 1863.

16. Объяснительная записка к проекту Учреждения судебных мест. СПб., 1863.
17. Государственный архив Харьковской области. Ф. 373. Оп. 1. Д. 17.
18. Государственный архив Одесской области. Ф. 634. Оп. 1. Д. 1006.
19. Государственный архив Ростовской области. Ф. 835. Оп. 1. Д. 226.
20. По поводу предстоящей реформы следственной части // Судебная газета. 1883. № 18. С. 7–8.
21. Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. СПб., 1902.
22. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство. Ч. 3. СПб., 1869.
23. Громницкий М.Ф. Из прошлого (По личным воспоминаниям) // Русская мысль. 1899. № 6. С. 1–33.
24. Коркунов Н. Юридическая хроника (к 15-летию судебных уставов) // Журнал гражданского и уголовного права. 1879. Кн. 2. С. 150–198.
25. Министерство юстиции в первое десятилетие царствования императора Николая II. 1894–1904 г. СПб., 1904.
26. Кони А.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. М., 1967. Т. 4.
27. По поводу инструкций прокуроров судебных палат // Киевлянин. 1882. № 3. С. 2–3.
28. Чиновники для производства следствий и прокурорский надзор // Судебный вестник. 1875. № 186. С. 1–2.
29. Громницкий М.Ф. Из прошлого (по личным воспоминаниям) // Русская мысль. 1899. № 12. С. 51–68.
30. Зайцев Ф. К характеристике отношений прокурорского надзора к чиновникам, командированным для производства следствий // Судебный вестник. 1875. № 154. С. 3.
17. The State Archive of the Kharkiv region. Fund 373. Inv. 1. Case 17.
18. The State Archive of the Odessa region. Fund 634. Inv. 1. Case 1006.
19. The State Archive of the Rostov region. Fund 835. Inv. 1. Case 226.
20. Regarding the upcoming reform of the investigative part // Judicial newspaper. 1883. No. 18. P. 7–8.
21. The Ministry of Justice for a hundred years. 1802–1902. Historical essay. St. Petersburg, 1902.
22. Kvachevsky A. On criminal prosecution, inquiry and preliminary investigation of crimes under the judicial statutes of 1864. Theoretical and practical guide. Part 3. St. Petersburg, 1869.
23. Gromnitsky M.F. From the past (according to personal memories) // Russian thought. 1899. No. 6. P. 1–33.
24. Korkunov N. Legal chronicle. (To the 15th anniversary of judicial statutes) // Journal of Civil and Criminal Law. 1879. Book 2. P. 150–198.
25. The Ministry of Justice in the first decade of the reign of Emperor Nicholas II. 1894–1904. St. Petersburg, 1904.
26. Koni A.F. Collected works. In 8 vols. Vol. 4. Moscow, 1967.
27. Concerning the instructions of the prosecutors of the judicial chambers // Kyivlyanin. 1882, No. 3. P. 2–3.
28. Officials for the production of investigations and prosecutorial supervision // Judicial Bulletin. 1875. No. 186. P. 1–2.
29. Gromnitsky M.F. From the past (according to personal memories) // Russian thought. 1899. No. 12. P. 51–68.
30. Zaitsev F. On the characteristics of the relations of the Procurator's supervision to the officials seconded for the proceedings of the investigations // Judicial Bulletin. 1875. No. 154. P. 3.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Горбачев Василий Павлович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Донбасского государственного университета юстиции; e-mail: gorvp58@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

V.P. Gorbachev, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Theory and History of Law and State, Donbass State University of Justice; e-mail: gorvp58@mail.ru

Правовая коммуникация в информационном обществе XXI в.

В статье анализируются признаки и особенности правовой коммуникации в современном информационном обществе. Авторами отмечается, что правовая коммуникация представляет собой разновидность социальной коммуникации, в свою очередь, являющейся основой социума, ключевых процессов, институтов, подсистем. Обозначается ряд острых проблем современного трансформирующегося общества, связанных с правовой коммуникацией. Делается вывод, что под воздействием происходящих трансформационных процессов правовая коммуникация претерпевает существенные изменения, что диктует необходимость усиления научного внимания к данному аспекту.

Ключевые слова: правовая коммуникация, социальная коммуникация, социальное взаимодействие, информационное общество, правовая культура, правовое сознание, правовая информация, правовой дискурс.

Legal communication in the information society of the XXI century

The article analyzes the signs and features of legal communication in the modern information society. The authors note that legal communication is a kind of social communication, which in turn is the basis of society, key processes, institutions, subsystems. The article also identifies a number of acute problems in relation to the modern transforming society related to legal communication. It is concluded that under the influence of ongoing transformational processes, legal communication undergoes significant changes, which dictates the need to strengthen scientific attention to this aspect.

Keywords: legal communication, social communication, social interaction, information society, legal culture, legal consciousness, legal information, legal discourse.

Современное общество представляет собой сложную многоуровневую систему, в которой наблюдается активное взаимодействие основных элементов. На фоне широкого внедрения в социальное пространство информационно-компьютерных, телекоммуникационных, интернет-технологий происходят масштабные трансформационные процессы, затронувшие как макро-, так и микроуровень социума. При этом целевые установки прогрессивного развития социума остаются во многом неопределенными и «размытыми» – такова специфика нынешнего этапа развития социальной системы, находящейся в переходном состоянии. В данных условиях в обществе усиливается запрос на обеспечение стабильности и защиту от дезорганизационных тенденций. Существенное влияние на процесс обеспечения социального порядка и стабильности общества оказывает право.

По мнению С.А. Белова, «право устанавливает правила социального взаимодействия – регулирует общественные отношения, которые сопровождаются коммуникацией между людьми» [1, с. 844]. Установление правом универ-

сальных законов социального взаимодействия, в свою очередь, базируется на коммуникативных процессах, охватывающих как макро-, так и микроуровень общества. Посредством коммуникации осуществляются основные действия и взаимодействия в обществе – в этом аспекте речь идет об институциональном характере коммуникативных процессов.

П.В. Лушников отмечает, что социальная коммуникация представляет собой «деятельность субъектов общества, направленную на создание информации, эффективные передачу и получение информации, убеждение собеседника и понуждение его к действию» [2, с. 372].

Именно коммуникация выступает связующим звеном между различными индивидами, группами, классами, институтами и подсистемами социума. Без коммуникации становятся невозможными большинство социальных процессов. При этом следует отметить, что социальная коммуникация весьма вариативна, включает в себя множество разновидностей, одной из которых является правовая коммуникация.

Как полагает Е.А. Романова, правовая коммуникация «характеризуется особой властно-регулятивной природой, основанной, прежде всего, на возможности применения средств государственного воздействия» [3, с. 19]. Таким образом, правовая коммуникация является в большей мере не диалогичной, а монологической. Это состояние детерминируется присутствием государства в качестве одного из субъектов правового коммуникативного процесса. В связи с этим исследователи обращают внимание на то, что правовая коммуникация – «особый вид общения между государством и социумом, возникающий в результате реализации норм права, где государство выступает в роли законодателя, а социум – субъекта правовой коммуникации» [4, с. 191].

Учитывая характеристики правовой коммуникации, следует обратить внимание не только на ее монологичность как атрибутивную характеристику, но и на ряд уникальных признаков, также отличающих ее от других видов социальной коммуникации. Наличие государства в роли коммуникатора предполагает обязательность и минимальную альтернативность реакций на сообщения в рамках правовой коммуникации. Кроме того, всеобщий и универсальный характер правовой коммуникации вкупе с весьма специфическим кодированием сообщений формирует особый статус правовой коммуникации.

Е.Ф. Усманова отмечает, что «правовая коммуникация – это не простое общение, обмен мыслями, сведениями, идеями, а особая форма социального взаимодействия, отличающаяся от других его форм всеобщим характером, тем, что она охватывает всех без исключения индивидов, а также производных от них социально-правовых субъектов» [5, с. 11].

Усложненный, специфицированный характер правовой коммуникации не только направлен на установление и поддержание обратной связи государства и его системы права с гражданами, но и призван решать ряд дополнительных задач. В частности, посредством правовой коммуникации во многом осуществляется правовая социализация, которая предполагает, прежде всего, получение разнообразной информации о праве, а затем, на ее основе, усвоение многочисленных норм права. Нарушение обозначенной последовательности оперирования правовой информацией оказывает влияние на ход правовой социализации и в результате вызывает дисфункции в процессе осуществления правовой коммуникации. Этот эффект возникает вследствие того, что адресант и адресат правовой информации вследствие

существенной дифференциации в знаниях и оценках права не достигают эффектов, связанных с формированием позитивного отношения к праву, соответственно – устойчивой правовой культуры и полноценного правового сознания.

Исследователи полагают, что «цель правовой коммуникации заключается в предоставлении субъектам права возможности беспрепятственного волеизъявления, развития правовой культуры, выработки новых знаний. Чем выше уровень грамотности, тем легче донести до социума основную мысль, тем ниже вероятность недопонимания и непринятия социумом требований, предъявляемых к нему со стороны государства» [4, с. 192].

Вместе с тем правовая коммуникация претерпела серьезные изменения за последние десятилетия. Основной причиной сложившейся ситуации стали активные трансформационные процессы, связанные с генезисом и развитием глобального информационного общества. Новый облик социальной системы стал следствием как научно-технического прогресса, так и ряда регрессивных факторов, связанных с объективной неготовностью социума к происходящим масштабным изменениям на макро- и микроуровнях.

В частности, П.В. Лушников обращает внимание на то, что «множество связей в сообществе приводит к тому, что информация из разных посланий начинает «конкурировать» друг с другом за важность и первоочередность восприятия, появляется так называемый «информационный шум». Эта конкуренция, а также действия трансляторов (умышленные и неумышленные) могут приводить к искажению передаваемой информации. Это в конечном итоге снижает устойчивость, качество и эффективность коммуникации» [2, с. 375].

Спецификой современного общества является то, что при обилии информации на фоне стремительного развития электронных, компьютерных, микропроцессорных технологий происходит нарастание дисфункций в информационно-коммуникационной системе. Она перегружается «лишней» для обыденного сознания информацией, вследствие чего существенно снижаются возможности рефлексии по поводу различных правовых явлений, событий, феноменов и т.п. Ключевым драйвером происходящих процессов выступает глобальная компьютерная сеть Интернет. Это непосредственно отражается на правовой коммуникации.

По мнению Е.А. Романовой, «конструктивное использование электронных средств общения между субъектами правоотношений,

сети Интернет, электронных баз данных во многом предопределило изменение характера и направленности правовой коммуникации. Наиболее остро встают вопросы создания эффективной системы сбора, хранения, обработки и анализа правовой информации; формирования нормативно-правовой, организационной и методической баз» [3, с. 4].

Одним из ключевых элементов правовой коммуникации является правовой дискурс. Применительно к правовой коммуникации дискурс целесообразно рассматривать как комплекс визуальных и вербальных элементов, прямо или косвенно связанных с правовыми текстами. По мере происходящих масштабных трансформаций социальной системы правовой дискурс также претерпевает существенные изменения.

Как полагает А.В. Скоробогатов, «правовой дискурс представляет собой совокупность правовых текстов, создание и функционирование которых не зависит от официального статуса их субъектов. В условиях информационного общества значительная часть правового дискурса формируется в Интернете, прежде всего в социальных сетях, и имеет вербально-визуальную форму» [6, с. 174].

Перенос правового дискурса в пространство Интернета закономерно приводит к его виртуализации. Как следствие, происходит изменение многих характеристик правового дискурса. Данный процесс также оказался в центре внимания исследователей. В частности, виртуальная природа правового дискурса предполагает «анонимность, спонтанную (ситуативную) ориентированность, самодостаточность, самоцельность, поверхностность, неустойчивость (вариативность) позиции, придающие ему черты саморганизирующейся и саморазвивающейся системы (аутопойезис)» [6, с. 175].

Сложившаяся ситуация вносит коррективы в функционирование государства в целом и осуществление им правовой коммуникации в частности. Как известно, одним из основных инструментов в распоряжении государства является формальный социальный контроль, который базируется на официальном одобрении или осуждении социальных действий и взаимодействий. Осуществление такого социального контроля происходит главным образом органами государственной власти. Условием эффективности формального социального контроля являются его однозначность, распространенность на всю территорию страны и репрезентативность в отношении подавляющего большинства социальных действий. В то же время

в условиях виртуализации правового дискурса и активного проникновения информационно-компьютерных технологий в социальную ткань общества ряд инструментов формального социального контроля, основанного на различных нормах права, снижает свою эффективность. Анонимность виртуальной среды, ее неопределенность, отсутствие физических границ и т.п. затрудняют реализацию санкций со стороны носителей формального социального контроля. Этот аспект становления информационного общества оказывает непосредственное воздействие на правовую коммуникацию, которая основывается на информации об осуществлении мероприятий социального контроля целью убеждения граждан в необходимости правомерного поведения.

Таким образом, в настоящее время наблюдается дисбаланс между процессом становления информационного общества (происходящего быстрыми темпами) и существующей на протяжении длительного времени государственно-правовой системой, которой требуется значительно больше времени для адаптации. В этих условиях объективно усиливаются риски опережающего инновационного развития социальной системы, так как государство и право как институциональные структуры характеризуются значительной инерционностью в противовес быстрому развитию элементов информационного общества.

С.В. Тихонова в связи с этим отмечает, что «переход к информационному обществу невозможен без построения его фундамента. Для этого необходимо: формирование единого информационного пространства страны и его интеграция в мировое информационное пространство; переход к инновационной экономике знания; повышение эффективности государственного управления посредством внедрения информационно-коммуникационных технологий в государственное строительство» [7, с. 29].

Следует обратить внимание и на существенные изменения, происходящие в информационном обществе, связанные с его индивидуально-личностным микроуровнем. Происходит существенное переформатирование потребностей и интересов людей, что напрямую оказывает воздействие на восприятие ими окружающих объектов, явлений.

Необходимо отметить, что современное информационное общество формирует особые условия для функционирования государства, в том числе в аспекте осуществления правовой коммуникации. В связи с этим вполне законо-

мерным действием со стороны государства в обозначенной проблемной ситуации становится оптимизация информационной правовой политики. Как отмечает С.В. Тихонова, «информационная правовая политика решает вопросы селекции информации в коммуникационном пространстве. Коммуникационная правовая политика направлена на создание правовых основ построения информационного общества, т.е. развитие коммуникационного пространства, управление его встраиванием в социальный ландшафт и, таким образом, контроль социального прогресса» [7, с. 30].

Таким образом, правовая коммуникация представляет собой разновидность социальной коммуникации, в свою очередь, являющейся основой социума, ключевых процессов, институтов, подсистем. Без коммуникации невозможно существование институтов государства и права. Вместе с тем, правовая коммуникация отличается от других разновидностей социальной коммуникации, так как имеет монологический формальный характер, воздействующий на сознание и поведение граждан. Правовая коммуникация призвана доводить результаты правотворческой деятельности до широких слоев граждан, при этом фактически не предоставляя возможностей беспристрастной, объективной оценки всех имеющихся в данном аспекте фактов и обстоятельств, а также последствий принимаемых юридических актов. Кроме того, необходимо принимать во внимание и двойственный характер правовой коммуникации, которая включает в себя как коммуникативные акты между государством и личностью в процессе реализации законов, различных нормативных правовых актов, так и между участниками законотворческого процесса. Двойственный характер правовой коммуникации существенно осложняет ее научную оценку и принятие социально-управленческих решений. Вместе с тем именно эффективная, стабильно функционирующая правовая коммуникация создает условия для правомерного поведения граждан, способствует формированию правовой культуры и правового сознания.

В условиях происходящих глубоких трансформаций социальной системы и становления информационного миропорядка имеет место и воздействие на правовую коммуникацию. В информационном обществе интенсивное развитие информационно-компьютерных технологий и Интернета приводит к парадоксу, связанному с ухудшением качества информации и, как следствие, нарастающим дисфункциям коммуникативного процесса. Специфический

характер правовой коммуникации лишь усиливает остроту данной проблемы. Применительно к современному трансформирующемуся обществу наиболее острыми проблемами, связанными с правовой коммуникацией, являются следующие:

правовая коммуникация формальна, а современный информационный порядок во многом хаотичен и неформален, что находит отражение в коммуникационной системе, вызывая дополнительные противоречия, а в ряде случаев и дисфункции системы;

успешность правовой коммуникации предполагает определенный набор знаний о праве, упорядоченность информации в сознании адресатов сообщений, а в настоящее время в информационном обществе парадоксальным образом наблюдается противоположная картина, характеризующаяся, скорее, хаосом и «захламлением» информацией; классическая система образования оказывается несостоятельной перед лицом новых вызовов и рисков информационного общества;

правовая коммуникация в силу своих атрибутивных характеристик сложно функционирует в условиях виртуальной реальности (как и вся система права); ситуацию усложняет монологичный характер правовой коммуникации, тогда как виртуальная среда принципиально не соответствует данному формату сообщений; именно виртуальная реальность с каждым годом все более доминирует в социальной системе, будучи непосредственно связанной с интенсификацией развития информационно-компьютерных технологий и общим прогрессом Интернета;

в условиях неопределенности и рисков ускоренного инновационного развития управленческие структуры, ответственные за правовую коммуникацию, находятся в сложном положении, зачастую не зная, как правильно реагировать на воздействие виртуальной реальности, а научные исследования, проводимые по данной проблематике, в настоящее время не способны предоставить в полной мере информацию для использования именно в практической управленческой деятельности.

Изложенное позволяет утверждать, что существование правовой коммуникации в условиях информационного общества представляет собой научно-управленческую проблему. Под воздействием происходящих трансформационных процессов правовая коммуникация также претерпевает существенные изменения, что диктует необходимость усиления научного внимания данному аспекту.

1. Белов С.А. Параметры правовой коммуникации: адресаты правовых актов // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2022. № 4. С. 841–859.

2. Лушников П.В. Правовая коммуникация и ее участники: теоретический аспект // Вестник Удмуртского университета. Сер. «Экономика и право». 2019. № 3. С. 369–378.

3. Романова Е.А. Правовая коммуникация: общетеоретический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.

4. Кумахова Д.Б., Мухтаров Д.Д. правовая коммуникация: структура, цели и субъекты // Журнал прикладных исследований. 2021. № 6. С. 189–193.

5. Усманова Е.Ф. Правовая коммуникация и ее роль в правоформировании и выработке правил юридической техники // Проблемы и перспективы развития современной юриспруденции. Воронеж, 2015. С. 10–12.

6. Скоробогатов А.В. Виртуализация современного правового дискурса // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 2. С. 171–175.

7. Тихонова С.В. Формирование коммуникационной правовой политики как основа построения информационного общества // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 1. С. 28–33.

1. Belov S.A. Parameters of legal communication: addressees of legal acts // Bulletin of St. Petersburg University. 2022. No. 4. P. 841–859.

2. Lushnikov P.V. Legal communication and its participants: theoretical aspect // Bulletin of the Udmurt University. The series "Economics and Law". 2019. No. 3. P. 369–378.

3. Romanova E.A. Legal communication: general theoretical analysis: diss. ... Candidate of Sciences in Jurisprudence. Saratov, 2011.

4. Kumakhova D.B., Mukhtarov D.D. Legal communication: structure, goals and subjects // Journal of Applied Research. 2021. No. 6. P. 189–193.

5. Usmanova E.F. Legal communication and its role in legal formation and development of rules of legal technique // Problems and prospects of development of modern jurisprudence. Voronezh, 2015. P. 10–12.

6. Skorobogatov A.V. Virtualization of modern legal discourse // Baltic Humanitarian Journal. 2019. No. 2. P. 171–175.

7. Tikhonova S.V. Formation of communication legal policy as a basis for building an information society // Legal policy and legal life. 2016. No. 1. P. 28–33.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Тамазова Анна Дмитриевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России; e-mail: abd.8282@mail.ru;

Голубихина Наталья Валерьевна, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России; e-mail: ptic_natali@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

A.D. Tamazova, Candidate of Law, Assistant of the Department of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: abd.8282@mail.ru);

N.V. Golubikhina, Candidate of Law, Deputy Chief of the Department of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: ptic_natali@mail.ru

Кудрявцева Лариса Владимировна
Петров Игорь Валентинович

Правовые аспекты регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию в России

В статье рассматривается существующая система регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию в России, анализируется опыт зарубежных стран в данной сфере, предлагаются пути усовершенствования правовых механизмов регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию в России.

Ключевые слова: правовые аспекты, регулирование цен, сельскохозяйственная продукция, опыт зарубежных стран, усовершенствование системы.

Legal aspects of agricultural product price regulation in Russia

The article examines the legal aspects of agricultural product price regulation in Russia, analyzes the existing regulatory system, the experience of foreign countries, and suggests ways to improve the legal mechanisms of agricultural product price regulation in Russia.

Keywords: legal aspects, price regulation, agricultural products, foreign experience, system improvement.

В современном мире сельскохозяйственное производство играет ключевую роль в экономическом развитии и обеспечении продовольственной безопасности страны. Одним из наиболее актуальных вопросов в данной сфере является регулирование цен на сельскохозяйственную продукцию, которое направлено на поддержку устойчивого развития агропромышленного комплекса и обеспечение доступности продуктов питания для населения. В Российской Федерации данный вопрос важен из-за особенностей климатических условий, влияющих на урожайность, и мировых экономических тенденций, которые могут оказать воздействие на стабильность цен и предложения продуктов на рынке. В Российской Федерации регулирование цен на сельскохозяйственную продукцию основывается на комплексе нормативных правовых актов, включающих, в частности, федеральные законы от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства», от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О государственном регулировании агропромышленного производства», а также различные постановления Правительства РФ и нормативные акты федеральных органов исполнительной власти. Система регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию предполагает использование различных инструментов, таких как государственные закупки, субсидирование, налоговые льготы и тарифные квоты.

С одной стороны, существующая система регулирования цен на сельскохозяйственную

продукцию имеет ряд положительных сторон. Во-первых, она способствует стабилизации цен на продукты питания и снижению инфляционных процессов, что важно с точки зрения обеспечения благосостояния населения и поддержания макроэкономической стабильности. Во-вторых, государственное регулирование цен позволяет поддерживать доходы сельскохозяйственных товаропроизводителей на определенном уровне, что стимулирует их развитие и содействует повышению конкурентоспособности отечественной агропромышленной продукции на внутреннем и внешнем рынках [1, с. 9]. С другой стороны, анализируемая система имеет и отрицательные аспекты. Во-первых, государственное регулирование цен может привести к искажению рыночных сигналов и негативным последствиям для эффективности распределения ресурсов в агропромышленном секторе. Во-вторых, высокая степень государственного вмешательства в регулирование цен может снижать мотивацию сельскохозяйственных товаропроизводителей к внедрению инноваций и повышению производительности труда, что ограничивает потенциал экономического роста в данной сфере. В-третьих, сложная и не всегда прозрачная система государственных субсидий и налоговых льгот может создавать условия для коррупции и злоупотреблений со стороны чиновников и участников рынка. Кроме того, в существующей системе регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию отмечаются проблемы, связанные с эффективностью механизмов контроля и надзо-

ра со стороны государственных органов, что может привести к нарушениям законодательства и необоснованным колебаниям цен на отдельные товары. Нередко возникают ситуации, когда официально установленные максимальные и минимальные цены на сельскохозяйственную продукцию не соответствуют реальным рыночным условиям, что вызывает дисбаланс между спросом и предложением и может привести к дефициту или избытку продукции на рынке. Изложенное позволяет сделать вывод о необходимости усовершенствования существующей системы регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию в России с учетом современных тенденций развития агропромышленного сектора и мировых экономических процессов. Важным направлением в данном контексте является оптимизация механизмов государственного вмешательства в регулирование цен с целью усиления стимулов для инновационного развития сельскохозяйственного производства и повышения его конкурентоспособности [2, с. 76]. Помимо этого, следует уделить внимание совершенствованию инструментов контроля и надзора за соблюдением законодательства в сфере регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию и борьбе с коррупционными проявлениями в данной области. Необходимо также учитывать и адаптировать успешный опыт зарубежных стран.

Для формирования предложений по усовершенствованию системы регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию в России целесообразно рассмотреть опыт зарубежных стран в данной области [3, с. 98]. Интересным представляется опыт Индии, страны с достаточно развитым агропромышленным сектором и неоднородными климатическими условиями, включающими зоны рискованного земледелия. В Индии правовые механизмы регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию базируются на ряде законов и нормативных актов, а также включают государственные программы поддержки агропромышленного сектора. Важными элементами системы регулирования цен в Индии являются государственные закупки сельскохозяйственной продукции по фиксированным ценам для поддержания стабильности цен на базовые продукты питания, такие как рис, пшеница и сахар, предоставление кредитов и субсидий сельскохозяйственным предприятиям, использование тарифных квот и налоговых льгот.

Проведенный анализ позволил выделить следующие ключевые аспекты регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию в Индии, которые могут быть применимы в Российской Федерации.

1. Активное использование механизма государственных закупок для поддержания ста-

бильности цен на базовые продукты питания. Государственные закупки обеспечивают гарантированный спрос и защиту от рыночных колебаний цен для сельскохозяйственных товаропроизводителей, что важно в условиях высокой волатильности мировых цен на продукты питания и нестабильности погодных условий.

2. Индия успешно применяет механизмы поддержки внедрения инноваций в агропромышленном секторе. [4, с. 45] Так, существуют государственные программы по субсидированию внедрения новых технологий, обучения специалистов и проведения научно-исследовательских работ в области сельского хозяйства. Это позволяет повысить производительность труда, улучшить качество продукции и обеспечить ее конкурентоспособность на мировом рынке.

3. Индия активно использует инструменты тарифного и нетарифного регулирования для защиты отечественного агропромышленного сектора от демпингового импорта. Введение тарифных квот и налоговых льгот позволяет поддерживать конкурентоспособность отечественной продукции и способствует развитию сельского хозяйства. Кроме того, индийская система регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию характеризуется высоким уровнем гибкости и адаптивности к меняющимся экономическим условиям. Государственные органы регулярно проводят мониторинг рынка и при необходимости корректируют параметры данной системы для обеспечения ее эффективности.

4. В Индии существует система страхования сельскохозяйственных рисков, что является дополнительным инструментом обеспечения стабильности доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей и поддержания стабильности цен на сельскохозяйственную продукцию. Страхование позволяет снизить финансовые риски, связанные с неблагоприятными погодными условиями или колебаниями цен на мировом рынке, и обеспечивает дополнительную гарантию для инвестиций в сельскохозяйственное производство.

5. Важным инструментом регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию в Индии является система общественного питания, которая предоставляет доступ к базовым продуктам питания для наиболее уязвимых слоев населения. Это не только способствует улучшению пищевого обеспечения населения, но и создает дополнительный спрос на продукцию отечественного агропромышленного сектора.

6. Особенностью индийского опыта в области регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию является активное вовлечение кооперативов и ассоциаций товаропроизводителей в процесс формирования и реализации государственной агрополитики. Это позволяет учитывать интересы сельскохозяйственных товаро-

производителей и обеспечивает более высокую эффективность и социальную справедливость мер государственного регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию.

Таким образом, анализ опыта Индии в области регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию позволяет выделить ряд инструментов и подходов, которые могут быть использованы в Российской Федерации. В то же время важно учитывать специфику российского агропромышленного сектора и адаптировать зарубежный опыт с учетом национальных особенностей.

Основываясь на анализе существующей системы регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию в России и опыте зарубежных стран, можно сформулировать следующие рекомендации по усовершенствованию правовых механизмов регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию в России.

Необходимо снизить степень прямого государственного вмешательства в регулирование цен на сельскохозяйственную продукцию и сосредоточиться на использовании рыночных механизмов, таких как фьючерсы и опционы [5, с. 20]. Это позволит повысить гибкость и адаптивность системы к изменяющимся условиям и снизить искажения на рынке, вызванные государственным вмешательством. Целесообразно также разработать и внедрить соответствующие законодательные и нормативные акты, провести просветительскую работу среди сельскохозяйственных товаропроизводителей и потребителей.

Следует провести реформу системы государственной поддержки сельскохозяйственных производителей с целью стимулирования инноваций, повышения производительности труда и конкурентоспособности отрасли, а также обеспечения продовольственной безопасности и устойчивого развития сельскохозяйственного сектора. Изложенное обуславливает перспективность рассмотрения возможности перехода к системе прямых платежей, связанных с результатами производства, а также внедрения сельскохозяйственно-экологических программ.

Требуется усилить меры по развитию сельскохозяйственного кооперативного движения, так как кооперативы могут сыграть ключевую роль в улучшении доступа к рынкам, повышении доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей и снижении рисков, связанных с колебаниями цен. В данном направлении необходимо предусмотреть правовые и финансовые стимулы для создания и развития кооперативов, а также поддержать образовательные и исследовательские программы, направленные на расширение знаний о преимуществах и особенностях кооперативного движения в сельском хозяйстве.

Необходимо обеспечить прозрачность и доступность информации о ценах на сельскохозяй-

ственную продукцию, что способствует повышению осведомленности всех участников рынка и обеспечивает возможность более обоснованных и своевременных решений в области управления рисками, связанными с колебаниями цен. В этом направлении следует создать национальную информационную систему, которая будет включать данные о ценах на сельскохозяйственную продукцию на различных уровнях (от производителей до потребителей), а также статистические данные и прогнозы о производстве, потреблении, экспорте и импорте сельскохозяйственной продукции.

Для интенсификации международной интеграции российского сельскохозяйственного сектора и использования лучших мировых практик в регулировании цен на сельскохозяйственную продукцию следует активизировать международное сотрудничество России с дружественными странами и союзами, такими как БРИКС, ШОС, ЕАЭС, а также странами Латинской Америки и Африки. Это позволит России получить доступ к новым знаниям, технологиям и рыночным возможностям, а также участвовать в формировании межрегиональных правил и стандартов в области регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию.

Следует уделить особое внимание развитию инфраструктуры сельскохозяйственного рынка в рамках этих международных альянсов, включая транспорт, логистику, хранение и переработку сельскохозяйственной продукции, так как эти факторы напрямую влияют на формирование цен и распределение доходов между участниками рынка. В этом контексте необходимо совместно разработать комплекс мер, направленных на модернизацию и расширение существующей инфраструктуры, а также стимулирование инвестиций в инновационные проекты в данной сфере. Это могут быть как совместные международные программы, предоставление налоговых льгот и субсидий для инвесторов, так и создание благоприятных условий для привлечения частного капитала и развития публично-частного партнерства в рамках этих союзов.

Важным направлением усовершенствования правовых механизмов регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию является укрепление мер по защите прав потребителей и борьбе с монопольными проявлениями на рынке. В связи с этим следует усилить контроль за соблюдением антимонопольного законодательства и обеспечить его эффективное применение в случаях нарушений [6, с. 50]. Кроме того, необходимо разработать и внедрить механизмы социальной защиты наиболее уязвимых категорий населения от негативного влияния колебаний цен на сельскохозяйственную продукцию, таких как система социальных карт, льгот и субсидий [7, с. 140].

Усовершенствование системы регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию в России требует комплексного и системного подхода, включающего как корректировку существующих правовых механизмов, так и применение новых инструментов и мер, основанных на опыте зарубежных стран и учете специфики российской экономики и отрасли

сельского хозяйства [8, с. 167]. Реализация предложенных рекомендаций позволит повысить эффективность и устойчивость системы регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию, обеспечить баланс интересов всех участников рынка и способствовать устойчивому развитию сельскохозяйственного сектора России.

1. Кудрявцева Л.В. *Правовой статус сельскохозяйственных товаропроизводителей: учеб. пособие.* Краснодар, 2020.

2. Петров И.В. *Демонопользация рынков в процессе воспроизводства экономической безопасности макрорегиона: дис. ... д-ра экон. наук.* М., 2006.

3. Камышанская П.В. *Международный опыт регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию.* М., 2023.

4. Смирнова Л.В. *Роль правового регулирования в обеспечении единства экономического пространства в аграрном секторе // Экономика и управление.* 2021. № 4. С. 42–51.

5. Васильев В.И. *Правовое регулирование цен на сельскохозяйственную продукцию: сравнительный анализ // Журнал российского права.* 2021. № 5. С. 12–23.

6. Егоров Н.Ю. *Проблемы регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию в России // Журнал аграрного права.* 2022. № 3. С. 45–56.

7. Петров И.В. *Современные проблемы правового регулирования аграрных отношений в России.* М., 2021. С. 135–147.

8. Туманова Л.В., Эриашвили Н.Д., Кузбагаров А.Н. и др. *Гражданский процесс: учеб. / под ред. Л.В. Тумановой, Н.Д. Амаглобели.* 9-е изд., перераб. и доп. М., 2019.

1. Kudryavtseva L.V. *The legal status of agricultural producers: textbook.* stipend. Krasnodar, 2020.

2. Petrov I.V. *Demonopolization of markets in the process of reproduction of the economic security of the macroregion: diss. ... Doctor of Sciences in Economics.* Moscow, 2006.

3. Kamyshanskaya P.V. *International experience in regulating prices for agricultural products.* Moscow, 2023.

4. Smirnova L.V. *The role of legal regulation in ensuring the unity of economic space in the agricultural sector // Economics and Management.* 2021. No. 4. P. 42–51.

5. Vasiliev V.I. *Legal regulation of prices for agricultural products: comparative analysis // Journal of Russian Law.* 2021. No. 5. P. 12–23.

6. Egorov N.Yu. *Problems of price regulation for agricultural products in Russia // Journal of Agrarian Law.* 2022. No. 3. P. 45–56.

7. Petrov I.V. *Modern problems of legal regulation of agrarian relations in Russia.* Moscow, 2021. P. 135–147.

8. Tumanova L.V., Eriashvili N.D., Kuzbagarov A.N. et al. *Civil procedure: studies. / ed. by L.V. Tumanova, N.D. Amaglobeli.* 9th ed., rep. and add. Moscow, 2019.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кудрявцева Лариса Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина; e-mail: larisa-k75@mail.ru;

Петров Игорь Валентинович, доктор экономических наук, профессор кафедры международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина; e-mail: p474@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

L.V. Kudryavtseva, Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of International Private and Entrepreneurial Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; e-mail: larisa-k75@mail.ru;

I.V. Petrov, Doctor of Sciences in Economics, Professor of the Department of International Private and Entrepreneurial Law Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; e-mail: p474@yandex.ru

Вормсбехер Илья Анатольевич
Сидорова Ирина Владимировна

Выбор темы диссертационного исследования в образовательных и научных организациях системы МВД России

В статье рассмотрены нормативно закрепленные критерии и требования, предъявляемые к темам диссертационных исследований, а также иные факторы, которые могут оказать влияние на выбор соискателя. Выявлены особенности формулирования и утверждения тем диссертаций в образовательных и научных организациях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: диссертация, адъюнктура, актуальность, новизна, практическая значимость, теоретическая значимость.

Topic selection dissertation research in educational and scientific organizations of the Ministry of the Interior of Russia

The article discusses the normative criteria and requirements for the topics of dissertation research, as well as other factors that may influence the choice of an applicant. The features of the formulation and approval of dissertation topics in educational and scientific organizations of the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation are revealed.

Keywords: dissertation, adjunct, relevance, novelty, practical significance, theoretical significance.

Выбор темы диссертационного исследования является, несомненно, одним из самых важных и ответственных шагов начинающего ученого на пути к достижению искомой степени кандидата юридических наук. Как справедливо отмечает Л.Н. Москвичев, четко сформулированное название диссертации является одним из показателей квалификационного уровня соискателя ученой степени [1, с. 46]. Этап выбора темы исследования служит отправной точкой, способной задать направление, в котором будет развиваться научный поиск соискателя. Данный этап может иметь решающее значение для деятельности ученого на разных стадиях подготовки материалов исследования, а также влиять на результативность всей работы диссертанта. Взвешенное и осознанное принятие решения о выборе темы позволит не только подготовить качественный научный труд, но и получать удовольствие от работы над актуальной и представляющей интерес для научного сообщества, а также для самого соискателя темой диссертационного исследования.

Существенный вклад в изучение технологии и методики подготовки диссертаций внесли Г.Ч. Синченко [2], Н.В. Павличенко [3],

М.И. Клеандров [4], Ю.Г. Волков [5], Ф.А. Кузин [6] и другие ученые. Их работы в настоящее время служат общетеоретической базой для углубленных исследований. К особенностям подготовки научных и научно-педагогических кадров, в том числе в системе МВД России, обращались М.В. Бавсун, О.Н. Миронкина, Б.Б. Булатов, К.Д. Николаев [7, 8, 9]. Вопросы экспертной оценки предполагаемых тем диссертационных исследований посвящены работы Н.В. Астафьева [10, 11]. На страницах научной литературы можно найти множество рекомендаций и предложений уважаемых ученых по выбору темы диссертации, вместе с тем особенности формулирования и утверждения тем диссертаций в образовательных и научных организациях системы МВД России мало освещены в теоретических трудах.

Руководством МВД России уделяется особое внимание совершенствованию научного обеспечения деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД). Так, приказом МВД России от 13 ноября 2020 г. № 767 утверждена Концепция научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Концепция). В Концепции анализируются

проблемы, существующие в данной сфере, в частности, отмечается, что «часть субъектов научно-исследовательской деятельности отвлекается на исследование неактуальных тем, диссертационные исследования нередко носят отвлеченный характер и не имеют практической ценности... наметилась тенденция к ухудшению качества подготовки научных кадров, о чем, в частности, свидетельствует повсеместное снижение теоретической и практической значимости диссертационных исследований, их недостаточная ориентированность на реальные интересы ОВД, формальный подход к внедрению результатов диссертационных работ в практику и законотворческую деятельность» [12]. В качестве цели реализации Концепции обозначено повышение результативности оперативно-служебной деятельности ОВД. Достижение данной цели планируется, в том числе, путем повышения уровня ответственности всех субъектов научно-исследовательской деятельности за выбор тем для проведения научных работ и внедрение их результатов в практику. Для этого Концепцией предусмотрено соблюдение принципа экономии, исключаящего инициирование исследований, в том числе диссертационных, по темам, не представляющим интереса для системы МВД России, дублирование тем научных работ, использование неэффективных и устаревших технологий проведения исследований. Данный принцип также находит отражение в п. 110 Положения об организации научной деятельности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 28 апреля 2023 г. № 260 «Об организации научной и научно-технической деятельности в системе МВД России» [13] (далее – приказ № 260).

Процесс выбора темы диссертации – неодоимый шаг. По мнению М.И. Клеандрова, разумно этому посвятить до полугода [4, с. 78]. Действительно, поспешное принятие решения может привести к последующей смене темы, что влечет потерю драгоценного времени, отведенного на подготовку научно-квалификационной работы. В то же время следует отметить, что в аспирантуре (адъюнктуре) этот этап имеет нормативно урегулированные границы. Так, исходя из положений п. 22 постановления Правительства РФ от 30 ноября 2021 г. № 2122 «Об утверждении Положения о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)» [14] тема диссертации утверждается не позднее 30 календарных дней с даты начала освоения

программы аспирантуры (адъюнктуры). Вместе с тем действие данной нормы не распространяется на федеральные государственные организации, осуществляющие образовательную деятельность и находящиеся в ведении Генеральной прокуратуры РФ, Следственного комитета РФ, Службы внешней разведки РФ, федеральных органов исполнительной власти, указанных в ч. 1 ст. 81 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», в число которых входят образовательные и научные организации системы МВД России. Утверждение темы диссертации в таких организациях должно осуществляться в сроки, установленные соответствующими государственными органами. На наш взгляд, это обусловлено тем, что обучение или прохождение службы в образовательных и научных организациях правоохранительных органов, в том числе системы МВД России, накладывает отпечаток на выбор темы диссертационного исследования.

Согласно положениям ведомственных нормативных правовых актов, регламентирующих научно-исследовательскую деятельность в органах внутренних дел [15, 13], темы диссертаций адъюнктов должны быть утверждены не позднее 3 месяцев с даты начала освоения программы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре). Представляется, что данный срок вполне разумен с учетом специальной процедуры утверждения тем диссертационных исследований в образовательных и научных организациях системы МВД России.

Важно обратить внимание на то, что обсуждение тем планируемых диссертационных исследований в таких организациях проходит три последовательных этапа. На первоначальном этапе план и обоснование выбранной темы диссертационного исследования обсуждаются на заседании профильной кафедры (отдела, центра). В случае положительного решения по итогам данного обсуждения материалы по теме предполагаемого диссертационного исследования (наименование темы и ее обоснование, план диссертации, заключение профильной кафедры (иного структурного подразделения) по итогам обсуждения планируемой темы диссертационного исследования) передаются в группу экспертов для организации их рассмотрения на предмет оценки актуальности, новизны, теоретической и практической значимости темы диссертационного исследования и получения экспертного заключения. Затем тема научно-квалификационной работы

рассматривается и одобряется ученым советом образовательной (научной) организации системы МВД России. Темы диссертаций адъюнктов, одобренные решением ученого совета, утверждаются приказом образовательной или научной организации системы МВД (если это предусмотрено локальным нормативным актом). На всех этапах обсуждения темы диссертационного исследования дается оценка ее актуальности, новизны, практической и теоретической значимости, соответствия предметной области избранной научной специальности, соответствия основным направлениям научного обеспечения деятельности ОВД, а также основным направлениям научной (научно-исследовательской) деятельности организации, в которой планируется подготовка научно-квалификационной работы.

Далее кратко охарактеризуем указанные критерии и требования к теме диссертации.

Критерий актуальности занимает особое место при оценке возможности разработки выбранной темы исследования. Актуальность подразумевает, что в науке и практике существует острая потребность в разработке этой темы исследования. Как справедливо отмечает Н.В. Павличенко, необходимо обращать внимание на востребованность наукой и практикой выбранного соискателем направления для исследования в данный промежуток времени и при конкретных сложившихся обстоятельствах [3, с. 31]. Действительно, соискателям необходимо быть уверенными, что по истечении времени, отведенного на написание диссертации, актуальность выбранной темы не будет утрачена. В правовой науке нередки случаи, когда ранее актуальная тема перестает отвечать данному критерию вследствие различных факторов, таких как декриминализация рассматриваемого исследователем состава преступления или исключение состава административного правонарушения из КоАП РФ, устранение законодателем имевшихся ранее пробелов в нормативном правовом регулировании и т.д. Кроме того, существует вероятность, что другим исследователем будет защищена диссертация по схожей тематике и соискателю придется корректировать тему своей научной работы и заново обосновывать ее актуальность.

Говоря о новизне, следует отметить, что исходя из положений постановления Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней») (далее – Положение о присуждении уче-

ных степеней) [16] диссертация должна содержать новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствовать о личном вкладе автора диссертации в науку. Обоснование новизны темы исследования должно подтверждать уникальность предполагаемых результатов диссертации и объяснять, каким образом исследование добавит новые знания в соответствующую отрасль науки.

Теоретическая значимость характеризует вклад, который соискатель ученой степени должен внести в теорию той отрасли науки, на развитие которой направлен его научный поиск. В свою очередь, практическая значимость должна показать, каким образом полученные теоретические знания найдут применение в практической деятельности. Согласно п. 10 Положения о присуждении ученых степеней в диссертации, имеющей прикладной характер, должны приводиться сведения о практическом использовании полученных автором научных результатов, а в исследовании, имеющем теоретический характер, – рекомендации по использованию научных выводов.

Кроме того, тема диссертации должна соответствовать предметной области выбранной научной специальности. На основании рекомендации Высшей аттестационной комиссии приказом Минобрнауки России от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» [17] утверждена номенклатура научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени. В целях развития междисциплинарных исследований, а также актуализации наименований научных специальностей в новой номенклатуре произведено укрупнение научных специальностей. Выбранная тема диссертации должна соответствовать одному или нескольким направлениям, обозначенным в паспорте научной специальности.

К темам диссертационных исследований, планируемыми в образовательных и научных организациях системы МВД России, предъявляются дополнительные повышенные требования, характеризующие их практическую значимость. Так, темы должны соответствовать основным направлениям научного обе-

спечения деятельности ОВД, которые находят отражение в приказе № 260. В связи с этим особый интерес представляет исследование, проведенное авторским коллективом ВНИИ МВД России [18], в котором широко представлены удачно иллюстрирующие теоретические положения результаты изучения информации, полученной от образовательных и научных организаций системы МВД России. Согласно представленным авторами результатам среди тем, утвержденных в 2018–2020 гг. в системе МВД России, значительное количество посвящено деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений и экспертно-криминалистической деятельности (369) – 27,03%, научному обеспечению по другим направлениям (285) – 20,88%, деятельности подразделений по оперативной работе (184) – 13,48%, научному обеспечению организации работы с кадрами (184) – 13,48%, административной деятельности ОВД (157) – 11,5% и т.д. Отдельное внимание авторами обзора уделяется темам диссертационных исследований, отнесенных к научному обеспечению по другим направлениям. Их анализ позволил сделать вывод о том, что часть тем представлена фундаментальными исследованиями, которые не ориентированы на удовлетворение текущих потребностей ОВД с учетом решаемых ими задач. По мнению авторов, МВД России не должно выступать «спонсором» научных исследований, направленных на развитие отраслей научного знания, никак не связанных с деятельностью ОВД.

Соглашаясь с авторами обзора относительно того, что диссертационные исследования должны быть направлены на решение задач, возложенных на ОВД, отметим, что, на наш взгляд, не стоит полностью пренебрегать тематикой фундаментальных исследований при выборе тем кандидатских диссертаций. Как справедливо пишет В.В. Горохов, эффективно развивать прикладные исследования возможно, только если есть задел в фундаментальных исследованиях. По мнению автора, стремление свести современную научную деятельность к решению чисто прикладных и коммерческих задач настолько же пагубно для науки, насколько и полное отлучение от них [19]. Проведение фундаментальных исследований по теоретическим проблемам отраслевых наук позволит решить множество трудностей, возникающих в повседневной служебной деятельности сотрудников, и удовлетворить текущие потребности ОВД с учетом решаемых ими задач. Так, тема прав человека является

фундаментальной для науки конституционного права и развивает отрасли знаний, которые могут быть реализованы в иных прикладных диссертационных исследованиях в интересах ОВД.

Еще одним требованием, оказывающим влияние на выбор темы диссертации, является ее соответствие основным направлениям научной (научно-исследовательской) деятельности организации, в которой планируется подготовка научно-квалификационной работы. Приказом № 260 утвержден Перечень образовательных и научных организаций и профильных подразделений системы МВД России по приоритетным направлениям научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, где каждой организации определены соответствующие приоритетные направления для проведения научных исследований.

Интересен и показателен в плане ориентации на практическую значимость подход, реализуемый в МВД Республики Беларусь, где выбор тем диссертационных исследований осуществляется в соответствии с Перечнем актуальных направлений диссертационных исследований в области права, утвержденным решением межведомственного совета по проблемам диссертационных исследований в области права. Кроме того, все темы диссертаций предварительно согласовываются с соответствующими подразделениями МВД, Следственного комитета, Государственного комитета судебных экспертиз, Государственного пограничного комитета, другими организациями-заказчиками [20]. Таким образом, в МВД Республики Беларусь подлежат исследованию только те темы диссертационных исследований, которые действительно являются востребованными для правоохранительных органов и требующими научной разработки, практическая значимость которых подтверждается данными органами.

Реализовать практико-ориентированный подход к выбору тем диссертаций в системе МВД России, по нашему мнению, можно путем включения в состав групп экспертов образовательных и научных организаций представителей подразделений центрального аппарата МВД России, территориальных органов МВД России. Такая возможность предоставлена приказом № 260. Кроме того, следует отметить, что положительным примером разработки направлений для выбора тем диссертаций являются подготовленные Российской академией образования совместно с Президиумом ВАК актуальные тематики исследований по пе-

дагогике и психологии. Как отмечает президент данной академии О.Ю. Васильева, это именно широкие тематики, направления, а не конкретные темы. Проведенная работа в первую очередь направлена на помощь аспирантам: благодаря перечню они могут узнать, какие направления исследований сегодня действительно востребованы, каких разработок не хватает, а какие устарели, поэтому лучше не акцентировать на них внимание [21].

Своеобразным аналогом рассмотренных перечней актуальных направлений тем диссертационных исследований в системе МВД России является Сводный перечень проблем деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, требующих научного разрешения (далее – Сводный перечень), в котором систематизированно излагаются возникающие в оперативно-служебной деятельности ОВД и носящие среднесрочный и долгосрочный характер теоретические и (или) практические задачи, для решения которых необходимо провести научные исследования.

По мнению авторов обзора, именно Сводный перечень должен служить основополагающим ориентиром для сотрудников ОВД при выборе темы диссертации с точки зрения перспективной оценки актуальности предполагаемого исследования и возможности практического применения его результатов в оперативно-служебной деятельности. Они предлагают предусмотреть его приоритетную роль при планировании тем диссертационных исследований. На наш взгляд, такой подход к определению роли Сводного перечня при выборе тем диссертационных исследований достаточно спорен.

Мы считаем, что Сводный перечень как источник, в котором в систематизированном виде перечислены проблемные вопросы, требующие научной проработки и разрешения в среднесрочной и долгосрочной перспективе, не может являться безоговорочно руководящим документом при выборе темы диссертационного исследования. Главным аргументом против данной позиции является факт, что согласно п. 9 Положения о присуждении ученых степеней диссертация на соискание ученой степени доктора наук должна быть научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, либо решена научная проблема, имеющая важное политическое, социально-экономическое, культурное или хозяйственное значение, либо изложены новые научно обо-

снованные технические, технологические или иные решения, внедрение которых вносит значительный вклад в развитие страны, а диссертация на соискание ученой степени кандидата наук должна быть научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения и разработки, имеющие существенное значение для развития страны. При детальном изучении Сводного перечня становится ясно, что освещение не всех отраженных в нем проблемных вопросов позволит решить научную проблему или научную задачу, а в качестве планируемых научных результатов (видов научной продукции) в Сводном перечне приводятся: аналитический обзор с предложением, научно-методическое пособие, методические рекомендации, информационно-аналитические материалы, статьи, материалы социологических исследований, база данных, практические рекомендации, методика, прогноз, справка, учебник, макет учебного дела, алгоритмическая модель и т.д., а не диссертация. Кроме того, значительное количество проблемных вопросов, решение которых может способствовать совершенствованию оперативно-служебной деятельности ОВД и быть востребованным в практической деятельности, не нашло отражения в Сводном перечне.

Резюмируя изложенное, отметим, что, по нашему мнению, проблемы, включенные в Сводный перечень, безусловно, должны оказывать влияние на выбор тем диссертационных исследований, начинающим исследователям необходимо получать из него актуальную информацию о вопросах, возникающих в повседневной служебной деятельности подразделений ОВД, при этом Сводному перечню целесообразно отвести ориентирующую, а не приоритетную роль.

Рассмотрев нормативно закрепленные критерии и требования, предъявляемые к темам диссертационных исследований в образовательных и научных организациях системы МВД России, считаем необходимым обратить внимание на иные факторы, которые могут оказать влияние на выбор соискателя. С этой целью нами проведено анкетирование адъюнктов образовательных организаций системы МВД России, темы которых утверждены на заседаниях ученого совета.

Согласно результатам исследования 34% впоследствии утвержденных тем диссертаций

предложено соискателями, 61,8% – научными руководителями, 4,2% – иными лицами. На выбор соискателей, которые сами предложили тему диссертации, оказала влияние ранее проводимая ими научная работа – 29,8%, большинство респондентов (48,9%) отметили, что их выбор связан с проблемами, выявленными в ходе прохождения службы в практических ОВД, кроме того, часть респондентов указали на то, что почерпнули проблемные вопросы для формулирования темы диссертации из научных работ других авторов – 12,8%, Сводного перечня, а также документов стратегического планирования ведомственного и федерального уровня – 22,9%, профилизация образовательной организации оказала влияние на 17% соискателей.

Тема диссертации может быть подвергнута корректировке, изменена либо отклонена на различных этапах, предшествующих ее утверждению. Изначально предложенный соискателем вариант темы в дальнейшем корректировался в 70,2% случаев, что показывает значительную роль различных субъектов при принятии решения об утверждении темы. Так, согласно результатам анкетирования изначально сформулированная соискателем тема была подвергнута корректировке научным руководителем в 80,8% случаев, начальником или членами профильной кафедры, на которой рассматривалась тема – 30,6%, экспертами – 5,6%, а также членами ученого совета

организации – 5,6%. Приведенные данные свидетельствуют о том, что фигура научного руководителя является ключевой в процессе выбора темы диссертации.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что выбор темы диссертационного исследования в образовательных и научных организациях системы МВД России является одним из важнейших шагов на пути соискателя к искомой ученой степени. Данный процесс включает три последовательных этапа, на каждом из которых тема научной работы оценивается на предмет актуальности, новизны, практической и теоретической значимости, соответствия предметной области выбранной научной специальности, основным направлениям научного обеспечения деятельности ОВД, а также основным направлениям научной (научно-исследовательской) деятельности организации, в которой планируется подготовка научно-квалификационной работы. При выборе темы диссертации соискателям предстоит решить дуалистическую задачу, результаты, полученные в ходе исследования, будут иметь значение для развития соответствующей отрасли научного знания и одновременно вносить вклад в реализацию основных направлений деятельности ОВД. На окончательную формулировку темы диссертации оказывается влияние различными субъектами, ключевым из которых является научный руководитель.

1. Москвичев Л.Н. О названиях диссертаций: (По специальностям социальных и гуманитарных наук) // Бюллетень ВАК. 1999. № 4.

2. Синченко Г.Ч. Логика диссертации: учеб. пособие. М., 2013.

3. Павличенко Н.В. Диссертационное исследование: технология подготовки. М., 2021.

4. Клеандров М.И. Кандидатская диссертация юриста: выбор и разработка темы. М., 2007.

5. Волков Ю.Г. Диссертация: подготовка, защита, оформление: практ. пособие. М., 2023.

6. Кузин Ф.А. Диссертация: Методика написания. Правила оформления. Порядок защиты: практ. пособие для докторантов, аспирантов и магистрантов. М., 2001.

7. Бавсун М.В., Миронкина О.Н., Сидорова И.В. Проблемы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктура) в условиях перехода на федеральные государственные требования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3(95).

1. Moskvichev L.N. On the titles of dissertations: (In the specialties of social and humanistic sciences) // Bulletin of the Higher Attestation Commission. 1999. No. 4.

2. Sinchenko G.Ch. Logic of dissertation: textbook. Moscow, 2013.

3. Pavlichenko N.V. Dissertation research: technology of preparation. Moscow, 2021.

4. Kleandrov M.I. Candidate's dissertation of a lawyer: selection and development of the topic. Moscow, 2007.

5. Volkov Yu.G. Dissertation: preparation, defense, design: pract. guide. Moscow, 2023.

6. Kuzin F.A. Dissertation: Methodology of writing. Rules of registration. The order of protection: pract. guide for doctoral students, postgraduates and undergraduates. Moscow, 2001.

7. Bavsun M.V., Mironkina O.N., Sidorova I.V. Problems of training scientific and scientific-pedagogical personnel in graduate school (adjunct) in the transition to federal state requirements // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. No. 3(95).

8. Бавсун М.В., Миронкина О.Н. Проблемы правового регулирования соискания ученой степени кандидата наук выпускниками адъюнктуры // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2(98).

9. Бавсун М.В., Булатов Б.Б., Николаев К.Д., Сидорова И.В. О проблемах подготовки научно-педагогических кадров в образовательных организациях МВД России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 3(49).

10. Астафьев Н.В. Экспертиза обоснования темы диссертационного исследования, планируемого к выполнению в образовательной организации МВД России: учеб.-метод. пособие. Тюмень, 2022.

11. Астафьев Н.В. Практическая значимость диссертационного исследования, планируемого к выполнению в образовательной организации МВД России: критерии оценки // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3(69).

12. Об утверждении Концепции научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на период до 2030 года: приказ МВД России от 13 нояб. 2020 г. № 767. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

13. Об организации научной и научно-технической деятельности в системе МВД России: приказ МВД России от 28 апр. 2023 г. № 260. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

14. Об утверждении Положения о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре): постановление Правительства РФ от 30 нояб. 2021 г. № 2122. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

15. Об утверждении Особенности организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам среднего профессионального образования, программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, дополнительным профессиональным программам и основным программам профессионального обучения, Особенности организации и осуществления методической и научной (научно-исследовательской) деятельности в области подготовки кадров в интересах обеспечения законности и правопорядка, а также деятельности федеральных государственных организаций, осуществляющих образовательную деятельность и находящихся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 19 сент. 2022 г. № 691. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

8. Bavsun M.V., Mironkina O.N. Problems of legal regulation of the degree of candidate of sciences by graduates of the adjunct // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. No. 2(98).

9. Bavsun M.V., Bulatov B.B., Nikolaev K.D., Sidorova I.V. On the problems of training scientific and pedagogical personnel in educational organizations of the Ministry of the Interior of Russia // Legal science and law enforcement practice. 2019. No. 3(49).

10. Astafyev N.V. Examination of the substantiation of the topic of the dissertation research planned for implementation in the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia: educational and methodical manual. Tyumen, 2022.

11. Astafyev N.V. Practical significance of the dissertation research planned for implementation in the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia: evaluation criteria // Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. No. 3(69).

12. On approval of the Concept of scientific support for the activities of the internal Affairs bodies of the Russian Federation for the period up to 2030: order of the Ministry of the Interior of Russia d.d. Nov. 13, 2020 No. 767. Access from the legal reference system "Garant".

13. On the organization of scientific and scientific-technical activities in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: order of the Ministry of the Interior of Russia d.d. Apr. 28, 2023 No. 260. Access from the legal reference system "Garant".

14. On Approval of the Regulations on the training of scientific and scientific-pedagogical personnel in postgraduate studies (adjunct): decree of the Government of the Russian Federation d.d. Nov. 30, 2021 No. 2122. Access from the legal reference system "Garant".

15. About the approval of the Specifics of the organization and implementation of educational activities in the educational programs of secondary vocational education, bachelor's degree programs, specialty programs, master's degree programs, additional professional programs and basic vocational training programs, the specifics of the organization and implementation of methodological and scientific (research) activities in the field of personnel training in the interests of law and order, as well as activities federal state organizations, carrying out educational activities and under the jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: order of the Ministry of the Interior of Russia d.d. Sept. 19, 2022 No. 691. Access from the legal reference system "Garant".

16. On the procedure for awarding academic degrees (together with the "Regulations on

16. О порядке присуждения ученых степеней (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней»): постановление Правительства РФ от 24 сент. 2013 г. № 842. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

17. Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 нояб. 2017 г. № 1093; приказ Минобрнауки России от 24 февр. 2021 г. № 118. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

18. Об актуальности и соответствии тем диссертационных исследований сотрудников органов внутренних дел задачам, решаемым органами внутренних дел Российской Федерации. Аналитический обзор с предложениями: письмо ФГКУ «ВНИИ МВД России» от 25 нояб. 2021 г. № 43/2211.

19. Горохов В.Г. Фундаментальные и прикладные исследования, а не фундаментальные и прикладные науки // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2014. № 2(40) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fundamentalnye-i-prikladnye-issledovaniya-a-ne-fundamentalnye-i-prikladnye-nauki> (дата обращения: 20.01.2023).

20. URL: <https://www.amia.by/structure/faculties/scientific-and-pedagogical-faculty> (дата обращения: 13.07.2023).

21. Ольга Васильева: Нам нужны учителя, которые бы научили учителей // *Парламентская газета: эл. период. изд.* 2023. 9 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/social/olga-vasileva-nam-nuzhny-uchitelya-kotorye-by-nauchili-uchiteley.html> (дата обращения: 13.07.2023).

awarding academic Degrees"): decree of the Government of the Russian Federation d.d. Sept. 24, 2013 No. 842. Access from the legal reference system "Garant".

17. On Approval of the Nomenclature of Scientific specialties for which Academic Degrees are awarded, and Amendments to the Regulations on the Council for the Defense of Dissertations for the Degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences, approved by the order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation d.d. Nov.10, 2017 No. 1093; order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation d.d. Febr. 24, 2021 No. 118. Access from the legal reference system "Garant".

18. On the relevance and compliance of the topics of dissertation research of employees of internal affairs bodies with the tasks solved by the internal affairs bodies of the Russian Federation. Analytical review with suggestions: letter of the Federal State Institution "Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia" d.d. Nov. 25, 2021 No. 43/2211.

19. Gorokhov V.G. Fundamental and applied research, not fundamental and applied sciences // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2014. No. 2(40) [Web resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fundamentalnye-i-prikladnye-issledovaniya-a-ne-fundamentalnye-i-prikladnye-nauki> (date of access: 20.01.2023).

20. URL: <https://www.amia.by/structure/faculties/scientific-and-pedagogical-faculty> (date of access: 13.07.2023).

21. Olga Vasilyeva: We need teachers who would teach teachers // *Parliamentary newspaper: electronic periodical. ed.* 2023. June 9 [Web resource]. URL: <https://www.pnp.ru/social/olga-vasileva-nam-nuzhny-uchitelya-kotorye-by-nauchili-uchiteley.html> (date of access: 13.07.2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Вормсбехер Илья Анатольевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель-методист адъюнктуры Омской академии МВД России; e-mail vormsbekher.ilia@yandex.ru;

Сидорова Ирина Владимировна, кандидат юридических наук, начальник адъюнктуры Омской академии МВД России; e-mail sidorova.81@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

I.A. Vormsbekher, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Senior Teacher-methodologist of Adjuncture, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail vormsbekher.ilia@yandex.ru;

I.V. Sidorova, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Head of Adjuncture, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail sidorova.81@mail.ru

Уважаемые коллеги!

Отправка автором статьи в адрес редакции журнала с предложением опубликовать ее рассценивается как предложение автора о заключении лицензионного договора о предоставлении права использования Произведения с редакцией журнала, который в соответствии с п. 2 ст. 1286 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть заключен в устной форме.

Лицензионный договор с автором статьи считается заключенным с момента принятия редакцией статьи к опубликованию. Автор безвозмездно предоставляет редакции следующие исключительные права:

воспроизводить Произведение, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет, тиражом 100 000 экз. (право на воспроизведение);

распространять Произведение или его экземпляры любым способом, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет (право на распространение);

импортировать Произведение или его экземпляры в целях распространения (право на импорт);

публично показывать и/или публично исполнять Произведение (право на публичный показ и на публичное исполнение);

переводить Произведение (право на перевод);

перерабатывать, аранжировать или другим образом перерабатывать Произведение (право на переработку).

Статьи и иные материалы публикуются исключительно на безвозмездной основе, вознаграждение авторам не выплачивается.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте.

В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25]. В затекстовых ссылках страницы не указываются.

Для цитируемых источников в затекстовых ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой их последовательности:

1) фамилия, инициалы автора;

2) название источника;

3) вид издания, если он указан (монография, учеб. пособие, сб. науч. тр., материалы междунар. конф., тез. докл. и т.д.), в соответствии с ГОСТ 7.0.60–2020 «Издания. Основные виды. Термины и определения», 7.88–2003 «Правила сокращения заглавий и слов в заглавиях публикаций»;

4) место издания; если их несколько, между ними ставится точка с запятой (;);

5) год издания;

6) ссылки на данные, полученные из сети Интернет, оформляются следующим образом: URL: электронный адрес первичного источника информации (дата обращения: ...);

7) при ссылке на архивные данные полное название архива приводится только при первом упоминании, в последующем оно сокращается; после названия архива указываются номер фонда, описи, дела, листа (все именно в такой последовательности).

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5.–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Образец оформления цитируемых источников

Книги

Иванов И.И. Русский язык: учеб. СПб., 1990.

История русской литературы. XX век / сост. И.И. Иванов. М., 1991.

/ под ред. И.И. Иванова. 2-е изд. М., 1992.

/ отв. ред. И.И. Иванов. СПб., 1990.

Статья в журнале, сборнике, газете

Иванов И.И. Синтаксис // Русский язык. 1990. № 2.

Иванов И.И. Язык // Синтаксис: сб. науч. тр. М., 1992.

// Вестн. МГУ. Сер. 11: Право. 1996. Т. 5. № 9.

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ВЕСТНИК КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ»**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-53945
от 30 апреля 2013 г.

Подписано в печать 30.09.2023
Выпуск в свет 09.10.2023
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 18,0
Тираж 100 экз. Заказ 186
Цена свободная

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Краснодарского университета МВД России
Российская Федерация, 350005, Краснодарский край,
г. Краснодар, ул. Ярославская, 128
тел.: +78612583249